ТАКОВ ДАЛЬНИЙ...

Игорь ШУМЕЙКО

Во многих статьях, ТВ и радио беседах я говорил, что в истории нашего освоения Дальнего Востока зашифрованы и условия его сохранения. Что до популярных «китайских страшилок» и даже предложений продать Дальний Восток «пока так не забрали»... в отношениях Россия-Китай никогда не было «Задачи с двумя вращающимися телами». Как в астрономических расчётах орбит – всегда присутствовало «третье тело». Первым «Третьим телом» была Манчжурия. Недооценённое «совпадение»: в один год, 1644-й Россия вышла к Амуру (Поярков) и манчжуры захватили Китай, создав династию Цин. Первые удачные походы (Хабарова) и первый провал, поражение на Корчеевской луке (1658), Нерчинский договор (1689), историческое письмо китайского императора Каньси Петру Первому подводят итог тому периоду: «Россия государство холодное и дальнее, если бы я послал свои войска, то все помёрзли бы, и хотя бы чем-либо завладел, то какая в том прибыль? А наша сторона жаркая, и если императорское величество пошлёт против меня свои войска, то могут напрасно помереть, потому что к жару непривычны» (1720).

Далее «Третьим телом» стали, назовём это: «НАТО 19 века». Англия и Франция ведут Опиумные войны. В их современных терминах операция: «Чай в обмен на опиум». Богдыхан бессильно наблюдает, как «НАТО»вцы ставят по стране опиумокурильни, вывозят чай, шёлк, фарфор. Потому Китай так рад новому появлению России на Амуре, на Тихом Океане. Авторы упомянутых «страшилок» твердят: на некоторых китайских картах Дальний Восток (Приамурье и Приморье) закрашены как китайские. Но и в наших нынешних учебниках есть карты 19 века с российскими Финляндией и Польшей. По Нерчинскому договору Приамурье и Приморье – китайские, точнее – маньчжурские, родовое «приданное» династии Цин. Области, пустующие ещё и потому, что собственно китайцам, ханьцам – вход туда был запрещён. Невельской и Муравьёв прибирали край к рукам явочным порядком, мирно. Айгуньским договором 1858 и Пекинским 1860-го Китай передал их России. Важнейший геополитический факт: НЕ после какой-либо войны. Не силой, но своей... нужностью Россия получает Приамурье, Приморье. Правители многотысячелетнего Китая рассчитали, что конфигурация из трёх тел будет устойчивой, и... расчёты конфуцианских мудрецов блестяще оправдались в 20 веке. Новым «третьим телом» стала Япония, неутомимо с 1894 года кромсающая Китай. А Россия, даже проиграв Русско-Японскую, даже учинив у себя Гражданскую, остаётся на берегу Тихого Океана... успевая прийти на помощь уже не богдыханову а маоцзедунову Китаю. Правда, то, что получили своей нужностью – можем потерять своей ненужностью, рассеянной никчёмностью.

Продолжение на 3-й странице

МИР СЕВЕРА

№ 3 (91), 2014

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Роман СЕНЧИН

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Евгений БОГАЧКОВ (Москва),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Обложка 1 стр. - авторы работ:
Мандар Уус, Борис Корнилов
2-3 стр. - автор работ- Борис Корнилов

Подписано в печать
16 июня 2014 года.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 443

СОДЕРЖАНИЕ

3 Встречь солнцу
Игорь ШУМЕЙКО. Таков Дальний...

8 Легенда
Олег ДЕМИДОВ. Плыви, Тур Хейердал, плыви

10 Проект
Евгений БОГАЧКОВ. Атлантида Русского Севера: состоится ли открытие

13 Сияние Югры
Юлия НАКОВА. Умеющая любить

17 Мы – один мир
Анна ГОГОЛЕВА. Журавлиные песни Поэтов

23 Драма
Олег ХИМАНЫЧ. Красная палатка на белом экране

26 В поисках истины
Яков СОЛОДКИН. Пелымский поход Ермака: Легенда или реальность?

30 Возвращение к истокам
Вячеслав ОГРЫЗКО. Первые шаги Юрия Рытхэу
Вячеслав ОГРЫЗКО. Готов поэзию продать: Анатолий Тарасенков
Письма Юрия Рытхэу Анаталию Тарасенкову

41 Другие берега
Андрей ВЕТЕР-НЕФЁДОВ. Странный человек. К вопросу о портрете Ташунке Уитко

47 Как это было
Николай ЮРЛОВ. Заговор свояков

51 Проза
Николай ТОЛСТИКОВ. Христопродавцы

55 Взгляд из Финляндии
Роберт ВИНОНЕН. Стихотворение как половой акт

59 На закуску
Леонид БАБАНИН. Стерлядка

63 Это надо читать
Василий АВЧЕНКО. Соловецкая Россия

65 Фантасмагория
Алина ЧАДАЕВА. Нанайские близнецы

71 Наш Астафьев
Владимир КАРПОВ. Застолье с Виктором Петровичем

Игорь ШУМЕЙКО

ТАКОВ ДАЛЬНИЙ...

Парадокс Мотивов. «Великие географические открытия»

Что стало причиной экстраординарных движений, государственных усилий в «Великий XVI век», как его называл Маркс? Примерно в то время, когда Россия пошла на Урал и в Сибирь – Испания и Португалия столь же мощно раздвинули границы знаемого мира. Когда к этому движению подключились Голландия и Англия, Франция... Россия дошла уже до Тихого Океана. «Парадокс», наше сознание, подсознание с въевшейся темой «Борьбы за существование», «социальным дарвинизмом» подсказывает: шли за новыми средствами существования, жизненными, продовольственными ресурсами. У них Мальтус, у нас Николай Алексеевич Некрасов: «В мире есть Царь, этот Царь беспощаден. Голод – прозванье ему». Вспоминают принесённый Великими открытиями спасавший от голодной смерти картофель. И «спасительницу» уже времён Хрущёва – кукурузу. Миллионы распаханных гектаров Америки и Сибири: расширение пищевой базы. Но это – забегание следствий поперёд причин! Европейские экспедиции снаряжались, если вспоминать точно: за Пряностями. Горизонт мира раздвинула: жажда имбиря и корицы, перца, кориандра, гвоздики, мускатного ореха. Индия и Острова Пряностей (Молукские) были единственной целью. Васко да Гама, потеряв два из четырёх кораблей, на своём, вернувшемся – разбогател. Экспедиция Магеллана, уже без него, окупила расходы на одном оставшемся из пяти кораблей.

Но ведь НЕ утоление Голода, наоборот, возбуждение аппетита (то есть, чувства голода) – функция пряностей. Европа со своими винами, оливковым маслом, луком-чесноком, уксусом, травами, фруктами... была «на устойчивом самообеспечении». Заморские пряности – некая «избыточность». И вычисленная доходность торговли Пряностями, 700–800%, косвенно говорит об «избыточности». Ведь имей кто-то 700% – на повседневных, «базовых» товарах, от которых зависит Голод/неГолод, у него бы через три года собрались бы все деньги Европы, и Экономика исчезла бы как таковая...

Некая инвариантность: первый мотив русского марша в Сибирь так же хорошо известен и чем-то подобен западному мотиву. Пушнина. Ведь и русско-европейские леса давали практически все необходимые меха (кроме ещё шкур одомашненных животных): медведя, зайца, белки, бобра, лисы, рыси, хорька, куницы... даже горностая для королевских мантий. Но... в Сибири водился – Соболь.

Прогуливаясь с семьёй в Зоопарке, я с совершенно особым чувством удивления, благодарности, умиления даже, останавливаюсь у клетки этого гибкого, подвижного красавца, оплатившего своей блестящей, в атласных переливах шкуркой – российское освоение Сибири... Самая лучшая, тёмная шкурка (на языке меховщиков: *«головка»*, самая дорогая в мире), была у Баргузинского соболя. Сибирский нефтегаз, ГЭС, целлюлоза, алюминиевые гиганты, и завтрашняя (если припомнить рисуемые политологам картины мира и будущих важнейших ресурсов) четверть мировой пресной воды, Байкал... всё оказалось «довеском», дополнением, сюрпризом – для потом-

ков удалых охотников за Соболем. Нет. Картина нашей исторической памяти никогда не будет полной, а мы так и останемся инертными, неблагодарными обывателями, пока не поставим – Памятник Соболю. Зверок – геополитик.

Соболь водился и в Западной Сибири, но казаки, охотники, ещё не исчерпав этого источника, двинулись дальше, за лучшим. А отчего ж мех Баргузинского соболя лучше? Зависимость простая, монументально-спра-

ведливая, как законы мироздания: чем дальше на Восток, тем климат суровей, зимы холодней, вот Мать-Природа и позаботилась приодеть своих детей. И не только приодеть, дать запас жизненной энергии. Книга «Промысловые звери наших водоёмов» Каверзнева: «По Московской таможенной оценке 1674 года: Фунт бобровой струи украинского бобра: 1,5 руб, сибирского: 4,5 руб»

Другое дело, что главными потребителями мехов были китайцы, жители Среднего Востока (само слово «шуба» происходит от «Джуба», города в Месопотамии), но о причудах вкуса, погнавших, например, европейцев открывать мир в погоне за корицей и мускатным орехом уже сказано.

Обычные шкурки соболя стоили 1–2 рубля, лучшие 20–30, но... это не обычный товар, а порой – Произведение Искусства, и некоторые шкурки соболя доходили в цене до... 400, 500, и до 550 (рекорд) тогдашних рублей. (стрелец получал в год 3–5 руб). В 1650-е годы вывоз достигал 145 000 собольих шкурок. Царская казна... в соболях, чернобурых лисах, горностаях оценивалась в 600 000руб, 33% тогдашних госдоходов. Историки внимательные к фактуре жизни отмечали, что страна поднялась после Смутного Времени во многом благодаря этому новому источнику богатства.

Добывали зверя «объясаченные», «приведённые к шерти» (присяге) коренные племена и пришедшие русские охотники. Ясак, примитивно понимаемый как дань, налог – основа всей евразийской легитимности, тема глубинная требующая отдельной статьи... Русские охотники, «своеужинники», «складники» в артелях делили добычу строго поровну. «Десятинный сбор» отдавали натурой: шкурки раскладывались по 40, старинная русская мера («сорок сороков»): *«лутчие к лутчим, середние к середним, худые к худым»*. Таможенные целовальники переписывали меха, выдавали «отписи», остающиеся шкурки клеймились.

Истощение не заставило ждать. Коренные племена стреляли соболя из лука, русские охотники пришли с новыми орудиями: «кулёмы» (давящие капканы), «обмёты» (сети), добыча возросла в разы. К концу 17 века ввели запрет на промысел соболя, а знаменитая «Златокипящая Мангазея» (Салехард) успела уже взлететь и впасть в запустение. В 1670-е годы половина пришедших в Сибирь возвращалась домой. Но... главный исторический результат: русская жизнь после «соболиной лихорадки» не прервалась. Медленно повышались в цене «несоболиная пушнина», рыба, морской зверь, «заморённый зуб» (моржовый клык). Переселенцы охотно верстались на военную службу, шли в купцы, хлебопашцы... и «пашенная» стезя сказалась и на географии дальнейшего нашего продвижения по Сибири – Дальнему Востоку, обусловила своеобразный географический феномен, на который так мало обращают внимания.

«Географически-Пушная Теорема»

И самый беглый взгляд на карту Сибири откроет простую истину: четыре главных сибирских реки Иртыш, Обь, Енисей, Лена протекали поперёк нашего движения на Восток и только одна вдоль – Амур. Те четыре назвать «препятствиями»? Немного поверхностно, правильнее: *чаще* водная преграда, чем водный путь. Вопрос: на какой широте, севернее, южнее преодолевать эти преграды? Полоса выбора: 2000 километров, от Северного Ледовитого до линии степей, вотчины кочевников.

Из общих соображений кажется, что лучше бы – южнее. Ведь Северный Ледови-

тый Океан служить хоть какой-то коммуникацией начинает только сегодня, в век атомных ледоколов. Да и вообще, что значит «лучше бы»?! – ведь именно так и прошёл Транссиб, позвоночник Сибири... Но фокус в том, что линия первого продвижения в Сибирь отнюдь не совпадала с трактом 19 века, а проходила гораздо, гораздо севернее. Напомню вехи:

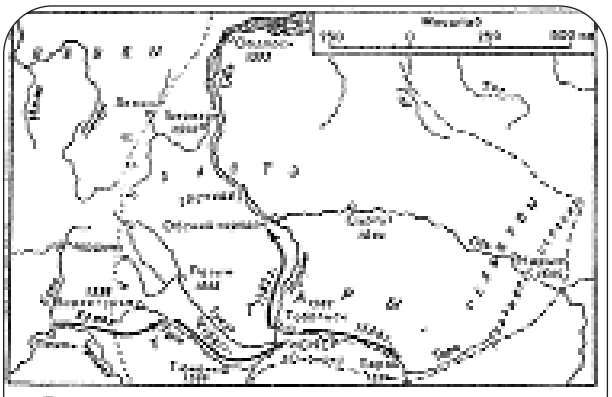
В 1587 основан Тобольск, в 1604 Томск, в 1618 Якутск, в 1638 Охотск. То есть... Камчатки, Аляски, даже... Калифорнии достигли на 250 (!) лет раньше, чем вышли на опорную ось нынешней России: Урал – Владивосток.

Высочайшая удельная стоимость: лучшие собольи шкурки много-много превосходили цену золота своего веса. Четверть, треть российского бюджета могли привезти, и 250 лет привозили! несколько отрядов с вьючными лошадьми – по той северной охотничьей тропе Охотск–Якутск.

В чём обман «Политических карт»? Вот могучая Российская империя, великая полоса, тянущаяся к Тихому Океану. Иногда на врезках прилагалась и карта Аляски, «Русской Америки». В чём же обман того величественного рисунка? Речь о картах Российской Империи (важная деталь) до 1860 года, до Пекинского договора, без Приамурья и Приморья.

Справедливо говорили: Россия – не колониальная империя, вроде Испании, Португалии, Британии. Зримый образ: вот *единая*, связная, как живое тело, страна, половина Евразии. Сравните с рисунком той же Португальской или Голландской колониальных империй: там клочок, сям клочок, тут прибрежная полоска, тут точка город... Обман единства и связности российского государственного тела и раскрывался беспристрастными физическими картами, на которых пунктиров госграниц, как правило, нет (они порой так подвижны, временны!), зато есть границы вечные: моря, океаны, горы.

Вся восточная часть страны, выход к океану через Охотское море, Камчатка, Аляска были отрезаны от России: те самые горы, встретив которые река Лена поворачивала, под прямым углом. За Верхоянским хребтом, на студёном берегу и маячил одинокий Охотск. И уже далее, за Охотским морем, внушительно выглядевший Петропавловск-Камчатский, далее Аляска. Как там строили флот? Лес местный, инструмент, гвозди, компасы, парусину все тащили на себе. А вот канаты приходилось в Якутске разрезать, а якоря распиливать, из-за чего они сильно теряли в прочности – потому что «дорога» на Охотск, через Верхоянский хребет, Джугджур была – «санно-вьючной» тропой. 1261 километр (цифру привожу исходя из прокладываемой там в наши дни трассы), до Охотска доходило то, что можно навьючить на лошадок.



Далее. Главной мировой точкой сбыта мехов был Кантон (Гонконг). И вслед за китобоями к русской Камчатке и Аляске пришли активные британские перекупщики, с (пока) предложениями: продавать меха на месте. 80–90% дохода – британцам. Альтернативный, русский путь доставки русских аляскинских мехов: через Охотск, той же тропой до Якутска, и далее караванами до Кяхты – центра русско-китайской торговли. Цена в Кяхте – далеко вынесенном на север форпосте китайской торговли, существенно ниже, чем в Гонконге. Говоря в современной терминологии: CIF-Кяхта был много ниже CIF-Кантон. Но самое восхитительное: сроки. Тогдашний русский маршрут доставки русского меха в Китай занимал... 2 (два) года! Цифра и сама-то по себе позорная, хуже какого-нибудь русофобского, «деКюстриновского» пасквиля, но ещё ведь и меха в той дороге очень портились...

Вот в чём и состоял «бизнес-план» экспедиции Крузенштерна–Лисянского – а то всё толкуют в «книге-Гиннесовском», рекордсменском духе, что-де: *Первое российское кругосветное путешествие!* Главная задача: наладить доставку русских мехов в Китай морским путём. В итоге именно груз аляскинской пушнины на «Неве» Ли-

сянского, доставленный в Кантон позволил, как ныне говорят, «отбить» расходы на экспедицию. Бизнес-компонет «Первой русской кругосветной экспедиции»: большую часть мехов составляли аляскинские новинки: черно-бурые лисицы, котики и морские бобры (каланы). А финансовый выигрыш заключался не только в пушнине, *впервые на пристойных условиях* проданной китайцам Юрием Фёдоровичем Лисянским, но ещё и в грузе фарфора, шёлка и чая, сразу же закупленных в Кантоне на вырученные деньги. И успешно доставленном в Петербург. То есть Россия *впервые получила чай и шёлк* – выгруженный не из перемётных сум караванов Великого Шёлкового Пути, а, как и положено европейской стране: из трюма корабля...

А надвигалась Крымская война и нашим тихоокеанским крепостям предстояло встретить англо-французский военный флот. В общем, ту нашу ситуацию ничем кроме нашего же выражения не опишешь: *Дальний Восток держался на соплях*. Вот в чём иллюзорность «единого государственного тела России» на внушительно-лживых политических картах. И вот за что кузен семи главных декабристов (считая и Муравьёвых-Апостолов), Николай Николаевич Муравьёв – получил титул: граф Амурский.

Амур. Второе пришествие, 200 лет после Хабарова.

Муравьёв увидел ключ к российскому Дальнему Востоку: Амур. Спасительное открытие Невельского: Сахалин – всё же остров, и, как следствие, Амур имеет судоходное устье (со времён Лаперуза считали, что Сахалин соединён с материком гигантскими песками, в которых теряется Амур).

Первым шагом освоения Приамурья стали военные экспедиции (сплавы) по Амуру. Доставляли военное снаряжение и продовольствие. В Шилкинском Заводе была подготовлена флотилия: 75 барж, 4 плашкоутов, флагман: пароход «Аргунь», построенный на пожертвования купца Кузнецова.

«на второй день 3 часа пополудни вступили в воды Амура... Муравьёв, зачерпнув в стакан воды амурской, поздравил всех... Торжественная минута, после двухвекового промежутка русские на Амуре!»

К концу 1855 в низовьях Амура пять русских поселений. Флотилия Муравьёва пришла спасать наше дальневосточное побережье, в самый, как у нас водится, последний момент. Вскоре к Петропавловску-Камчатскому подошли соединённые эскадры Великобритании и Франции.

Войны. Императоры

Следы нашей «готовности» к Крымской войне – парадокс! видны в популярных поныне толках об Аляске. Что-де её не продали американцам, а сдали на 99 лет в аренду. Даже политики «козыряют»: потребуем вернуть арендованную Аляску! Нет, увы! Аляска продана, вчистую. Но откуда ж толки об аренде?! «Русско-Американская компания» увидела тогда, что единственным шансом сохранить Русскую Аляску была «фиктивная аренда», на три года. Как придёт англо-французский флот – показать бумажку. Частная собственность!

Тридцать лет Николай с Нессельроде занимались Польшей, Венгрией, Священным Союзом, успешно собирая против России общеевропейскую коалицию. На фоне сей бурной дипломатической «работы», армия, за 40лет, просто уникальный случай в истории: абсолютный ноль изменений! По вооружению и тактике – просто «фотография» победоносной армии 1812 года.

Союзники, бывшие в 1812 практически равными по вооружению, совершили скачок по трём главным направлениям: нарезные ружья, нарезная артиллерия, паровый флот.

Сначала маневренный период: в Крыму проиграли три сражения, одно всё ж выиграли. За их скорострельные нарезные ружья, пушки расплачивались кровью, по повышен-

ному коэффициенту потерь, но то ещё – война с какими-то шансами. Осада Севастополя, первый период: ядра против снарядов нарезной артиллерии, тоже расплата по повышенному коэффициенту, но и это ещё *война*. Артиллерийские дуэли, подвоз снарядов/ядер, замена выбывших орудий и расчётов. У нас: на волах, по грунтовым просёлкам, дважды в год, весной и осенью выключавшимся от раскисания. У англичан по железной дороге (первая ЖД в Крыму! Балаклава-Севастополь). 24 августа 1955 «союзники заставили умолкнуть артиллерию Малахова кургана и 2-го бастиона», гибнет 3 тысячи/день, при отсутствии возможности нанесения ответных потерь, примерно как у Сербов и НАТО в 1999 году. «Бесконтактная» (с нашей стороны!) война. Потому Горчаков оставляет Севастополь. *«Первая Логистическая война»!* Соревнование транспортных потоков, тонно-километров...

А на Тихом океане можно отыскать *единственного* монарха, поддержавшего (посильным) делом нашего Николая Первого. Не знаю, смеяться или плакать вы будете, но этим единственным оказался... *король Гавайских островов Камехамеха Третий!* Конечно, вождей островных племён Таити, Фиджи, Папуа, Гавайев именовали *«королями»* с некой долей иронии, но... как сказал бы один известный политик лет через сто после описываемых событий: *«Других королей у меня для вас нет!»* В марте 1854 король Камехамеха Третий предупредил нашего губернатора, что располагает достоверными сведениями о нападении летом на Петропавловск англичан и французов. При тогдашнем уровне транспорта-связи это была ценная информация!

16 пушек и 350 солдат (амурский сплав Муравьёва) оказалось достаточно для отбития первого штурма Петропавловска. В мае 1855 года англо-французский флот пришёл вновь, в удвоенном составе... Но Петропавловск был пуст. Всё имущество, оставшиеся пушки, люди были погружены на суда и вывезены... Куда? В очередной раз глянем на карту. Велик Тихий океан, а отступать – некуда! Русская Аляска прикрыта бумажкой, договором о псевдо-аренде, весь азиатский берег: ледяная пустыня. Эвакуированные люди погибнут и без английских десантов. Разве что на Гавайские острова... в залив Пёрл-Харбор... к единственному «союзнику» Камехамехе Третьему?! И опять сказалось открытие Невельского: устье Амура! Отрицаемое учёными как факт ещё несколько лет тому назад, оно и приняло суда с эвакуированным гарнизоном Петропавловска.

«Второй Логистической» правомерно назвать Русско-Японскую войну. В уравнениях сумм весов выбрасываемых снарядов – обе части выросли неимоверно, и теперь ситуацию могла спасти только железная дорога. Граф Витте и успел построить её за пять месяцев до того как «шайка Безобразова» толкнула Россию в войну. 1 июля 1903 года запустив Транссиб, ещё без «Кругобайкалки», переправляя поезда через *Байкал* (а зимой пуская рельсы по байкальскому льду), в тот же день, якобы для «проверки пропускной способности» начали переброску войск на Дальний Восток. Армейский корпус, 30 000 чел. перевозился 1 месяц. Без спасительной нити Транссиба – Владивосток, как и Порт-Артур, превратился бы в Севастополь 50-летней давности. Великая заслуга Витте: Россия осталась на Дальнем Востоке. Проведите блиц-опрос: из 100 человек, знающих кличку Витте «Граф Полу-Сахалинский», сколько будет в курсе, что это генералы на военном совете просили Николая заключить мир? Что 16 июля 1905, с боями (стоившими японцам 70 убитых) был сдан весь Сахалин? Так что Витте, заключив 5 сентября «Портсмутский мир» – фактически отвоевал пол-Сахалина. Чёрная неблагодарность.

Территории всегда тянутся к побережьям, и гипотетическое отпадение Дальнего Востока запустило бы процесс некой *«географической гангрены»*, последовательного отслоения регионов до Урала... Ещё Вернадский и Савицкий, развивая теорию «хартленда», подходили к практике: *Срединный мир России – это и наиболее удобные транспортные коммуникации, между Востоком и Западом, Югом и Севером...* Сегодня Восточная Азия-Европа – главный транспортный маршрут, стоимость товарооборота в 2000 г.: $237,9 млрд. Пока «на маршруте» работают преимущественно суда, шествующие через Индийский Океан и Суэцкий канал, оставляя наш «хартленд»-овский Транссиб где-то с 3% объёма перевозок. Сохранить Дальний, значит: заняться, наконец, своим веками предопределённым, *евразийским* делом!

Олег ДЕМИДОВ

ПЛЫВИ, ТУР ХЕЙЕРДАЛ, ПЛЫВИ

Лабораторный эксперимент – это замкнутое пространство, спёртый воздух, белые халаты и сухого лица общее выражение. Словом – смертная скука. Секунда к секунде по графику. От удара сердца к удару сердца в ожидании результатов.

То ли дело стихия – дикая и непредсказуемая.

Глоток свежего воздуха.

Был такой человек без руля и ветрил – Тур Хейердал.

Этнограф с, мягко сказать, сумасшедшими теориями, что учёные мужи падали и падают со стульев от одной их огласки.

Путешественник, который собственными руками строил плоты и лодки по древнейшим технологиям, чтобы на них покорять океаны.

Он был свято уверен, что люди, жившие до нас тысячи лет назад, наладили межконтинентальное общение. Что там викинги, открывшие Америку? Берите глубже. Хейердал говорит об инках, которые преодолели Тихий океан и заселили Полинезию. О древних египтянах, путешествующих до Индии. О Месопотамии, свободно торговавшей с городом Дильмун (остров Бахрейн).

Плавали, самое главное, на плотах из бальзового дерева, на лодках из папируса или судёнышках из бамбука. Т.е. на хлипких (на первый взгляд!) лодках. И плавали не только по рекам и морям, но и по океанам. С трудом верится? Так это можно доказать. Как? Самому соорудить и плот, и лодку, и любое другое судёнышко – и покорить водное пространство.

Так и делал Хейердал.

Он собственным примером доказывал возможность своих теорий.

Самое известное его путешествий случилось в 1947 году. Норвежец выстроил гипотезу, что заселение островов Полинезии происходило не из Азии, а из Южной Америки. Это было очень сомнительно, т.к. инки, по уверениям учёных, не имели достаточных сил для преодоления Тихого океана. Они плавали, но большей частью по рекам, а если и выходили в море, то недалеко от берега, не далее 50 морских миль.

Гипотезу Хейердала не приняли всерьёз. Тогда он собрал команду, построил плот из бальсы, какой был у инков, и вышел в океан. Плот окрестили именем легендарного героя полинезийских сказаний – Кон-Тики. Судя по преданиям, этот человек приплыл со своим племенем с востока и основал первые поселения на островах Полинезии.

Хейердал с великим трудом, но преодолел Тихий океан. Добрался до островов. Доказал свою теорию. Снял во время путешествия фильм, за который в 1951 году получил «Оскар». Написал книгу. И, в конце концов, стал таким же героем преданий, как и Кон-Тики.

В Осло сейчас действует музей, рассказывающий об истории этой экспедиции. Во всём мире год от года печатают новые многомиллионные тиражи его книг. А он написал не только о путешествии на плоту «Кон-Тики». Это было только начало.

Следом пошли путешествия – «Ра-I»и «Ра-II», «Тигрис», путешествия к острову Пасхи

и ещё с десяток столь же сумасшедших, доказывающих сложные теории путешествий.

Есть бородатый анекдот.

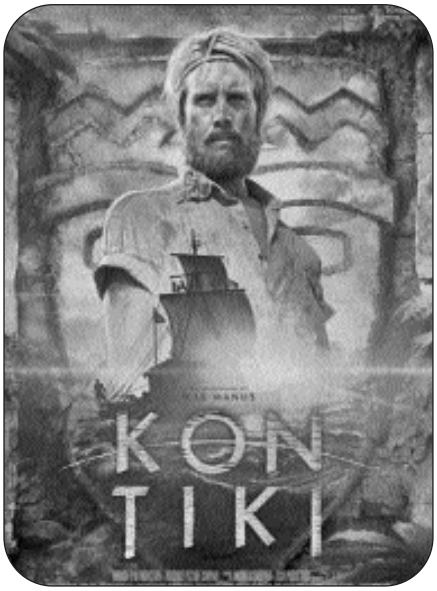
Если у вас есть трудная задача, поставьте её американцу. Если задача оказалась из разряда невозможных, поставьте её китайцу. Если ни первый, ни второй не смогут с ней справиться, отдайте всё на откуп русскому.

Как видите, задачи повышенной сложности – невозможные, невыполнимые, несоотносимые с реальностью, – можно давать безумным норвежцами тем, кого он смог уговорить (без особого труда, кстати!) войти в состав своей команды.

Одним из таких людей был наш соотечественник Юрий Сенкевич. Помните дядю Юру из «Клуба путешественников»? Так вот он вместе с Хейердалом участвовал в экспедициях на обеих папирусных лодках «Ра» и на камышовом «Тигрисе».

В 2012 году был снят фильм «Кон-Тики». Про покорение Тихого океана на бальзовом плоту. Следом за фильмом в России, спустя 12 лет после последнего издания, вышла одноимённая книга. И уже в этом году вышла другая – «Экспедиция «Тигрис». И, будем надеяться, это только начало. Пора бы уже создать собрание сочинений. Благо, в СССР Хейердал издавался исправно. И перевод Жданова не вызывает и малейших нареканий. Книги выходили часто и огромными тиражами. Изданиями для детей (с географическими картами и планами маршрутов) и строгими «кирпичами» для взрослых. Издавались как минимум каждые десять лет, а то и чаще.

Нынешнее издание «Кон-Тики» и «Тигриса» выполнено в одном оформлении, что даёт надежды на появление последующих книг. Предыдущие, казалось бы, недав-



ние издания последних пяти или даже десяти лет стали библиографической редкостью. Единственная доступная книга, да и та не самого Хейердала и далёкая от путешествий и громких авантюр, – сборник от издательства AdMarginem– «Откровения: Личный взгляд на книги Библии» (М.,2009).

Встретят появление новых книг горячо. Старичкам нет необходимости рассказать, что за человек наш норвежец. А молодым о нём поют уже несколько десятилетий. Ольга Арефьева со своим Ковчегом. Даже альбом за 2004 год назвала «Кон-Тики» – очень драйвовый, энергичный и взрывной – как раз для покорения земных, водных и иных пространств. О Хейердале и Сенкевиче поёт и Рома ВПР. Отдельно о Сенкевиче – легенды русского панка, – группа «Бригадный подряд».

Да и в России время такое, когда страна выходит из кручины серых дней и требует поступков. Крым присоединить. Или Северный полюс взять опять под контроль. Чтобы Чуковский нашего времени захлёбывался от стрекотания имперских жилок души и писал в ЖЖ, в твиттере или на фейсбуке: «Ночью мне снился полюс. Я проснулся и выглянул в окно. Даже удивился, что кругом нет льдин и снега. Беру газету: п о л ю с наш!». России нужно шагнуть на горло истории и услышать хруст её костей.

Нужно, но можно, конечно, иначе.

С помощью книг – как у Тура Хейердала, где ч е л о в е к преодолевает и себя, преодолевает и стихию, способствуют тому, чтобы выйти из рядов диванных войск и начать совершать поступки.

Какие?

В иной области. Подальше от политики.

Вот, например, Фёдору Конюхову (или кто там у нас самый буйный и смелый путешественник?), пора бы открыть линейку экскурсионных туров для экстрималов и один из них назвать «Хейердал» – на самодельной лодке (из камыша, из папируса, из бальсы, из берёзы, из орешника) преодолевать океан. Т.к. мы русские, а, значит, суровые ребята, можно преодолевать Северный Ледовитый. Сейчас как раз такое время, когда необходимо показывать, какие мы, чёртовы имперцы, без руля и ветрил.

Уж лучше делать это в диком туризме.

АТЛАНТИДА РУССКОГО СЕВЕРА: СОСТОИТСЯ ЛИ ОТКРЫТИЕ?

«Атлантида Русского Севера» – это проект полнометражного документального фильма, на который в данный момент идёт сбор «народных» средств в рамках портала «planeta.ru». В описании проекта сказано, что фильм будет «о том, как создают, бьют, спасают Русский Север, и какая из всего этого выходит свободная и тяжёлая жизнь». Авторы идеи надеются, что «кино поможет каждому прикоснуться к красоте Русского Севера», «поможет волонтёрам восстанавливать церкви», «поможет людям на севере увидеть красоту своей жизни и больше никогда не верить в то, что они обречены». Замысел и само название картины столь интригующи, что мы решили связаться с её режиссёром Софьей Горленко и сценаристом Глебом Кузнецовым, и узнать у них хоть немного подробностей. Но для начала несколько слов каждого из героев о себе.

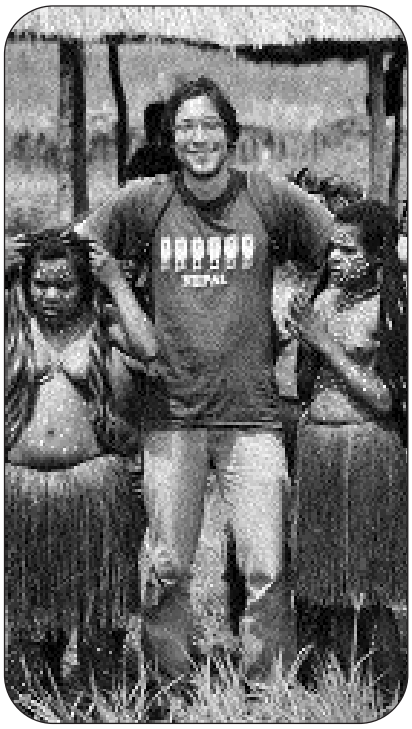
Глеб Кузнецов: *«Я много путешествовал, копался в людях – по трущобам, племенам, военным конфликтам. Но схватить жизнь не удавалось – проскальзывала между пальцев. Както приехал случайно на север с волонтёрами ремонтировать церкви, и тут всё понял – жизнь нельзя схватить, а вот она тебя может. Об этом и кино.*

Защитил кандидатскую диссертацию на историческом факультете МГУ, выпускник мастерской кинодраматургии Высших курсов сценаристов и режиссёров, координатор волонтёрского движения по восстановлению церквей Русского Севера «Вереница».

Софья Горленко: *«В какой-то момент я поняла, что единственное, ради чего вообще всё имеет смысл – это снимать о настоящих людях и глубоких явлениях. Я занималась созданием рекламных роликов, телевизионных шоу и пр., но теперь хочется сделать кино о настоящем. Возможно, это последний шанс застать его именно таким.*

Закончила Гуманитарный Институт телевидения и радиовещания в 2011 году по специальности режиссёр документального кино. Премии: дважды бронзовая медаль на фестивале «Каннские львы» за социальную рекламу, победитель международного конкурса документального кино «Русские истории».

– Как и у кого возникла идея такого фильма? Почему вы выбрали своей темой



именно Русский Север? Как сложился ваш творческий коллектив?

Соня: – Наш сценарист Глеб Кузнецов около года назад начал заниматься реконструкцией деревянных церквей Севера. Весной этого года он опубликовал пост в Живом Журнале о том, что хочет снять об этом видеоматериал. Меня захватила мысль. Я поняла: надо делать. После того, как мы встретились, родилась более глобальная идея – снять полноценный документальный фильм. А с нашим оператором Данилой Сальховым я знакома довольно давно, мы вместе работали раньше, хотим продолжать творить дальше.

– Как возникло название? Что именно вы подразумеваете под Атлантидой Русского Севера? Какой-то конкретный момент истории?

Глеб: – Культура Русского Севера начала формироваться с переселением славян из Новгородских и Ростово-Суздальских земель приблизительно с XX–XXI веков. Своего расцвета она достигла к XVII веку – в это время были построены шедевры северной архитектуры, сформированы традиции, и Русский Север стал цельным культурным явлением в рамках единого русского государства. Как часто бывает с цивилизациями, после долгого периода подъёма наступил короткий пик и сразу за ним – спад. На Русском Севере спад был обусловлен секуляризацией культуры, начиная с правления Петра I. Этот процесс к концу XVIII века лишь усилился и уже к XIX столетию привёл к исчезновению самобытности северной церковной архитектуры, падению качества построек и в целом – к обмирщению и европеизации культуры. Но северная культура формировалась совершенно на иных основаниях – на аскетическом православии и собственном векторе развития. Она так и не смогла гармонично принять европеизацию – та, вопреки своим объективным преимуществам, несла здесь разрушение.

Сегодня, заходя в церкви начала XX века, мы видим, как упало мастерство плотников в сравнении с XVII веком, а значит – ослабла и вера. Таким образом, взрыв 1917 года был подготовлен в народном сознании, и наша Атлантида пошла ко дну.

– На какой стадии сейчас находится производство фильма? Есть только сценарий или уже какой-то отснятый материал?

Соня: – Для того чтобы отправиться в экспедицию на съёмки мы запустили проект на сайте краудфайндинга «планета.ру», собираем деньги на поездку. Поэтому съёмочного материала пока практически никакого нет. Есть небольшой ролик-обращение, который я сняла в Вологодской области. Его можно посмотреть на главной странице нашего проекта.

На данный момент существует сценарий, договорённости с людьми, подробный маршрут, точные даты экспедиции. А также много заинтересованных людей, которые пишут письма с предложением помощи и информации. Кто-то родом из этих мест, кто-то просто любит Русский Север. Нам очень приятно получать такие письма. Надеюсь, мы своим делом сможем каким-то образом объединить людей, неравнодушных к Русскому Северу.

Так что фильм готов, осталось снять :) Надеюсь, нам удастся собрать нужную сумму.

– В какие конкретно места русского севера планируются ваши съёмочные экспедиции? Есть ли в планах труднодоступные места?

Глеб: – Наш ареал – течение рек Ваги и Северной Двины. Наряду с Онегой и Мезенью – это главнейшая артерия Севера, по которой проходило его заселение славянами. Эти места со временем стали дорогой из центральной России в Архангльск и именно здесь происходили самые драматичные исторические события – от польского наше-

ствия времён Смуты до Гражданской войны.

– В этническом отношении вы планируете в основном общаться с русскими северянами или, возможно, с другими малыми народами Севера России?

Глеб: – Речь идёт именно о Русском Севере. Самобытной культуре, созданной русскими переселенцами с юга и ассимилированными ими коренными жителями. Наш парадокс, что эта культура сугубо европейская, христианская, но в то же время она была создана в изоляции, с минимальным внешним влиянием и поэтому – она удивительно самобытна.

Я думаю, что это именно та культура, которая была в сердцах русских людей и которую ей не позволили построить нашествия и собственное государство, возникшее в его авторитарной форме именно как защита от внешней угрозы.

– Планируются ли в рамках фильма встречи с творческими людьми, живущими на севере – поэтами, писателями, художниками, музыкантами? Кто вообще будут героями фильма?

Соня: – Герои фильма – все, кто живёт на Севере жизнью той самой тонущей Атлантиды, то есть в поиске преемственности старой жизни. Наши герои – крестьяне, сельские батюшки, местные предприниматели, волонтёры, дауншифтеры. То есть все те люди, которые могут сказать про себя – я северянин.

– Будут ли в фильме поставлены какие-то острые социальные, политические вопросы?

Соня: – Лично мне хотелось бы избежать политики. Мы хотим снять фильм про культуру, фильм о людях, о красоте. К сожалению, очень часто мы сталкиваемся с позицией «как всё плохо», «развалили страну» и т.д. Понятно, что совсем без социальной тематики не обойдётся – люди живут очень бедно, пьют, не все ценят свою культуру. Это неизбежный процесс. Глобализация берёт своё. Но наше кино не совсем про это, и акцент мы будем делать на другом.

– Важной составляющей кино часто становится музыка. Какие планы у вас насчёт музыкального оформления фильма? Будете ли использовать что-то, например, из отечественного фолк-рока? Тематические песни о Севере? Фольклор? Или только живые звуки из непосредственно снятого для фильма материала?

Соня: – При всём моём уважении к русскому року, его в фильме точно не будет. Я, конечно, на протяжении всего фильма пустила бы саундтреком несколько альбомов Бориса Гребенщикова подряд, но всё-таки, хотя люблю его, очень постараюсь этого не делать :) Живые звуки в кино очень важны – они передают атмосферу места, его сокровенность что ли. Переносят зрителя на место съёмки – когда слышишь шум камыша, начинаешь чувствовать запах воды, леса. Эти инструменты воздействия должны присутствовать в кино. Будут, конечно, использоваться и фольклорные записи этих мест – песенный материал центра Архангельской области. Я кое-что слушала – это очень своеобразное пение.

Вопросы задавал
Евгений БОГАЧКОВ

УМЕЮЩАЯ ЛЮБИТЬ

Юлия НАКОВА

Сегодня воскресенье. Пятый день моего путешествия к Югорскому Солнцу. Мне нравится просыпаться рано, очень рано и наблюдать за птичьим миром, миром распускающихся цветов, осязать, слушать земную тишину и вдыхать аромат пряного утра. В нём есть своя прелесть. Мир ещё не тронут людской суетой, и я с ним в тайном диалоге.

Новое раннее утро, оно, как новое платье, несёт в себе заряд нового, ещё не прожитого мною дня. Белая, сатиновая постель, отдаёт прохладой. Сквозь открытое окно в воздухе чувствуется приближение летнего зноя. Чуть позже пришла моя сладенькая дочь – Лилия, а Лясёней я называю её с младенчества в уменьшительно-ласкательном значении. Здесь, в городе Самара нам очень помогает, в организации съёмок. Она обладает хорошей хваткой современного менеджера. Умеет практично использовать время. Очень организована. Мне приятно это видеть. Всей группой позавтракали в ресторане гостиницы и в десять часов мы были в парке Лосева. Там нас ожидала Мария Кузьминична Волдина. По национальности ханты, учитель по образованию, мыслитель, философ, фольклорист по взглядам, мама, бабушка по жизни и ещё можно перечислять много, много ролей, которыми её наградила природа и с которыми она с лёгкостью справляется. Бог знает – кому и сколько что посылать.

Когда мы шли к ней то, по дороге я прочла удивительную надпись, к сожалению, имя автора этих строк было неудачно спрятано за рамкой стенда: *«Все люди излучают свет, а некоторые – это целое солнце»*. Это действительно так! У нас именно такая встреча с человеком Солнцем – с Марией Кузьминичной Волдиной.

В нашем древнем Обдорске-Салехарде мне всегда необходимо видеть гордый лик Уральских гор. Они не только украшают мой мир, мир моей семьи своим величавым видом, но ещё и своей, непоколебимой мощью наводят на размышления.

...Бывает, большие облака обволакивают горный хребет и гор не видать. В такие дни нет ни дождя, и ни солнца. И я заметила, что и в жизни есть люди похожие на такие дни. Им ни хорошо и ни плохо на этой прекрасной Земле. Словно всегда ноль градусов в душе, и в сердце. Рядом с ними тоже никак, и неплохо, и нехорошо. Чаще всего они пытаются на кого-то походить, но не на себя. Порой лезут из кожи, чтоб выделиться из толпы. Какое-то время они могут быть и на виду, но до тех пор, пока рядом с ними не появляются другие, которые по природе своего происхождения наделены большим, в них есть главное, роскошь – умение быть самим собой и этим они притягивают к себе. Они источают древний свет первотворения. Словно, мир после дождя.

Такие люди похожи на дни, когда с гор сползают облака. Солнце отражается в их далёких вершинах. Горы сияют чистотой первоснежья, и мы люди, созерцая такое величие природы, и кто молча, кто вслух восторгаемся нерукотворным полотном Творца, при этом

ощущаем приток физических сил, энергию природы в себе. Кажется, небо разверзлось, нет его купола, а мир стал прозрачным, невесомым, хочется дотянуться, дотронуться, коснуться этой высоты-чистоты и вобрать в себя.

При встрече с такими людьми мы не сразу можем ответить, почему они притягивают наш взор среди многих, мы тянемся на тепло их сердец, свет глаз, нам приятно общение с ними и хочется их видеть, и слушать, кажется, что им всё удаётся с лёгкостью, всё получается, что они баловни судьбы. Обычно у таких людей очень задорный смех, раскатистый и хочется тоже улыбаться, и в этом они тоже щедры и талантливы. Они озаряют светом силы жизни, они способны вдохновлять на добро. В мире много людей с красивыми глазами, но я давно заметила, что есть просто внешне красивые глаза, но пустые, ещё не заполненные смыслом. А есть люди, взгляд, которых притягивает содержанием, красотой души. В свете их глаз есть нежность силы. Их взгляд более мощный и тонкий. Когда они смотрят на тебя, то, кажется, что они видят тебя насквозь и дальше. Они говорят глазами, смеются глазами, задумываются глазами и гладят глазами. Такие люди независимо от должности, положения в обществе выделяются из толпы, их видно, даже когда они просто молчат или слушают. Рядом с ними просто хорошо.

Подобно приближению к горам, ты видишь и понимаешь, как непросто такие люди сотворены и созданы. Они смотрят на мир нежно, они умеют гладить взглядом небо и целовать землю, они умеют говорить глазами со снегом. Как и в лабиринтах горных ущелий, в их добром взоре можно прочесть очень многое и где-то глубоко в сиянии этих глаз притаилась горькая боль, которая никогда никуда не уходит, она глубоко внутри самого человека. Они не гонят свою боль, а живут с нею, творят с нею, созидают и любят через неё и учат этому других. Чаще всего таким взглядом обладают наши родители, и к моему счастью я не раз в жизни встречалась с такими людьми, они среди нас. Именно к таким людям отношу и Марию Кузьминичну Волдину.

Мария Кузьминична встретила нас в ярко-синем ханты платье. Я смотрела на неё и мысленно благодарила свою работу, что у меня есть счастье видеть, слушать и слышать её. В центре парка Лосева есть небольшой пруд, в нём отражались завитушки берёз. В один момент мне казалось, что она полностью слилась с их белыми стволами и листвой, и я подумала, как человек похож на свою землю, как он гармоничен с ней.

С Волдиной заочно я знакома давно. Ещё в школе я услышала её ханты песни, записанные на виниловую пластинку, но лично познакомилась с ней в 1996 году, на съезде писателей Севера в городе Салехарде, тогда она возглавляла газеты на ханты и манси языках в Югре. У каждого народа есть свои легендарные сыновья и дочери, есть свои мудрецы, через жизнь, которых виден и сам народ. Думаю, что Мария Кузьминична Волдина, как раз из них. И вот, что она поведала нашей съёмочной группе.

Её родина – это священные земли и воды оленеводов реки Казым. Там прошло детство, где учили её уметь жалеть, сострадать, не обижать, не срывать попусту цветы и травы, чтобы не делать больно ни земле, ни птицам, ни зверям, ни людям, потому что весь этот мир – живой. Это было время становления колхозов. Кочевья её рода Вогатовых доходили до земель Ямала. На многие её детские «поче-

му» мудрые взрослые находили ответы. Я слушаю её, и мне видится, такая картина...

Весна, весь её дом готовится к далёкому кочевью на весенние земли. Уже появились первые оленята, и она шалунья, девочка с двумя хантыйскими косами, в ярком, красочном ханты платье с нагрудными украшениями, с руки кормит маленького оленёнка. Они похожи с ним, потому что в этом мире для них всё ново и поэтому очень интересно. Они смотрят на небо, оно одно у них, они ходят по весеннему снегу и не проваливаются, потому что оба легки, в них нет ещё тяжести и у обоих впереди – Жизнь. У неё школа, где она будет очень скучать по нему, по своему ручному оленёнку, а он будет ждать её на зимних и весенних землях, когда выйдет его маленькая хозяйка и поделит с ним кусочек душистого хлеба и оба, оба будут по-детски счастливы. В этом и есть вся сила и мощь гармонии жизни и в ней же зыбкость этого мира. Самое главное, что эти двое: маленькая девочка Мария и её оленёнок уже знают об этом...

Школьные годы, словно птицей пролетели над родными землями. После была учёба в Ханты-Мансийском педагогическом училище. Ей очень нравится учиться, а потом учить. Молодость – это большие горизонты жизни, это резерв времени, которого одновременно и много, но в тоже время не хватает молодой девушке, потому что она уже в красивейшем городе-музее, она у вод святой Невы, она в великом Ленинграде. Здесь, в эпицентре научной, культурной мысли, она встречается со своими сверстниками из других северных регионов и все вместе они постигают тайный знаний великих философов, литераторов, учёных, режиссёров... Позади учёба в городе на Неве и возвращение домой, в родной посёлок Казым, где она молодой специалист – учитель. Мария Кузьминична рассказывает далее, как в партийные времена она самостоятельно разобрала ветхий интернат в родном селе и сложила его заново, но этого делать было нельзя, это государственная собственность напомнили ей строго на собрании. Вспоминая этот случай, моя собеседница смеётся и мы, слушая её, тоже смеёмся, а я вновь в ней вижу ту смелую девочку-шалунью, что вёснами кормила с руки своего оленёнка во время кочевья по детству.

Чуть позже в двери её жизни вошла Любовь. Молодой, красивый парень по фамилии Тарлин, за которого она и вышла замуж. Судьба человека, как дерево, если есть крепкие корни, то обязательна, должна бы быть и крона – это дети. Их у молодой пары родилось трое. Река времени вместила всё в её сердце: и любовь, и семью, и работу. Это было время счастья, но внезапная, смерть мужа многое изменила в её судьбе. Человеку, не познавшему горя, очень сложно понять боль скорби женщины-матери-жены, оставшейся с тремя маленькими детьми на руках, было больно за детей, было больно за себя... Но горечь слёз одиночества не сломили её. Неудачи и беды тоже устают. Вслед за метелями жизни, приходят оттепели.

В нашей жизни нет случайностей и не мною замечено, что подобное всегда будет притягиваться к подобному, и поэтому я уверена, что все наши земные встречи предопределены свыше. Большое счастье – встретить в жизни своего человека. Как-то раз в Казым приехал молодой радиожурналист-поэт Владимир Волдин, и ему было, небесами предопределенно встретиться с молодой учительницей Марией Кузьминичной. А после, в этом мире счастья стало ещё больше, оно было одето в одежды поэзии. Каждый раз Мария Кузьминична получала из Ханты– Манесийска письма, написанные стихами. Так в её жизнь и жизнь её детей пришёл Владимир Волдин. Поэтическим дыханием он оживотворил весь её мир. У неё появились ещё два мощных крыла, и подобно солнечным лучам счастье раскинуло свои кисти по её жизненному пути. На мой взгляд, настоящая, высокая любовь в жизни мужчины, делает его сильнее и определяется не только словами, а сколько способностью совершать мужские поступки, и брать на себя ответственность. Владимир Волдин забрал её вместе с детьми Ханты-Мансийск, после они стали работать на окружном радио, и их передачи стали единым голосом народа ханты, что зазвучал над родной Югрой, над озёрами и река-

ми, над землями и водами, в городах и дальних таёжных угодьях. После, родилась дочь Татьяна, ныне онакандидатисторических наук и сейчас возглавляет Центр культурного наследия ханты имени Владимира Волдина, жизнь, которого продолжается в его поэтических строках, в делах дочери, во внуках, и в памяти женщины, которую ему посчастливилось любить и остаться навсегда быть любимым... Это тоже великое счастье!

В момент рассказа Марии Кузьминичны о себе, лёгкий летний ветер закружил над нами, стал играть листьями берёз, и мне казалось, что сам Владимир Волдин – её муж, вторил ей, каждому слову, напоминая, что он незримо всегда рядом с ней

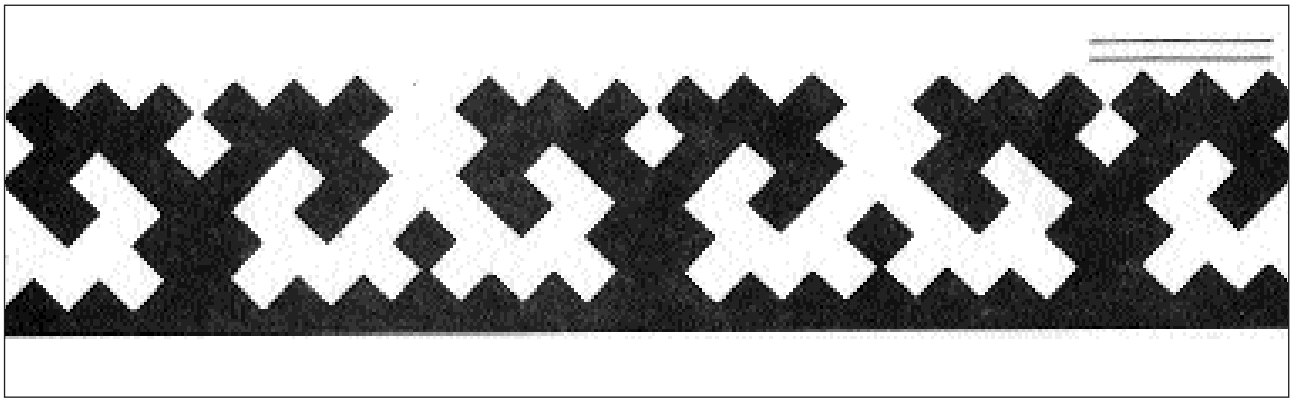
Долгое время Мария Кузьминична возглавляла объединённые редакции газеты на ханты, а потом и на манси языках. Талантливый человек многогранен. Ещё она пишет стихи, её книги востребованы. Более 25 лет прошло, как она создала свой семейный ансамбль «Ешак Най»,который стал визитной карточкой Югры, с которым по её словам, она объездила пол земного шара, которому присуждено звание Народный. Через родное ханты слово она учила и учит своих детей, внуков – любить, ибо ради этого мы и приходим в этот светлый, прекрасный мир. Любить свой дом, ближних, работу, дело, которое делаешь, день в котором живёшь. В этом и заключается смысл жизни. Она щедро делится своими талантами, теперь уже её внуки, в лице Виктор Банк привлекают молодёжь к родной культуре и выступают на различных молодёжных площадках. Мария Кузьминична своим лучезарным светом души наполняет своё окружение. У костра её души греются люди с низовьев и с верховьев Оби.

После интервью Мария Кузьминична легко пританцовывая, как блик солнца на водах пруда, задавала ханты загадки нашей съёмочной группе, мы с трудом отгадали некоторые. Но больше всего мне запомнился облик Марии Кузьминичны её, своеобразная пластика рук, движение головы и слова: «Так вижу, так не вижу, что это?!». Мы долго думали. Она не торопила. Мне было очень интересно. Что же это? Я поняла, что ответ находится где-то в телодвижениях, но где?..

Когда я готовилась к встрече с ней, то захватила собой ей подарок, сплетённое мною ещё когда-то в молодости ханты бисерное украшение. Оно очень подошло к её синему платью. Она же в ответ подарила нам свои книги и аудиодиски. Ещё мы фотографировались вместе и распрощались. А после я опять увидела, как в ней проснулась шалунья, и она по-детски озорно стала перебегать проезжую часть и в тот момент даже дорога тоже стала светлой и радостной. Мне подумалось и я знаю, что у костра её души греются люди с низовьев и верховьев оби. Её имя стало известно далеко за пределами Югорской земли, она прославила её своей любовью. Её песни поют в разных землях, сила, вложенная в её стихи, песни объединяет людей. Такая женщина: жена, мама, бабушка, поэтесса, журналист, общественный деятель живёт у вод Иртыша, где летний ветер, ласково играет с листьями берёз. Умеющая любить и быть любимой, умеющая озарять жизнь вокруг светом добра, светом созидания.

Юлия НАКОВА

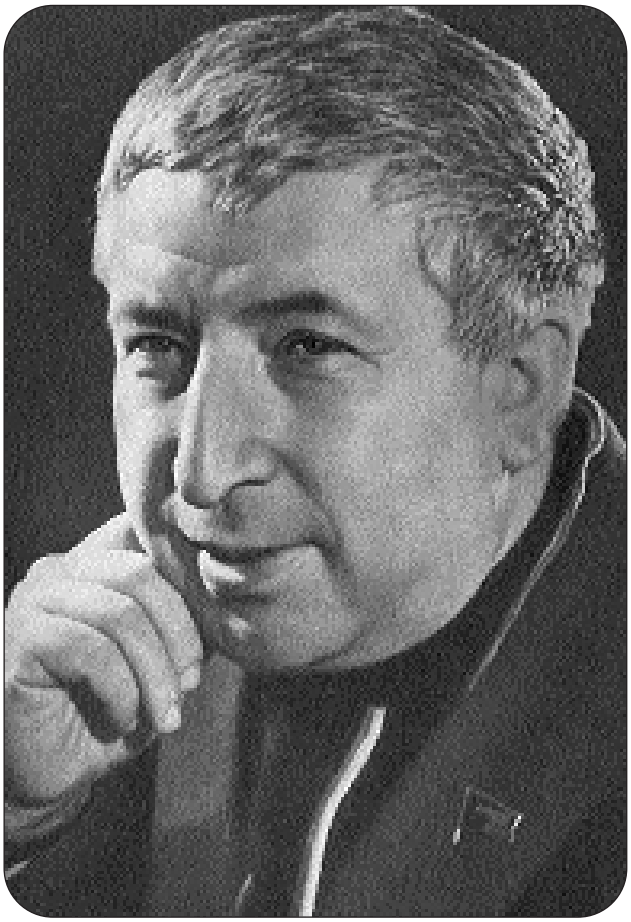
г. САЛЕХАРД



Анна ГОГОЛЕВА

ЖУРАВЛИНЫЕ ПЕСНИ ПОЭТОВ

Сейчас, когда мир оказался на грани раскола, перед угрозой новой войны, в связи с событиями на Украине, всем нам необходимо объединиться, чтобы сказать этому – нет. Нет – насилию, вражде, братоубийственной войне. Для великого множества разных народов, национальностей нашей страны это необходимо, чтобы сохранить в мире нашу родину. Она, как мать, одна. Каждый народ внёс свою лепту в её великую, славную историю, по сохранению мира её и достоинства. И нам надо больше знать друг о друге. Знание ведёт к пониманию, согласию, а значит и дружбе, укреплению интернационализма, что так необходимо для мира во всём мире. Как сказал славный сын Дагестана Расул Гамзатов: «Непреложный закон человеческой дружбы – самый мудрый на свете закон». Его связывала дружба с писателями и поэтами страны. С Кайсыном Кулиевым, Мустай Каримом, Семёном Даниловым. Семён Руфов, занимаясь переводами, побывал в Дагестане и сохранил светлые воспоминания о встрече с ним, людьми этого своеобразного края. Одной из любимых песен народного поэта Якутии Ивана Гоголева была знаменитая песня Гамзатова «Журавли». Его стихи, книги он перечитывал. Возвращаясь с очередного пленума или съезда писателей, с восторгом рассказывал близким, друзьям о выступлениях Гамзатова. Если же углубиться в изучение жизни и творчества этих народных поэтов, то можно найти определённое сходство в творческих взглядах, гражданской позиции. Оба ощущали себя представителями своего народа, его посланниками, призванными рассказать миру о нём.



«Я люблю свой исток, свой родник, своё каменистое русло... Я аварский поэт. Но в своём сердце я чувствую гражданскую ответственность не только за Аваристан, не только за весь Дагестан, но и за всю страну, и за всю планету. Иначе жить нельзя», – говорил Расул Гамзатов. *«Все явления мира я не хочу искать в своём ауле, Дагестане, в моём чувстве Родины. Наоборот, чувство Родины я нахожу во всех проявлениях мира, во всех его уголках. И в этом смысле моя тема – весь мир»*. Объездив разные страны, он, возвращаясь домой, чувствовал себя представителем мира.

Представителем своей родины, народа, земли своей ощущал себя и якутский поэт. В его программном стихотворении «Я – якут» понятия – «родная земля», «родной народ» и «я» – как представитель народа становятся одним обобщённым образом. Ёмко и выразительно предстаёт история народа, рост его самосознания. Вместе с болью за прошлое, звучит гордость и вера в лучшее будущее народа.

Я – якут,
вровень с веком встал,
Счастлив ныне
и горд сознаньем,
Олонхо на земле создал,
Полыхает оно в ночи,
Словно северное сиянье.

Через любовь к своему народу, утверждал Гоголев, человек уважает и другие народы. *«Нет в мире малых народов, есть малочисленные. По своей духовной сути все народы равно важны. Каждый человек и народ – неповторим. Потому любой народ является сокровищем земли. Священным правом каждого человека является право на жизнь, а священное право каждого народа – это право на национальную самобытность, и как следствие этого – национальное достоинство. Поэтому мы должны всячески развивать национальную самобытность и беречь, хранить, как святыню, национальное достоинство каждого народа, основой которого является его родной, материнский язык. Истинная забота о расцвете национальной культуры, языка – есть забота на деле о расцвете интернационализма и дружбы народов. Это – духовная основа нашего общества. Интернационализм – воздух, которым мы дышим».*

Поэты жили интересами своего народа, земли, и всей страны, всего мира, чувствуя за это большую ответственность. А родились и выросли в небольших селеньях.

Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов – в маленьком горном ауле Аваристане. Народный поэт Якутии Иван Гоголев – в Вилюйском улусе, в посёлке Сыдыбыл. Земли эти – исторически значимые, славные своей многовековой историей. Родина якутского поэта известна своими сказителями, кузнецами, шаманами, одарёнными людьми, обладающими сакральными качествами и знаниями.

История Дагестана хранит благодарную память о своих поэтах, таких как Махмуд, Эльдарилава, Ирчи Казак, и многих других, подаривших миру волшебные песни.

Поэты с колыбели, с молоком матери впитали любовь к родному слову, фольклору, мифам, сказкам, песням, легендам. Этот великий фольклорный материк стал основой их творчества. Общение с мудрыми стариками, сородичами, родными, близкими оказало на них также большое влияние. Для Гамзатова – это прежде всего наставления отца, народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. Отец говорил ему:

«Прислушайся к гулу стремительных речек, и к шуму деревьев и к посвистам птичьим. Но прежде всего к голосам человечьим. В познанье народа – поэта величье. Всегда выбирай потруднее дороги. Твой разум – в народе, богатство – в народе».

Отец Гоголева, Михаил Гоголев, школьный учитель, привил сыну любовь к чтению, книгам, которые казались маленькому Ивану чудом, а те, кто сочиняет их – волшебниками. Так он решил стать писателем. Первые учителя русского языка открыли им красоту русского языка и величие русской литературы. Им поэты посвятили стихи.

Это была дань благодарности русскому народу, помогавшему людям в отдалённых уголках страны строить новую жизнь. Тема братства

с русским народом, признательности своим учителям, в жизни и поэзии, проходит через всё творчество Расула Гамзатова и Ивана Гоголева.

Поэты постигали большой мир литературы, писательского мастерства в Москве, в Литературном институте. Посещали лекции видных профессоров Поспелова, Галицкого, творческие семинары больших писателей – А.Твардовского, М.Шолохова, И.Эренбурга. Здесь они нашли друзей, единомышленников, которые стали переводить их стихи на русский язык. Гамзатов на всю жизнь подружился со своими переводчиками, сокурсниками Яковом Козловским, Еленой Николаевской, Наумом Гребневым, Владимиром Солоухиным, Владимиром Огневым, ставшим его первым строгим критиком.

Благодаря переводам видных поэтов России Олега Шестинского, Николая Старшинова, Нелли Закусиной, и другим мы можем читать на русском языке произведения Ивана Гоголева: «Чайки над Леной», «Сонеты, посвящённые матери» и многие другие.

Дружбу с русскими поэтами, писателями поэты высоко ценили, считали одним из источников своей жизни и творчества. И познание русской, мировой литературы, общение соратниками по перу расширяло кругозор, одаряло масштабностью мышления, открывало неведомые тайны поэзии. Оба влюблялись в творчество разных поэтов, но любовь к Пушкину, Лермонтову осталась у них на всю жизнь.

Пушкин и Махмуд – два поэтических кумира Гамзатова. Первая поэма Гоголева была «Встреча с Пушкиным», где он изложил своё творческое кредо – жить, мыслить и трудиться для народа. Это было главным и для Гамзатова. Вдали от родины поэты никогда не забывали её. Гоголеву Якутия представала в облике матери, которую он очень любил.

«Мама – главный человек для каждого из нас, для всего рода человеческого. Благодаря матери родной нам кажутся родными мать-земля, мать-природа, материнский язык. Почитая родную мать, мы почитаем всё светлое, доброе в жизни».

Любимой матери он посвятил сонеты «Звезда материнская – моя звезда», «Я силу в материнской взял любви», песни, поэмы. Ему принадлежит идея узаконить День матери, которая претворилась в жизнь в 1993 году указом первого президента Якутии М.Николаева.

Расул Гамзатов, любя и почитая мать, предложил у себя на родине установить День матери как праздник материнства и всего самого прекрасного на свете. Его статья «Берегите матерей!», а затем и поэма, стихи в своё время вызвали большой общественный резонанс. В ней утверждалось, что уважение, любовь к матери, проблемы семьи, воспитание детей взаимосвязаны с государственными делами. Ведь именно в семье, в доме воспитывается характер, личность человека. От того, каким он вырастет, зависит и наше общество, жизнь. «Душу мира» – мать поэты воспели проникновенно, с великой любовью, будто выразив наши чувства к маме, такой близкой и дорогой.

Говоря о матери, нельзя не сказать об отце, защитнике, главе семьи. Гамзатов посвятил отцу стихи, поэму «Разговор с отцом», в которой художественно раскрыл свои самые заветные темы – дорога, память, отчий дом, ответственность за слово.

Гоголев всегда отца любил и уважал. *«Но долг отца я понял до конца, когда я сам отцом однажды стал»*, признавался он, став отцом троих детей. Это большое чувство отцовства подарила ему любимая женщина, ставшая его судьбой, музой, другом – Это Мария Алексеевна Черткова. Первый садо-

вод, известный учёный селекционер, что вырастила на северной земле, которую считали бесплодной, годной лишь для посадки картошки, чудесные яблони, чёрную смородину и другие растения. Её первый сад теперь знаменит на всю республику целебными растениями, дарующими красоту и силу, здоровье, так необходимыми на севере. Здесь поэт создал свои лучшие произведения, пьесы, сказки, драматические поэмы «Письмена на бивнях мамонта», «Эр Соготох», трилогию «Чёрный стерх», романы «Богиня милосердия», «Третий глаз», «Манчаары» и многие другие. Здесь, на берегах Лены реки, выросли их дети, продолжатели творческой жизни. Состоялась яркая, кипучая жизнь, полная труда и радости, встреч с разными людьми, близкими, соратниками, друзьями. Дружбу с ними, видными писателями, поэтами С.Руфовым, В.Сивцевым, академиком И. Томским, профессором Н.Тобуроковым, учёным Е.Сидоровым и другими Гоголев сохранил на всю жизнь. Поэты умели дружить, любить, мечтать и верить. Их отличала «приверженность добру и неприятье зла».

Супруге своей, удивительно доброму, солнечному человеку, чья любовь согревала его всю жизнь, Гоголев посвятил множество сонетов, стихов, песен. Одна из них – «Якутия моя родная» стала всенародным гимном республики.

В жизни Гамзатова любовь к супруге, родной земле, близким, людям также имела огромное значение. Поэт признавался: «Вообще, строго говоря, у меня всего две темы: Родина и Женщина». Любимой жене Патимат он посвящал проникновенные стихи, поэмы. Она, как ангел хранитель, создавала необходимую для творчества обстановку тепла, уюта, домашнего очага. Оберегала от наветов, помогала во всём. Вместе они создали замечательную семью с тремя детьми, прошли большой жизненный путь, любя и поддерживая друг друга. Родные, близкие отмечают могучую жизненную энергию поэта, любовь к людям, жизни, душевную щедрость, юмор. Дом Гамзатовых славился гостеприимством. Здесь были А.Твардовский, Р.Рождественский, Ф.Искандер и многие другие почётные гости, самые разные люди. Поэт занимался общественной деятельностью, помогал людям в бытовых нуждах, плодотворно творчески работал. Судьба горянки, её нелёгкая жизнь наводила его на глубокие размышления, вызывала сострадание, сочувствие женской доле, столь тяжёлую в прошлые времена. Об этом его стихи, поэмы «Горянка», «Берегите матерей», «Целую женские руки». Учителем в этом также был его отец, один из первых в Аварии восставший против унижающих достоинство человека адатов, дурных традиций и привычек.

Образом горянки, запавшим ему в душу с колыбельной матери, поэт восхищался. Её красотой, добротой, смелостью, стойкостью, постоянством, несмотря на «сундук бед». Горянка в его стихах предстаёт в разных обличиях, с богатым духовным миром, высоким нравственным обликом. Воспевая её, поэт говорил о счастье материнства, радости быть хранительницей очага, о светлой участи быть любимой.

Гоголев ярко и полно ярко раскрыл образ женщины, матери, всё богатство её души, боль и радость, труд, нелёгкую судьбу в своих стихах, романах «Манчаары», «Третий глаз».

Судьба детей волнует мать, она хочет видеть их счастливыми. Тревога за жизнь, будущее детей звучит в стихотворении Гамзатова «Берегите детей!»

Детям, будущему нашему,

посвятил свои произведения, полные света и тепла, Гоголев. Это «Харчаана», пьесы «Долина стерхов», «Шалун-шалунишка», «Волшебный хомус», песни, стихи.

Благополучие наше во многом зависит от состояния окружающей среды. В краю, где царит суровая природа, как в горах и на севере, жизненно важно заботиться о её сохранности, лесов, земель и вод. Тем более в республике, где усиленно ведётся добыча и эксплуатация природных ресурсов. Гоголев с горечью говорил о загрязнении рек Лены и Вилюя, выступая против варварского, потребительского отношения к природе, отсутствия заботы об охране её.

«Природа – наша родная, мудрая, извечная мать. Она не только кормит нас, одевает, но и воспитывает, мудро, терпеливо, учит быть благородными, прекрасными всегда и повсюду. Необдуманные действия, нарушения равновесия природы, грубое вторжение в природный баланс, как показывает жизнь, неизбежно оборачивается трагедией».

В поэмах Гоголева высокого эпического звучания «Слово древа Аал Луук», «Спасите небо», «За пять минут до полуночи» и многих других поднимаются глобальные проблемы судеб человечества и экологии мира. Звучат призывы беречь жизнь на земле, мать природу. Ту, что дарит нам солнце, без которого немыслима жизнь. Человек же, из племени солнца, по мировоззрению народа, должен хранить и созидать жизнь.

Поэзия Гоголева пронизана солнечным светом. Роман в стихах «Солнечная гора», сборник стихов «Священный огонь» и другие воспевают дружбу, добро, любовь и красоту, созидательный труд, необходимых для света жизни. Недаром его величают Гора солнца, как называют на севере больших людей.

Знаменитый Поэт Гор признавался:

Я солнце пил, как люди воду,
Ступая по нагорьям лет,
Навстречу красному восходу,
Закату красному вослед.
Земной красой я упивался,
Благословлял её удел...

В горах, как и на севере, особо почитается огонь, посланник солнца на земле. Природа уподобляется животворному огню. Даже горы, как заметил Гамзатов, похожи на окаменевший огонь. Такое же символическое значение имеет и очаг в горской сакле, и огонь в якутском камельке. Когда он горит, в доме воцаряется мир и покой, живительное тепло. Так и в истинной поэзии всегда должен быть огонь, «нет огня – нет и жизни».

Поэзия Гамзатова подобна огню. В роду его мужество, храбрость, верность, любовь – огонь души поддерживается, передаётся из поколения в поколение.

«Чувствую и в своём сердце искру этого вечного огня, – говорил Поэт. – Вижу и свой долг в том, чтобы не дать затухнуть этой искре. Разжечь её, заставить светить и греть, и чтобы идущий вслед за мной принял её от меня и понёс дальше». Так огонь превращается в светильник – мысли, чувств.

Светильник сходен
с сердцем: в самом деле,
Их надо засветить,
чтобы горели.

(Из «Надписей на светильниках», перевод Н.Гребнева)

Хранителями огня народной поэзии Гамзатов называл поэтов и песенников, танцоров и храбрецов. А писателей – цветом нации. Гоголев считал писателей совестью народа, его голосом, которые должны нести людям слово правды, добра и красоты и своими произведениями объединять людей.

По глубокому убеждению Гамзатова, настоящий «певец тот, кто корнями своими связан с народом и предан до конца своей земле и своему краю, кто является полномочным представителем своей страны во всём

мире». Неразрывную связь с народом, верное служение ему поэты считали основой основ поэтического творчества.

Любовью к своей стране, людям, народу пронизано творчество народных поэтов. Так девизом Гамзатова было: *«Ни дня без строчки, ни дня без людей»*. Одна из повестей Гоголева так и называется «Я люблю вас, люди». Герои его книг ищут счастья каждый по-своему, идут на подвиг самопожертвования, чтобы добиться счастья людям. Это Кысалга из романа «Чёрный стерх», Манчаары из одноимённого романа и другие.

Счастье, так нужное всем нам, зависит от человека, его работы для этого, отношения к миру, людям. Важно, чтобы оно было добрым, участливым, неравнодушным к людской беде, отзывчивым на боли его и беды. Защищать человеческое в человеке, бороться за человека – главное для поэтов, считал Гамзатов. *«Человек не просто название, а звание и причём высокое, добиться его не просто. Высшая ценность на земле – это человек»*.

Природе человека свойственно светлое начало, созидания и тёмное, разрушения. Между ними идёт постоянная борьба, как в жизни. Человек должен быть бдителен, чтобы не дать увлечь себя силам зла и никогда не забывать о своём небесном, солнечном происхождении. Помочь ему в этом, призваны поэты. Своим действенным словом они взывают к лучшим чувствам человека, беспощадно разоблачая его пороки, то, что губительно для него.

«Мы борцы, – говорил Гамзатов. – В борьбе мы обретаем силу слов, она помогает нам определить направление творчества, даёт нам ощущение нашей коллективной силы, призывающей влиять на судьбы мира, на судьбы человечества».

Для счастливой судьбы людей необходим мир. Не потому ли повсюду так почитают журавлей, символ мира, жизни, счастья. На севере они особенно любимы. В творчестве якутского поэта, его журавлиных песнях, стихах, сказке «Долина белых журавлей», романе «Чёрный стерх» этот образ многозначен, как сама жизнь.

Песня «Журавли» на стихи Гамзатова, музыку Яна Френкеля – одна из лучших песен человечества, выступающего против войны. Дань памяти всем погибшим воинам в годы сражений, предостережение угрозы войн. Обращение ко всем живущим на земле, чтобы люди никогда не забывали, какой ценой завоёвано счастье и берегли его.

Так журавлиные песни поэтов, взывая к нашим душам, утверждают свет жизни, мир.

Теперь на родине Поэта севера каждый год проходят Гоголевские чтения, по всем жанрам литературы: поэзии, прозы, драматургии. Книги, стихи его читают, песни поют, пьесы не сходят со сцен театров. На родине Поэта гор в Дагестане, каждую осень проводят праздники, Дни Поэзии, Дни белых журавлей. Здесь высится памятник Белым журавлям, памятник Поэту. Сюда приезжают люди с разных уголков нашей страны, планеты, любители и почитатели его поэзии, творчества. «Друзья мои, прекрасен наш союз!» – словно звучит здесь. Так передаётся огонь поэтического слова, объединяя людей разных стран и народов, зажигая сердца и души. Приближая время, «когда народы, распри позабыв, в великую семью объединятся». Эту великую мечту человечества, выраженную ещё Пушкиным. О мире и цветении, счастье единого рода человечества, живущего на одной земле, под одним солнцем.

Да зазвучат тому благословения, стихи его Поэтов – Расула Гамзатова и Ивана Гоголева:

Я прибегаю
к помощи эфира,
Взываю к людям:
«Не щадите сил,
Чтоб мир земной,
как добрый Остров Мира,
Сиял среди
бесчисленных светил!

Наш общий дом,
идя своей орбитой,
Свершая свой
великий, дальний путь,
Со всех сторон
Вселенною омытый,
Цвети, будь благодатен,
счастлив будь!»

***

Я тебя благословляю,
Колыбель людей земля!

Пусть же все материки
планеты,
Словно пять умелых
пальцев,
Счастье всех людей куют.
Пусть же люди на планете
Славят солнце,
славят труд!

г. ЯКУТСК

Олег ХИМАНЫЧ

«КРАСНАЯ ПАЛАТКА» НА БЕЛОМ ЭКРАНЕ

КАК ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В АРКТИКЕ 1928 ГОДА БЫЛИ ВОПЛОЩЕНЫ В ФИЛЬМЕ

Речь о полёте на дирижабле «Италия». На нём Умберто Нобиле и его спутники попытались достичь Северного полюса. Эта попытка удалась ровно наполовину. Экспедиция достигла полюса, но на обратном пути потерпела катастрофу. Спасать полярников тогда вызвался и Советский Союз. Множество раз, хотя и с известными авторскими разночтениями, эти и последующие события затем описывались, как в публицистике, так и в художественной литературе. А вот мастера кинематографа вынесли тему на широкий экран, по сути, только в 1969-м.

Двухсерийный фильм назывался «Красная палатка». Сейчас, по прошествии многих лет, можно с уверенностью сказать – он стал явлением в европейском кино. Для нашей страны тем более – ведь это был один из первых в Советском Союзе художественных фильмов, созданных в тесном содружестве с иностранцами, да к тому же на их деньги. Иностранцы в данном случае были представлены такой признанной кинодержавой, какой являлась в ту пору Италия.

Мало кто знает, что поначалу картина задумывалась как советско-германский проект, причём инициированный и финансируемый с той, германской, стороны. Дело, однако, дальше драматургического периода не пошло. Первый вариант сценария, написанный советским писателем Юрием Нагибиным при участии Михаила Калатозова, немцам не понравился, и они вышли из проекта. Казалось, будущего у фильма нет. Но на «Мосфильме» всё же рискнули обратиться к знаменитому итальянскому продюсеру Франко Кристальди. Того идея заинтриговала. Поэтому нашлись не только немалые деньги, но и целое созвездие западных актёров первой величины. Ещё, говорят, Кристальди в данном случае делал ставку не только на них, но и на талант Михаила Калатозова, потрясшего в своё время Европу фильмом «Летят журавли».

Примечательно, что на тот момент ещё были живы четверо из непосредственных участников ледовой драмы 1928 года: штурман Альфред Вильери, лётчик Борис Чухновский, профессор Франческо Бегоунек и собственно сам Умберто Нобиле. Это накладывало на создателей картины определённую ответственность.

Стороны взялись за дело вновь. Правда, вновь возникла заминка на сценарии. Теперь уже Юрий Нагибин «не сошёлся» с продюсером и отказался от работы. Сценарий заканчивали итальянец Эннио де Кончини и англичанин Роберт Болт. Они развили тему в две серии. Надо сказать, в те годы для советского кинематографа такой формат для художественного фильма считался более чем масштабным.

Звёзды Европы

Масштабным оказался и международный подбор актёров: англичане Шен О' Коннери (Амундсен) и Питер Финч (Нобиле), немцы Марио Адорф (Биаджи), Харди Крюгер (Лундборг), итальянцы Массимо Джироти (Романья), Луиджи Ванукки (Цаппи) и Клаудиа Кардинале. Последней (она была супругой продюсера Франко Кристальди), по настоянию итальянской стороны достался вымышленный персонаж медсестры Валерии, невесты Мальмгрена.

Самого же шведского учёного на экране «представлял» советский актёр Эдуард Марцевич. Вместе с ним на съёмочных площадках картины работали: Юрий Соломин (Трояни), Юрий Визбор (Бегоунек), Донатас Банионис (Мариано), Никита Михалков (Чухновский), Юрий Назаров (Страубе), Григорий Гай (Самойлович), Борис Хмельницкий (Вилье-

ри). Были и ещё несколько актёров, правда, меньшей творческой величины, исполнявших роли второго плана и эпизодические – Отар Коберидзе (Чечионе), Тенгиз Арчвадзе (Алессандрини), Леонид Каневский (радист «Чита ди Милано»)...

Конечно, за без малого сорок лет, которые отделили катастрофу дирижабля «Италия» от времени съёмок кинокартины, разительно изменился и дизайн кораблей и самолётов. Кстати, сам дирижабль «Италия», точнее, его уменьшенную копию, изготовили советские умельцы в подмосковном Долгопрудном. Но если с авиационной частью дело обошлось (нашлись и дирижабли, и единичные экземпляры летательной техники конца 20-х годов прошлого века), то ледокол «Красин» создателям фильма пришлось поискать. «Красин» был уже кардинально модернизирован в ГДР и никак не походил на себя самого образца 1928 года. «Выручил» в этом случае уцелевший к 1969-му старый ледокол «Сибиряков» (бывший финский «Яакарху»). При почти вдвое меньшем водоизмещении и мощности у него всё же имелось некоторое сходство в дизайне, которое при тщательной доработке студийными декораторами смогли приблизить к образу «Красина». Штабному судну «Чита ди Милано» в этом смысле не повезло. Его пришлось «изображать» советскому дизель-электроходу «Обь». А здесь уже не помогли бы никакие декорации, но постановщики правильно решили показать итальянское штабное судно только мельком и при панорамной съёмке с борта летящего самолёта.

Долго не могли найти главного оператора-постановщика. Михаил Калатозов обычно работал с Сергеем Урусевским, но тот оказался занятым собственным режиссёрским проектом – фильмом «Бег иноходца». Хотели пригласить Левана Пааташвили – не получилось. Потом звали Вадима Юсова. Тоже не получили согласия. В итоге фильм снял тогда ещё мало кому известный Леонид Калашников.

Отдельные эпизоды картины снимались и в Подмосковье, и в Ленинграде, на берегу зимнего Финского залива, в настоящей Арктике, даже в бухте Тихая на Земле Франца-Иосифа. Итальянская группа специально летала на Шпицберген, чтобы отснять там айсберги. Но неудачно. Этот материал затем переснимали наши кинооператоры.

«Красная палатка» вышла в двух версиях – итальянской («The Red Tent») и советской. Картины отличались не только языковым разночтением, но также изобразительным и музыкальным рядом. Если в изобразительном это касалось нескольких эпизодов, то музыка «не совпадала» совершенно. Для советского фильма её писал Александр Зацепин, для итальянского – Эннио Морриконе. Музыку Зацепина, к слову, озвучивал оркестр Государственного Академического Большого Театра (дирижёр Марк Эрмлер). Добавим ещё, что изначально Франко Кристальди намеревался заплатить любые деньги, чтобы привлечь к работе Дмитрия Шостаковича, но тот уже тяжело болел.

На советском экране картина имела большой успех. Тогда его определяли числом кинозрителей – 11,8 млн человек на каждую из серий. С кассовыми сборами соответственно всё было в порядке.

Реалии и фантазии

В своей книге «Трагедии и загадки Арктики» известный полярный писатель Зиновий Каневский даёт «Красной палатке» отрицательную оценку. Главным образом за большое количество фактологических неточностей и отступлений. В частности, за довольно крупный эпизод с торжественными проводами «Красина» из Ле-

нинграда. Дело в том, что на самом деле на «Красине» так отчаянно спешили, что буквально «ускользнули» из порта при первой же возможности, а такая выпала на ночь. Никаких торжественных проводов ледокола, разумеется, не было.

Нобиле при ударе гондолы дирижабля о льдину получил травмы более тяжёлые, чем они показаны в фильме. У Мальмгрена – вообще была повреждена вся левая сторона тела, а в фильме он почти невредим…

В итальянской версии картины вымышлен эпизод гибели Амундсена (его нет в советской версии): якобы великий норвежец с борта «Латама» обнаружил-таки группу Алессандрини, но при посадке на льдину потерпел катастрофу и разбился…

В нашем же, советском варианте вообще не отражён важный эпизод, когда шведский лётчик Лундборг попытался вторично сесть на льдину «Красной палатки» и потерпел аварию…

Отдельные критики даже составили список, в котором, как им показалось, кинематографисты далековато отошли от правды: Амундсену было 55 лет, а его играл 39-летний Шон О'Коннери, Нобиле было 43 года, а играл его Финч, которому стукнуло на десять лет больше, 32-летнего Лундборга играл 41-летний Крюгер…

Были также определённые разночтения при речевом дубляже картины, масса критики обрушилась на фильм за вымышленный образ медсестры Валерии – невесты Мальмгрена…

Как рассказывают, 24 декабря 1969 года на итальянской премьере фильма Умберто Нобиле ограничился лишь одним замечанием и по одному эпизоду, а вот Борис Чухновский демонстративно игнорировал просмотр картины…

Можно, конечно, не соглашаться с тем, как трактуют события тех далёких дней авторы, – далеко ли отошли они от документальной основы или же в меру принятого. Однако в аннотациях к фильму, которые довелось читать, указывается, что в основу киноповествования положены «некоторые реальные события». Не стоит забывать, что «Красная палатка» снималась, как художественная лента, а любой художник в той или иной степени имеет право на творческий вымысел.

А в чисто художественных достоинствах этой картине вряд ли откажешь: она получилась зрелищной, красивой. Впечатляет она, на мой взгляд, и операторской работой в пейзажных сценах (художник Давид Виницкий, оператор комбинированных съёмок Григорий Айзенберг). Признаться, и поныне я не знаю иного художественного фильма об Арктике, который бы сравнился с «Красной палаткой» по глубине и поэтичности изображения картин Ледовитого океана. Музыка Александра Зацепина к этой киноленте и по сей день является музыкальным образом далёких, таинственных и манящих пространств Арктики.

* * *

Есть в «Красной палатке» важный, а, на мой взгляд, ключевой эпизод всей картины, он в самом конце фильма – это, по сути, эпилог. Великий Амундсен говорит Нобиле – людям нечего делать в Арктике. Норвежец имел в виду беспощадную жестокость её природы, а также человека, который не всегда оказывается сильным духом в океане. Но ведь не звучит в том пессимизма и безверия! Потому что те слова Амундсена под щемящую музыку тут же подхватывают потрясающие кадры обрушения старых глетчеров и рождения новых айсбергов. В этом образе, верно, и отражение пути и призвания человечества, дарованное Богом, – терять надежды, но и возрождать их вновь.

г. СЕВЕРОДВИНСК

Яков
СОЛОДКИН

ПЕЛЫМСКИЙ ЛЕГЕНДА

Одним из главных событий «зауральской эпопеи» 1582–1585 гг. со времён «отца сибирской истории» Г.Ф. Миллера нередко считается поход казаков, накануне овладевших ханской столицей Кашлыком (Искером), на Тавду. Исследователи расходятся лишь в датировке этого похода и определении его целей. Некоторые историки подобно Г.Ф. Миллеру думали, что ермаковцы побывали на Тавде в 1583 г., другие – в следующем. Последний взгляд предпочтительнее. Весной – в начале лета 1584 г. Кашлык осаждался бывшим приближённым хана Кучума Карачей, а следом Ермак выступил в поход, оказавшийся для «ратоборного» атамана роковым. Предыдущий год отмечен пленением казаками царевича Маметкула и их походом в низовья Оби. Так что если экспедиция ермаковцев в Пелымскую землю и состоялась, то скорее всего в 1583 г. При этом, как думалось Н.А. Лапину, казаки хотели получить передышку накануне решающих боёв за Искер. По летописным свидетельствам, однако, «Сибирское взятие» предшествовало походу на Тавду. С точки зрения Р.Г. Скрынникова, казаки двинулись туда, чтобы вернуться в Россию и установить удобный путь от Пелыма до Кашлыка; Ермак имевший и без того малочисленный отряд, не рискнул штурмовать укреплённое городище пелымского князя Аблегирима и вернулся в Искер. Позднее видный историк усомнился в том, что по Тавде русские собирались уйти на Русь, это можно было сделать привычным путём через Печору; действительности «товарство» намеревалось покорить Пелымское княжество, но казаков постигла неудача. Как представлялось Д.И. Копылову, ермаковцы отправились на Тавду летом 1584 г., дабы разведать пути, которыми можно было возвратиться в русские земли. По словам Н.И. Никитина, «заждавшихся помощи казаков неудержимо тянуло на Русь», почему они и двинулись вверх по Тавде против Пелымского княжества; но «от уральских предгорий» ермаковцам пришлось повернуть «обратно в Сибирь». (Граница Сибирского ханства на северо-западе проходила по среднему течению Тавды). А.Т. Шашков находил, что после гибели своего предводителя одни ермаковцы решили вернуться обратно, а другие продолжали оставаться в Искере, дожидаясь помощи из Москвы; не сумев преодолеть сопротивления пелымских вогулов, чтобы пробиться в бассейны Лозьвы и Вишеры, казаки атамана Матвея Мещеряка возвратились на Тобол, где разделились: часть зазимовала на Карачином острове в устье этой реки, отказавшись соединиться с «сидевшими» в Кашлыке, а «мещеряковцы» прежним, «чрезкаменным», путём ушли на Русь и к весне 1585 г. достигли волжских берегов, влившись здесь в ряды местной казачьей вольницы. По заключению А.Т. Шашкова, когда в Искере водворился Сейдяк, одолев наследника Кучума Али (Алея), «православные вои», расположившиеся на Карачином острове, по Тоболу тоже отправились в русские земли. Как пояснял видный сибиревед, «эпизоды об уходе на Русь казаков Матвея Мещеряка и о водворении некоторых из них на Карачин остров реконструируются на основании данных Строгановской и Кунгурской летописей, восходящих к рассказам очевидцев». Но в первой из них говорится лишь о том, что Мещеряк, отправившийся на Русь после гибели Ермака, вскоре вернулся в город Сибирь. Согласно Кунгурской летописи, возникшей в Прикамье едва ли не спустя целый век после кру-

ПОХОД ЕРМАКА: ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

шения ханства Кучума, русские согнали Карачу с острова на Карачином озере в канун нового похода, а возвратившись с Тавды, «начальный атаман» и зазимовал на этом острове.

О приглашении Строгановыми в свои «городки» Матвея Мещеряка наряду с другими волжскими атаманами – Ермаком, Иваном Кольцо, Никитой Паном, Яковом Михайловым – «слогателю» Строгановской летописи, видимо, было известно по материалам вотчинного архива знаменитых солепромышленников. О последующей судьбе Мещеряка представивший его одним из главных героев «одоления» «Сибирской земли» анонимный книжник, выполнявший заказ Строгановых, скорее всего сообщил понаслышке.

Заметим, что в Погодинском летописце, который А.Т. Шашков справедливо признавал самым надёжным источником по истории «Сибирского взятия», о расколе казачьей «дружины» с гибелью её предводителя не сказано, как и об уходе на Русь отряда Мещеряка. Возможно, однако, что оставшись без своего «наставника», часть ермаковцев во главе с Матвеем Мещеряком, действительно, решила не проводить третью подряд зиму в Кашлыке в ожидании служилых людей, надежда на появление которых могла считаться призрачной, а отступить, пока ещё реки не покрылись льдом, в Прикамье и Поволжье. Но едва ли стоит предполагать, что «мещеряковцы» двинулись обратно по Тавде, а потерпев неудачу, вернулись на Тобол и оттуда направились «в Русь». Лишена оснований и мысль о том, что часть ермаковцев, не последовавшая за Мещеряком, отказалась присоединиться к своим соратникам, находящимся в Искере, и зазимовала на Карачином острове, а затем самостоятельно покинула Сибирь (почти одновременно это сделали и ратники стрелецкого головы И.В. Глухова).

Не исключено, что Мещеряк оставил город Сибирь ещё до того, как стрелецкий голова И.С. Киреев с атаманом Иваном Грозой повезли царевича Маметкула в Москву. (А.Т. Шашков считал, что Мещеряк покинул Сибирь в конце лета 1584 г. и воевал на Тавде, когда по Тоболу проплывали стрельцы князя С.Д. Болховского, направлявшиеся в Кашлык). В таком случае выдавать Матвея Мещеряка за «последнего атамана» «войска» Ермака, как вслед за Н.М. Карамзиным поступил ряд историков, не приходится.

В челобитной (1653 г.) головы тобольских конных казаков Гаврилы Грозина утверждается, что его отец Иван «взял Сибирь» вместе с Ермаком, «ставил» Тобольск, Тару, Томск, «поймал» и доставил в Москву сыновей Кучума. Видимо, в

челобитной подразумевается Маметкул, которого вместе со стрельцами И.С. Киреева сопровождал в «царствующий град» Иван Гроза (Гроза Иванов). Казаки же, очутившиеся под началом Глухова, видимо, вскоре остались без атамана. Возможно, Матвей Мещеряк, не желая с прибытием в Кашлык отряда воеводы князя С.Д. Болховского (быстро умершего) и головы Глухова находиться у них в подчинении, как и думалось А.Т. Шашкову, покинул Сибирь и вскоре оказался на Яике и в Поволжье.

Примечательно, что и в синодике (поминальном перечне) «ермаковым казакам», причём нескольких редакций, и в возникших примерно полтора десятилетия спустя, в середине 1630-х гг., Есиповской и Строгановской летописях, а также их вторичных разновидностях говорится о походах «храброго русского полка» (вслед за падением Кашлыка) по Иртышу, Оби и Вагаю, но о боях «единодушной дружины» с пелымцами не сообщается. Об этих боях умалчивается и в Погодинском летописце, сохранившем оригинальные сведения про Аблегирима. О «повоевании» ермаковцами бассейна Тавды не сказано и в одной сравнительно поздней челобитной, где упоминается о предыстории «Пелымского города».

Отсутствие даже глухих указаний на тавдинскую экспедицию казаков в синодике, восходящем к «написанию» соратников бесстрашного атамана, и Повести о Сибири и о сибирском взятии (вышедшей из-под пера дьяка Тобольского архиерейского Дома Саввы Есипова) раннее объяснялось тем, что ко времени создания этих произведений никого из участников похода против «пелымских людей» не осталось в живых. Получается, что о нём не помнил ни один из ветеранов (вместе со своими соратниками «сбивших» «с куреня» сибирского «салтана»), участвовавших в составлении «написания» или свидетельства которых использовали тобольские и сольвычегодские летописцы,

хотя им было известно о Тавде (в устье этой реки, оказывается, ермаковцы пленили придворного Кучума татарина Таузака, рассказавшего им о Сибирском ханстве).

Есиповская и Строгановская летописи запечатлели такие события начала знаменитой экспедиции, про которые мы не прочтём в синодике, как «брань велия» возле урочища Бобасан, взятие улуса Карачи и городка мурзы Аттика, сражение с «погаными» на берегу Иртыша, сооружение «кучумлянами» засеки у Чувашевой горы, на которой расположился «беззаконный царь». В тех же летописях отразились мелкие обстоятельства «пошествия» «крестоносного» атамана с «товарством» во владения Кучума (татары безуспешно обстреливали казаков из-за горы, когда те плыли по Тоболу, захватив улус Карачи, русские «царева меду в струги своя снесоша», вскоре после занятия ермаковцами города Сибири туда с дарами и запасами явился остяцкий князь Бояр, во время экспедиции по Иртышу и Оби казаки взяли Назымский городок, «нечестивые», узнав об истреблении Карачей отряда Ивана Кольца, стали убивать ермаковцев «по волостем и улусом»; определяется местопребывание Карачи, оставившего хана), однако поход, ставший в глазах многих учёных значительным эпизодом «покорения Сибири», в названных сочинениях не нашёл отражения.

Об этом походе сказано только в Ремезовской летописи («Истории Сибирской»), появившейся на рубеже XVII–XVIII вв., и включённой в её состав Кунгурской летописи, которая подчас датируется первыми годами после «Ермакова взятия» «Кучумова царства», но чаще всего следующим веком, нередко его второй половиной, и считается вышедшей из казачьей среды, отразившей казачий фольклор либо близкой к нему.

Как повествуется в Ремезовской летописи, в 7088 (1579/80) г., ещё до вторжения в Сибирь, вогулы «покоришася (русским. – Я.С.) до Тавды; и воеваша во всю землю Пелынские уезды до весны». Через три года, в 7091 (1582/83), Ермак, по свидетельствам знаменитого тоболяка С.У. Ремезова, захватил в низовьях Иртыша «все

городки Кодские и Назымский городок», вернувшись из похода 20 июня, а уже 1 июля «ездили (казаки) воевать по Тавде, взял (их предводитель) Лабутинской городок, князца Лабуту с богатством, и Паченку», где «бой велий бе, яко Поганое озеро наполнил (атаман) трупами; тожь и Кошуки, Кондырбай (по допущению Г.Ф. Миллера, Чандыр) и Табары». В синодике из Ремезовской летописи под июнем – июлем 7089 (1581) г. читаем о «войне» ермаковцев в низовьях Иртыша, по Оби и Тавде, когда были заняты Назымские, Кодские и Лабутинские городки». Согласно же «кунгурским сказам», ещё до «Сибирского взятия», 1 августа 7087 (1579) г., казаки согнали мурзу Карачу с острова на Карачинском озере *«и восхотеша возвратитися въспять в Русь, и погребоша вверхъ по Тавде реке, воюя с устья вверхъ обои Красноярскую и Калымскую волости и Лабутана со княжцы, и со всеми безотъступно бишася и безвозвратно до Паченки», и «татаръ прибиша до единаго, и Печенега княжца убиша, и наполниша трупом езеро, и то словет и до ныне Банное Поганое»; оттуда 6 августа «погребоша вверхъ по Тавде... в Кошуки»*. (Эта дата вызвала сомнения уже у Г.Ф. Миллера, считавшего, что повествование о казачьем походе на Тавду, читающееся в Кунгурской летописи, вообще изобилует анахронизмами, скорее всего ввиду её позднего происхождения). Вскоре, как узнаём из той же летописи, ермаковцы достигли владений пелымского князца Патлика, а узнав, что нет пути «за Камень в Русь», вернулись вниз по Тавде 4 октября (получается, 7088 или 1579 г.), собирая «хлеб въ ясак». 8 ноября, – продолжает летописец, – казаки приехали на Карачино озеро, откуда 5 марта Ермак отправил пятидесятника Богдана Брязгу *«все Назымские волости пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно»*.

Несмотря на расхождения в датировках (в Ремезовской летописи события, о которых идёт речь, приурочены к 7091 и 7089 гг., в Кунгурской – к 7087 г.), близость приведённых рассказов очевидна. В них упоминается о взятии Лабутанского городка (Лабутанских городков) и пленении Лабуты, «войне» с ним, сражении в Паченке, где озеро, прослывшее Поганым (Банным Поганым), Ермак наполнил трупами, боях в Кошуках. Если верить «Истории Сибирской» С.У. Ремезова, сражения с вогулами происходили также в Кондырбае и Табарах; в Кунгурской летописи перечислены другие волости – Красноярская и Калымская, названы в отличие от «Истории Сибирской» княжцы Печенег и Патлик, говорится о сборе хлеба «въ ясак» на Тавде. Кроме того, в поход по этой реке, как утверждал С.У. Ремезов, ермаковцы двинулись 1 июля, согласно же Кунгурской летописи, – ровно месяц спустя. Видимо (автор он поступал так и в других случаях), создатель «Истории Сибирской» заимствовал из явно более содержательной Кунгурской летописи и сведения о «войне» в Паченке.

В оценке Р.Г. Скрынникова в ремезовском повествовании о тавдинском походе достоверные сведения затруднительно отделить от легендарных. Обратим внимание на то, что к 1 августа в Кунгурской летописи отнесено изгнание ермаковцами Карачи с острова на Карачином озере; В Ремезовской же к этому числу приурочены взятие казаками Тюмени, их выступление «на город Карачинъ», прибытие к Ермаку вестников «из степи», сражение на озере Чиликуле между «кучумлянами» и служилыми людьми князя В.В. Кольцова-Мосальского. 6 августа же, когда, по сообщению «слогателя» Кунгурской летописи, казаки «погребоша вверхъ по Тавде... в Кошуки», – это день гибели «храброго смлада» атамана.

Таким образом, эта летопись (как не раз отмечалось историками, запечатлевшая устную традицию, бытовавшую в казачьей среде на протяжении многих десятилетий), вероятно, стала одним из источников повествования С.У. Ремезова о пребывании «дружины» Ермака в верховьях Тавды, – повествования, которое анахронистично и не находит параллелей в куда более ранних летописных сочинениях и синодике старших редакций. Поэтому, думается, пелымский поход «руского полка» следует причислить, согласно классификации известного филолога Е.К. Ромодановской, к вымышленным событиям (одним из них может считаться поездка казаков с сообщением о «Сибирском взятии» ко двору Ивана Грозного, о которой поведал ещё Савва Есипов).

г. НИЖНЕВАРТОВСК,
Ханты-Мансийский
автономный округ – Югра

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЮРИЯ РЫТХЭУ

Юрий Рытхэу ещё при жизни стал символом Чукотки. О нём уже издано несколько монографий. В частности, в разные годы выходили книги Юрия Шпрыгова, Александра Власенко и Ефима Роговера. Но полной научной биографии писателя до сих пор нет. А пора бы уже таковую создать. И начать следует с рассказа о первых шагах Рытхэу.

Напомню: Рытхэу начинал как переводчик. В 1949 году он перевёл для Учпедгиза русско-чукотский словарь к книгам для чтения С.М. Лазуко и М.Я. Басиной в третьем и четвёртом классах школ народов Крайнего Севера и повесть Тихона Сёмушкина «Талеко и его храбрый Лилит». А как прозаик Рытхэу дебютировал в конце 1952 года: журнал «Новый мир» в декабрьском номере представил в авторизованном переводе Анатолия Смоляна два его рассказа: «Окошко» и «Тэгрынэ летит в Хабаровск».

В «Новом мире» рассказами Рытхэу занимался один из заместителей Александра Твардовского Анатолий Тарасенков. Но Тарасенков был не только опытным редактором. Его многие знали и как талантливого критика. Поэтому не удивительно, что в 1953 году Тарасенков вскоре вызвался ещё и написать статью о Рытхэу (эта статья под названием «Первый писатель чукотского народа» появилась в октябрьском номере журнала «Знамя» за 1953 год).

Кроме того, Тарасенков 20 мая 1953 года дал Рытхэу рекомендацию в Союз писателей. В своём поручительстве он отметил: «Товарищ Рытхэу (Юрий Сергеевич) является первым и весьма одарённым чукотским писателем. В его произведениях, уже получивших первое признание читателей и критики, ярко нарисованы новые человеческие отношения, возникающие между людьми Советской Чукотки. Своеобразные художественные средства, яркая творческая индивидуальность сочетаются у Рытхэу с глубокой и серьёзной учёбой у мастеров социалистического реализма – лучших советских писателей. В лице Рытхэу чукотский народ выдвинул своего талантливого писателя-реалиста. Горячо рекомендую товарища Рытхэу в члены Союза советских писателей».

Я в Российском государственном архиве литературы и искусства в личном фонде Тарасенкова нашёл письма Рытхэу, датированные 1953 годом. Они позволяют по-новому представить первые шаги чукотского писателя.

Поскольку имя Тарасенкова сейчас во многом забыто, предлагаю сначала небольшой биографический очерк о критике и только потом письма Рытхэу.

ГОТОВ ПОЭЗИЮ ПРОДАТЬ: АНАТОЛИЙ ТАРАСЕНКОВ

Вячеслав ОГРЫЗКО

Сейчас Анатолия Тарасенкова помнят разве что как библиофила, собравшего уникальную коллекцию поэтических сборников, изданных в первой половине двадцатого века. Но он был не только книжником. «Для моего поколения символичной была фигура нашего учителя в критике Анатолия Тарасенкова, – писал о нём Вл. Огнев, выражавший некий общий взгляд, сложившийся в литературной среде. – Влюблённый в поэзию, обладатель лучшей и полнейшей библиотеки поэтических раритетов XX века, он мог часами, со слезами радости, читать Пастернака, восхищаться ритмами «Улялаевщины», обожать Ахматову, Цветаеву, переходя на полушёпот, читать Гумилёва. В его доме я познакомился с Ариадной Эфрон, Симоном Чиковани, с которым меня связывала дружба до самой его смерти. Тарасенков нежно относился ко мне, предоставил мне доступ в уникальную свою библиотеку. Беседовать с ним о поэтах было необыкновенно интересно и поучительно. Он сидел в глубоком кресле, всегда подогнув ногу и охватив её одной рукой, другой же выписывал ритмические фигуры и время от времени закрывал ладонью глаза... Будучи на поколение старше, он, вероятно, любил во мне собственное прошлое, прошедшее на войне, как говорили, весьма достойно. А может, и просто рад был слушателю, который понимал стихи и разделял его пристрастия. Но официальные его оценки Пастернака и Сельвинского не раз оказывались прямо противоположными тем, какие я слышал от него дома» (В.Огнев. Амнистия таланту. М., 2001).

Анатолий Кузьмич Тарасенков родился 14 (по новому стилю 26) марта 1909 года в Москве. По одной из версий, его отец якобы происходил из смоленских мужиков. Но жена критика после смерти мужа выяснила, что Тарасенков вышел отнюдь не из бедной семьи. Его мама – Агния Николаевна была приёмной внучкой саратовского губернатора Гаврилова. И отец тоже не нищенствовал. Сохранилась фотография Тарасенкова в детстве: он снялся в дорогом матросском костюмчике на фоне бархатных портьер. Почему критик не любил рассказывать о своих корнях, до сих пор неясно. Возможно, он всю жизнь чего-то боялся.

Тем не менее в своих автобиографиях Тарасенков приводил несколько иные факты. Так, 2 ноября 1944 года он писал для отдела кадров Союза писателей: *«Отец – бухгалтер, мать до замужества служила конторщицей в Управлении Курской ж.д.,*

после замужества – домохозяйка. До конца 1918 года я жил в Москве, 1919–21 гг. на родине отца в деревне, где отец и умер в янв. 1919 г. Мать стала учительствовать. В 1921 г. семья вернулась в Москву. Я поступил учиться в школу, после её окончания в 1925 поступил учиться в школу, после её окончания в 1925 в I Пром. Эк. Техникум. Не окончив его, перешёл в 1927 г. в I МГУ (литературный факультет)».

В другой автобиографии, датированной 14 апреля

1952 года, Тарасенков утверждал: *«Отец – служащий, умер в 1919 году от разрыва сердца. Мать после смерти отца – учительница, затем служащая»*.

Вдова поэта Мария Белкина рассказывала: «Тарасенков начал печататься рано, в 1925 году, когда ему от роду было всего шестнадцать лет, появляются его первые заметки, а к 1930 году он уже успевает написать чуть ли не обо всех действующих поэтах: Безыменском, Жарове, Алтаузене, Луговском, Суркове, Светлове, Асееве, Голодном и о прочих, прочих других. Рецензии, заметки, обзорные статьи. Литературу он, конечно, рассматривает с классовых позиций, что привито ему детдомом, комсомолом, университетом. У него рано умер отец, мать была очень неприспособленной к жизни, без профессии, она знала немецкий язык, но в двадцатые годы этим было не прокормиться. Семья буквально голодала, и мать решила двух девочек, они были младшие, оставить при себе, а сына отдать в детдом, где он будет хотя бы сыт. Он был участником всех диспутов, дискуссий, литературных битв. Он даже на каком-то вечере вступил в спор с самим Луначарским! И тот, должно быть, удивлённый нахальством и напористостью мальчишки, сажает его рядом с собой в президиум, и Тарасенков, вконец обольщённый и заворожённый Луначарским, начинает так же, как и тот, положив ногу на ногу, дёргать ногой и всю жизнь не может отделаться от этой привычки. Тарасенков идейный комсомолец, и если он не успел делать революцию, то продолжает дело революции. Он ревностный последователь марксистко-ленинской теории и приучен к тому, что литература и искусство должны прежде всего служить делу революции, делу рабочего класса. Писатель своими произведениями должен помогать строительству социализма, должен воспитывать народ соответственно требованиям коммунистической партии! Так он и пишет» (цитирую по книге Н.Громовой «Распад», М., 2009).

В 1930 году Тарасенков окончил литературный факультет 1-го МГУ и устроился младшим научным сотрудником в критико-биографический институт Коммунистической академии. Но уже через два года его пригласили в журнал «Знамя». Сначала он возглавил в этом издании отдел критики, а потом стал ответственным секретарём.

Как критик Тарасенков преимущественно занимался поэзией. По молодости он не боялся рьяно защищать любимых авторов и просто талантливых людей. В архиве ИМЛИ сохранилось его заявление в малый секретариат РАПП, датированное 29 июня 1930 года, с требованием не ломать судьбу Твардовскому. Молодой критик писал: *«Зная, что на днях на заседании секретариата будет стоять вопрос о тов. А.Твардовском, считаю своим долгом сказать следующее. Близко зная т. Твардовского (в продолжение года), считаю, что этот весьма одарённый поэт – ценен для ассоциации как вдумчивый человек, быстро растущий в смысле пролетарском и творческом в нашем РАППовском понимании слов.Считаю, что т. Твардовский совершил случайную ошибку. Для ассоциации Твардовский представляет большую ценность. Его надо воспитывать, может быть, временами сурово покарать за срывы, ошибки, но ни в коем случае нельзя исключать из РАППа»*.

Одно время кумиром Тарасенкова был Пастернак. Этого поэта он впервые открыл для себя в 1927 году. Потом критик, правда, позволил себе в «Литгазете» обругать роман любимого писателя «Охранная грамота». Ему казалось, что прозу писать Пастернаку не следовало. А вот стихи... Но в 1937 году Тарасенкову это увлечение стихами Пастернака чуть не стоило свободы. Его публично на пленуме Союза писателей отчитал Владимир Ставский. «Нельзя также забыть, – грозно заметил важный литначальник, – о систематических литературных ошибках критика Тарасенкова, который безудержно возвеличивал Пастернака». Эти слова Ставского потом привела газета «Правда» (в номере за 26 февраля 1937 года).

Тарасенков насмерть перепугался и стал лихорадочно искать подходы к Ставскому. И тот тут же гнев сменил на милость. *«Впрочем,* – отметил 26 февраля 1937 года в своём дневнике А.К. Гладков, – *о Тарасенкове главный обер-палач Ставский уже сказал: «Однако за последнее время т. Тарасенков переменил свои взгляды». Что ж, Толе это недолго – всегда этим отличался. Впрочем, можно ли всерьёз говорить об этих «взглядах»*.

На всякий случай Тарасенков уже в шестом номере журнала «Знамя» опубликовал покаянное письмо, мол, он раньше неправильно понимал стихи поэта. *«Тарасенков*, – отметил 22 ноября 1937 года в своём дневнике поэт Александр Ромм, – *второе лицо Пастернака – гимназический мальчик, влюблённый в то, чего он «не может», в непонятное и потому для него глубокомысленное – поставлен на колени и кается»*.

Пастернак всё понял и через какое-то время простил критика. Уже в 1939 году он сказал ему: *«Мы пережили страшные годы. Нет Тациана Табидзе среди нас. Ведь все мы живём преувеличенными восторгами и восклицательными знаками <...> В эти страшные годы, что мы пережили, я никого не хотел видеть, – даже Тихонов, которого я люблю, приезжал в Москву, останавливался у Луговского, не звонил мне, при встрече – прятал глаза»*.

Кроме Пастернака, Тарасенков очень ценил Марину Цветаеву, но это тоже потом было вменено ему в вину.

Когда началась война, Тарасенков был направлен в Таллин. *«Там,* – писал он в автобиографии в 1944 году, – *я редактировал газету ПВО. Участвовал в уличных боях как командир заградительного отряда. Участвовал в переходе флота Таллин – Кронштадт. Корабль, на котором я шёл, был уничтожен. Два часа я плавал в открытом море в районе Хельсинки, был подобран советским кораблём. С первых чисел сентября прибыл в Кронштадт. Был назначен лит. сотрудником газеты «Кр. Балт. Флот». Затем с окт. 1941 года по апрель 1942 г. – работал при политуправлении Кр. Балт. Флота»*.

Добавлю, в августе 1942 года Тарасенков вступил в партию. Приём происходил через политотдел Ладожской военной флотилии.

В январе 1944 года критик по распоряжению ЦК ВКП(б) был отозван в Москву. Его утвердили заместителем ответственного секретаря Всеславянского комитета и ответственным секретарём

Ан. Тарасенков. 13 июня 1931

журнала «Славяне». Но уже через полгода критика вернули в журнал «Знамя». Второй человек в Союзе писателей – Дмитрий Поликарпов предложил ему стать своим осведомителем и согласовывать с ним чуть ли не все публикации. Тарасенков отказался. В ответ против него была развёрнута травля.

После долгих раздумий Тарасенков решил обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову. Письмо было отправлено 19 марта 1946 года. *«Поликарпов,* – подчеркнул критик, – *вреден нашей литературе, он глушит всё новое, свежее, под флагом ортодоксии он глушит молодые дарования, не даёт развиваться принципиальной литературной критике, насаждает подхалимаж, угодничество в литературной среде. По-моему, пора убрать Поликарпова из литературы и поручить руководство Союзом писателей группе известных народу партийных и беспартийных писателей, которые вполне могут обойтись без устрашающей поликарповской нагайки»*.

Этому письму неожиданно был дан ход. Маленков назначил на 3 апреля совещание. Выслушав все стороны, секретарь ЦК поддержал Тарасенкова. Казалось бы, вот она, победа над зарвавшимся функционером. Но радость оказалась преждевременной. Вся эта история очень не понравилась Вишневскому. Получилось, что Тарасенков добился справедливости в обход своего непосредственного начальника – главного редактора журнала «Знамя». Неудивительно, что отношения Вишневского и Тарасенкова сразу заметно охладели.

После совещания у Маленкова у Тарасенкова появилась иллюзия, что сможет гнуть свою линию и дальше. он хотел укрепить сотрудничество журнала с Ахматовой и Пастернаком (ведь удалось же ему напечатать Ахматову в апрельском номере «Знамени» в 1945 году и потом выдвинуть от журнала Пастернака на соискание Сталинской премии). Однако очень скоро Маленкова задвинули, а на роль главного идеолога выдвинулся Жданов, который считал, что писатели слишком распустились и следо-

вало закрутить гайки покрепче.

Вишневский первым уловил перемены в верхах и стал давить на Тарасенкова. В июле 1946 года он записал в своём дневнике: *«Тарасенков нестерпим, капризен, полон самомнения. – Я поставил его на место, сказал: «Тебе рано командовать». Он помесь «дипломатии» и хамства – нервен, труслив, лит<ературный> дилетант, и дотошный, прилежный ред<акционный> служака. <...> Я 15 лет тяну Тарасенкова, слабость его я видел в 1937, в 1941 в Таллинне (страх), в Л<ениングра>де (нервы, упадок, дух. Разложение, психоз от голода). Бывают привязанности...»*.

Тарасенков оказался перед сложнейшим выбором: отступиться от любимых поэтов или всё-таки попытаться пробить их новые стихи в печать. Это его упорство очень не понравилось непосредственному начальнику критика – главному редактору «Знамени» Вишневскому. Редактор предъявил ультиматум: или критик полностью отрекается от Пастернака, или увольняется из журнала. Тарасенков предпочёл 21 апреля 1947 года подать заявление об уходе и громко хлопнуть дверью. Вишневский в ответ отправил ему личное письмо, обвинив критика в отходе от партийной линии. *«Ты,* – обращался Вишневский к Тарасенкову, – *привлёк Пастернака в июле 1946 года. (Постановление собрания московских писателей пр.) <...> Ты глух к товарищам, братским призывам, звонкам, письмам»*.

Переписка переросла в скандал. Дело Тарасенкова было вынесено на секретариат Союза писателей. *«Секретариат (закрытый), разбирал дело Ан. Тарасенкова,* – отметил в своём дневнике Вишневский. – *Он говорил неубедительно, умалчивал о существенных фактах (сводил дело к «непонятным» ему действиям). Единодушный отпор. Фадеев, Горбатов, Субоцкий, затем я. – Разъяснили Тарасенкову, что он попал на неверный путь, Пастернак – явная литературная оппозиция»*.

Ан. Тарасенков и М. Белкина. Москва. Лаврушенский пер. Декабрь 1955г.

В июле 1947 года Тарасенков пришёл в издательство «Советский писатель». Сначала его утвердили заведующим редакцией русской литературы. Но через год он получил должность главного редактора.

Как издатель Тарасенков постоянно лавировал. Он хотел и великую поэзию издавать, и остаться в обойме влиятельных критиков. А это означало, что надо было постоянно идти на компромиссы: хвалить не тех, кого надо, и ругать таланты. Жертвами этой политики в первую очередь становились молодые поэты. Не поэтому ли Тарасенкова так возненавидел Давид Самойлов?!

Ему очень не понравилась напечатанная в майском номере «Нового мира» за 1948 год статья Б.Яковлева «Поэт для эстетов». Автор публикации Б.Яковлев сразу вызвал у него ассоциации с Тарасенковым. 20 мая 1948 года Самойлов записал в своих тетрадях: *«Статья в «Н. мире», хулящая Хлебникова. Ненавижу этих шакалов, питающихся трупами! Таков Тарасенков. Ну что им дался бедный сумасшедший дервиш, объедками которого долго ещё будет кормиться поэзия. Литературу хотят сделать вещью условной, договориться: нужно писать об этом, нужно писать так, такими словами, такими размерами, такими рифмами. Всё прочее – не литература! Ничего подобного! Литературой станет именно «всё прочее», то, что сделают гении, таланты. А эти лгут на каждом шагу, извращают каждое слово партии и мнят себя солью земли. Эпиграмма на Тарасенкова:*

Готов продать отца и мать
И брата сделает калекой,
Готов поэзию продать,
Но...
дорожит библиотекой».

А затем началась борьба с космополитами. Вот когда критик окончательно сломался. Это ведь он в начале 1949 года яростней других обличал в Союзе писателей своего ученика Даниила Данина, инкриминировав ему публикацию в издательстве «Советский писатель» «порочной поэмы Багрицкого «Февраль».

Дальше Тарасенков в очередной раз отрёкся от Пас-

тернака. Данин спустя годы всё это припомнил критику. Он рассказал, как раньше Тарасенков признавался поэту в любви, а потом бил его. Всё было: «...статьи, предисловия, заметки, выступления с защитой Пастернака. И все его выпады против Пастернака, начиная с очень ранней «Охранной грамоты идеализма» (наивно-философской статьи – ему было двадцать два) и, кончая чуть ли не последними его «Заметками критика» (постыдно-политиканскими – ему было сорок). И все его муки хитроумной демагогии во спасение (во спасение!) Пастернака от патологической ненависти Алексея Суркова и расчётливого бешенства Всеволода Вишневского» (Д.Данин. Бремя стыда. М., 1996).

В марте 1950 года Твардовский позвал Тарасенкова к себе в «Новый мир» в качестве заместителя главного редактора. Вообще-то он хотел на этой должности видеть «правдиста» Михаила Кузнецова. Но в ЦК Кузнецову уйти из газеты не разрешили. И тогда поэт вспомнил про критика, который спас его в 1930 году от расправы рапповцев.

Надо сказать, что литературные скандалы для Тарасенкова не прошли бесследно. В 1949 году у него открылся двусторонний туберкулёз. А в 1951 году у критика диагностировали инфаркт миокарда. Но окончательно критика доконала история с романом Василия Гроссмана «За правое дело».

Этот роман издатели очень долго мариновали. В «Новом мире» он появился лишь в 1952 году. Критики поначалу встретили его на ура. Но всё изменилось после появления 13 февраля 1953 года в «Правде» злобной статьи Михаила Бубеннова. Литературные генералы, испугавшись за свои шкуры, сразу бросились искать виновных. На роль крайнего был назначен Тарасенков.

22 марта 1953 года критик под давлением Фадеева вынужден был подать заявление об уходе из «Нового мира». В письме в Союз писателей он отметил: *«За последнее время подвергся серьёзной партийной критике роман В.Гроссмана «За правое дело», напечатанный в «Новом мире». Считаю своим партийным долгом заявить, что я согласен с этой критикой. Идейные пороки романа В.Гроссмана заключаются в первую очередь в его ложной философии, выраженной через образы Штрума и Чепыжина, в отсутствии показа великой идейной организующей роли партии, в мотивах обречённости, с точки зрения которой изображены воины Сталинграда. Некоторые из этих идейных пороков произведения я, как другие товарищи, отмечали на заседаниях редколлегии «Нового мира» ещё задолго до появления романа в печати, настаивали на их исправлении. Но мы не сумели понять тогда порочность романа Гроссмана в целом, мы удовлетворились теми сокращениями и поправками, которые внёс автор, хотя, по сути дела, эти поправки не меняли идейную суть произведения. Редколлегия «Нового мира» допустила серьёзную ошибку, опубликовав роман В.Гроссмана. Как заместитель главного редактора журнала я разделяю с моими сотоварищами по редколлегии вину за эту ошибку»*.

Умер Тарасенков 14 февраля 1956 года в Москве. На его похороны пришло много писателей. Пришёл проститься и Твардовский. Позже, публикуя в «Новом мире» его вдову Белкину, Твардовский во вступительном слове отметил: «Примерно с 20-х годов в среде московских литераторов-книголюбов и собирателей уже была известна библиотека Анатолия Кузьмича Тарасенкова, кочевавшая с ним со студенческих времён из одной комнатушки в другую по многим районам столицы. Это было собрание изданий поэзии XX века, включавшее наряду с общеизвестными её представителями и полузабытые, звучавшие глухо и отдалённо, а то и вовсе безвестные, провинциальные, объявившиеся однажды в виде тоненькой книжечки стихов и навсегда канувшие в небытие. Пишущий эти строки в юности был одним из множества очных и заочных «поставщиков» библиотеки Толи Тарасенкова, доставлявших ему при случае ту или иную библиографическую диковинку, с долей снисходительности и дружеской насмешки поощряя безобидное увлечение... За свою короткую жизнь А.К. Тарасенков написал десятки статей, сотни рецензий, выпустил много книг, в том числе и книгу стихов... Но, может быть... наиболее значительным делом его литературной жизни явилась эта уникальная библиотека русской поэзии» («Новый мир», 1966, № 11).

ПИСЬМА ЮРИЯ РЫТХЭУ АНАТОЛИЮ ТАРАСЕНКОВУ

Уважаемый Анатолий Кузьмич!

Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием, прошу меня извинить.

Почему я к Вам вторично не зашёл? Неудобно было приходить с пустыми руками. Я рассчитывал на то, что «Смена» из двух рассказов будет печатать один и таким образом освободившийся другой рассказ я мог бы предложить Вам. Но редактор так крепко уцепился за оба рассказа, что даже пошёл на портрет, т.е. даёт первый рассказ с портретом. Что поделать? Пришлось сфотографироваться. А вообще мне очень жаль, что я так распылил все рассказы по разным журналам. Правда, это имеет свои причины. Дело в том, что когда весь цикл (10 рассказов) был принят изд-вом «Молодая гвардия», я считал себя уже не имеющим права печатать их в других изданиях. Но когда я узнал о своём праве печатать рассказы в периодических изданиях, надо было их устроить до выхода книги и, как я ни боялся, всё-таки успел. «Смена» печатает рассказы в 5 и 6 номерах (в марте), т.е. тогда, когда выйдет книга (сейчас у меня уже вёрстка).

С Симоновым разговор был довольно хороший. Теперь, конечно, можно не скрывать. Дело в том, что после напечатания этих двух рассказов в «Новом мире» я был удостоен самого внимательнейшего изучения со стороны ленинградского отделения «Литгазеты». Началось с телефонных звонков в деканат нашего факультета и в партбюро. Таким образом они узнавали характеристику относительно меня. Не найдя ничего особенного в характеристике, они решили познакомиться со мной лично. На факультете состоялась первая наша встреча с неким Лежиным. Он заявил, что «Литгазета» хочет иметь от меня рассказ для нового года. Я ему сказал, что таковых у меня нет. Был один, но уже взят «Огоньком». Но он всё-таки настаивал, очень хотел посмотреть все мои рассказы, дать (!) советы и т.д. Я поблагодарил его и категорически отказался дать ему рукопись. Я ему прямо сказал: я хоть и чукча, но не такой дурак, чтобы давать свою рукопись человеку, которого в первый раз вижу. Вот с этого и началось главное. Он всячески стал хаять Смоляна и сулил мне «более квалифицированный» перевод. Он допытывался (не спрашивал, не интересовался), именно допытывался о характере нашей совместной работы с тов. Смоляном. Я рассказал ему всё, что мог. Он, видимо, остался неудовлетворённым. Уходя, он пригласил меня в отделение «Литгазеты». Я сказал ему, что будет время, зайду. Судя по всему, он был уверен в том, что ему попался хороший кусок: он может разоблачить «литературных фальсификаторов». Он действовал так откровенно грубо, не утруждая себя хотя бы небольшой маскировкой своих целей. Очевидно, он думал, что «примитивному чукче» не так легко разгадать истинных его целей. Я не собирался заходить к ним: начиналась зимняя сессия, времени было в обрез. Но телефонные звонки и при-

глашения не прекращались. Наконец, я решил зайти к ним. Их было трое (Лежин, Дашевский и Поповников). Там они устроили настоящий перекрёстный допрос. Причём задавались те же самые вопросы, которые в своё время задавал мне Лежин на факультете. Я отвечал на них, но на сердце у меня было очень нехорошо. Так и хотелось снять галошу и с треском ударить подошвой по одной из этих трёх «любезных» и «респектабельных», жирных физиономий. Разговор происходил в характере взаимной перестрелки любезностями, но ясно было и мне и им, что надо поскорей кончать его. Правда, один раз я чуть не вышел из себя. Лежин, сделав прискорбное лицо, сказал, будто я зазнался и не хочу учиться. Это меня так взбесило, что я едва сдержался, чтобы не пнуть его в толстый, пуховый живот. Такой вывод он сделал из того, что среди 28 отметок, полученных мною к тому времени, была одна тройка, причём все остальные пятёрки. Всякие нарекания по поводу этой тройки я всегда воспринимаю особенно болезненно. Я получил её тогда, когда со всей своей семьёй (жена и грудной ребёнок) я кочевал по знакомым в Ленинграде, не имея своего угла. Целыми днями я стоял на толкучке, выменивал комнату за бешеную цену 350–400 р. в месяц. (Правда, теперь я нашёл небольшой сарай на окраине. Там жили куры. Но хозяин решил, что выгоднее держать людей. Мне пришлось долго поработать, чтобы выскоблить с пола вонючий помёт. Смазал печку, оклеил стены обоями – можно жить. И сейчас там живу. Как в яранге, только вот беда – очень много крыс. Я боюсь, что когда-нибудь они за ночь отгрызут какую-нибудь конечность у сына. Эта яранга обходится тоже 300 рублей + расходы на дорогу 100 рублей.) И вот на обвинение в зазнайстве я заверил их, что больше не буду зазнаваться. В заключение беседы они изъявили желание познакомиться с чукотскими оригиналами. Вообще-то странно, как они могут разобраться, не зная чукотского языка. Но я с большой готовностью согласился. Беседа длилась довольно долго, я запаздывал в библиотечный институт. Они отправили меня на своей машине и... шофёр стал задавать те же вопросы, которые задавались мне товарищами корреспондентами.

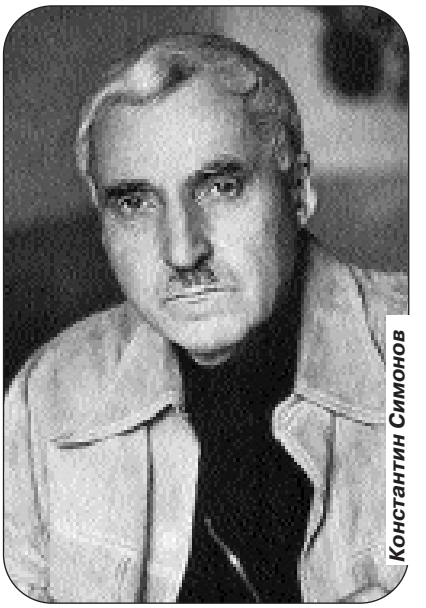
Придя домой, я сел и написал письмо Симонову, где обрисовал все охотничьи промыслы его представителей. Конечно, ведь это оскорбило не только моё авторское и национальное чувство. В письме я назвал этих товарищей сыщиками и даже написал, что отделение «Лит.газеты» скорее похоже на отделение милиции, но потом всё-таки это зачеркнул.

Ну вот, и в результате всего вызов в Москву. Перед этим я рассказал моему учителю, специалисту по чукотскому языку Скорику Петру Яковлевичу (он заведует сектором языков народов Севера в Институте языкознания) обо всех своих приключениях. Он сказал: «Гони их в шею».

В разговоре с Симоновым я извинился перед ним за резкий тон письма, но ещё раз выразил возмущение по поводу такого «интересного» поведения его товарищей, на что Константин Михайлович не совсем ясно пробормотал что-то вроде того, что «они действовали не совсем <нрзб>». Затем я ему рассказал характер нашей совместной работы с тов. Смоляном, на что он сказал, что «это, я думаю, наиболее правильный метод работы при незнании переводчиком языка». Он остался доволен моим рапортом. Немного поговорили о посторонних вещах и под конец он заказал мне очерк на пол-листа под названием «Мои товарищи».

Вот по какому поводу меня вызывал Симонов, Анатолий Кузьмич.

Сейчас о новых рассказах говорить очень нереально. Надо читать корректуру книги, доклад «О гортанно-смычном согласном и гортанно-смычных гласных в чукотском языке», заново перепечатывается чукотский оригинал, приведённый



Константин Симонов

в полное соответствие с окончательно отредактированными русскими текстами. Вероятно, буду его печатать в двух издательствах: что приемлемо для детей – в Учпедгизе, а остальное в Дальгизе.

Времени мало. Надо теперь <нрзб> каждый день сырые дрова, т.к. в сарае холодно, надо всё время топить. Но никогда у меня не было такого большого желания работать, никогда не было такого бодрого, хорошего настроения, как сейчас. Если бы не проклятый сарай, я бы урывал минуты, чтобы писать. Но я уверен, что скоро мы жизнь сделаем такой, чтобы настоящее хорошее дело не препятствовалось такими глупыми, но, чёрт возьми, необходимыми трудностями. Я чувствую себя очень хорошо, очень сильным. Вам, вероятно, трудно понять моё настроение, но если бы Вы знали, какими путями я дошёл до настоящего своего положения, откуда и через какие трудности я вынес и пронёс желание писать, честное слово, Вы бы порадовались со мной. Надо быть круглым идиотом, чтобы от этого зазнаваться, но надо более круглым идиотом, чтобы не радоваться этому. Как только выйдет книга, я Вам пришлю сразу же.

Помните, Вы обещали мне дать рекомендацию в члены Союза. Я продолжаю надеяться на это

С горячим студенческим приветом Рытхэу

20/II–53 г.

Дорогой Анатолий Кузьмич!

Впервые за всю свою жизнь мне приходится получать много писем и отвечать на них, поэтому очень прошу Вас простить меня за задержку ответа.

Кроме того, навалилось столько интересных событий и дел, которые не давали мне никакой возможности сесть за стол и что-нибудь написать.

Во-первых, как ни странно, в этом виновата весна. Как я Вам писал раньше, пол нашего курятника гораздо ниже уровня земли, да к тому же землянка находится в очень низком месте. Короче говоря, проснувшись утром, мы увидели игрушки сына, удельный вес которых меньше удельного веса воды, плавающими на воде! Таз, обычно находящийся около двери, покачивался около моей кровати; носки, заякоренные металлическими пряжками, изображали нечто вроде бакенов, потому что из самых кончиков ещё не вышел воздух. Мои «генеральские» ботинки (не шнурующиеся) совершенно затонули. В общем, картина была довольно живописная, добавьте ещё к тому ослепительные лучи весеннего солнца.

Несмотря на всю живописность, эта картина очень плохо подействовала на мою жену. Очень искренне радовался маленький Серёжа. Стоя на своей кроватке, он, вероятно, воображал себя капитаном и что-то выкрикивал радостным голосом на чёрт знает каком языке, которым обычно говорят дети перед тем, как надоедать родителям многочисленными своими вопросами.

Около трёх дней пришлось мне копать каналы, канавы, но вода не уходила. Надо было искать новую квартиру. На это пришлось потратить больше десяти дней. Всё это время мы жили в «Венеции». Наконец, Литфонд сдал мне в аренду дачу с дырявой как решето крышей и прочими болезнями старого дома, но, как записано в акте, «в годном для эксплуатации состоянии». Хотел бы я видеть директора, «эксплуатирующим» эту дачу за 2042 рубля в год (в комнаты), подставляющим баночки, тарелки, тазы под многочисленные течи. Как видите, теперь я домовладелец (арендатор).

Написал один рассказ только. Много думаю писать летом. Вероятно, или 10 мая, или 17 мая, но обязательно или в первом, или во втором случае буду в Москве. На всякий случай дам телеграмму. К этому времени книжка уже выйдет.

Огоньковскую книжку посылаю в отдельном конверте.

С сердечным приветом Рытхэу

4/V–53 г.

Дорогой Анатолий Кузьмич!

Я долго Вам не писал, потому что не так давно хотел побывать в Москве и увидеть Вас там. Но, приехав, очень быстро должен был уехать – умерла бабушка. Причём скоропостижно. Теперь отдыхаю от хлопот, которыми я занимался во время похорон. Никогда не думал, что на пути к «верхним людям» в цивилизованном мире столько препятствий и формальностей. Повёз в морг, а там не принимают – надо направление из милиции, приехал в мили-

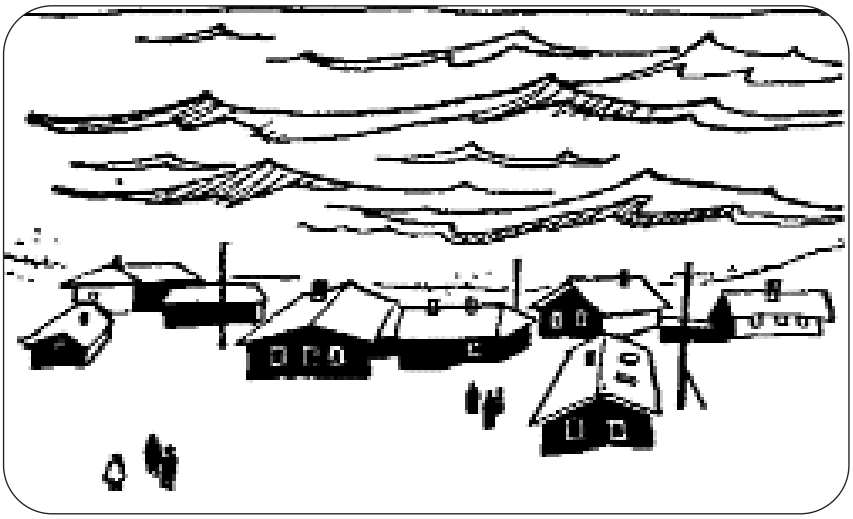
цию – обеденный перерыв на два часа. Так возил по Всеволожской несколько часов бедную старушку. Она – бабушка моей жены (мать её матери). В городе у неё два сына и дочь, солидные люди, но сволочи. Приехали, когда всё уже было готово и потащили гроб вместе с содержимым в церковь. Мне пришлось тоже зайти туда, хоть я и нехристь. У нас над умершими не так воют собаки, как выл этот долгополый. У него очень умное и приятное лицо, но когда он взвывал, размахивая возжённым мхом, мороз продирал меня по спине. Однако всё обошлось хорошо, похоронили, насыпали холмик, откуда-то у сыновей появилось вино, и они устроили тризну – ещё одно доказательство долговечности обычаев. (Тризна ведёт ведь своё начало ещё со времён «вещего Олега»).

Между прочим перевожу «Витю Малеева в школе и дома» [Николая Носова. – *В.О.]. Пишу понемногу. Трудно стало писать.*

Скоро осень, а живу пока в литфондовской яранге. Где буду жить зимой – не знаю. Снять комнату невозможно. Невоенный, женат, с ребёнком – кто же пустит такую несолидную личность. Когда я думаю о прошлогоднем курятнике, мне становится грустно.

Жена в конце августа вместе с сыном поедут на юг (как перелётные птицы спасаются от холода) и, провожая их, я, вероятно, буду в Москве.

Передайте привет Вашей жене и сыну. Прислал бы им книги, да у меня не осталось ни одной, даже нечего приложить к заявлению о приёме в члены Союза СП. Жду массового тиража, уже есть сигнал.



С большим приветом

Рытхэу

6/VIII–53 г.

P.S. Очень завидую вашей поездке.

Дорогой Анатолий

Кузьмич!

Я не знаю, какими словами мне оправдываться за своё долгое молчание. Конечно, причины были, но написать несколько строк для этого вполне можно было найти время. Одним словом – каюсь.

Вы, вероятно, знаете, в каком плохом настроении мы уехали из Москвы тогда в сентябре... Приехали в Ленинград, я поселился в гостинице (на даче уже было очень холодно и текло) со всей своей бригадой. Пришёл в О.К. ВЛКСМ, рассказал им всё, они посочувствовали, секретарь бодро сказал: «Сделаем комнату, дорогой Рытхэу! Устроим!» Дальше бодрых обещаний дело не пошло. Пришёл в Союз ССП, рассказал всё Чивилихину. Честное слово, когда он сказал, что мне дадут комнату, я не поверил – ведь я же не член ССП. Но вот комнату получил. Правда, находятся люди, которые и за глаза и прямо в глаза говорят мне, что я, дескать, незаконно получил комнату. Я всем им говорю: как бы это ни было – отобрать её у меня уже не смогут, пусть попробуют.

Пока шла комнатная волокита, умирал наш Северный факультет, и я оказался студентом пединститута им. Герцена (наш ф<акульте>т слили с таким же ф-том ин-та имени Герцена). Пришлось ещё заняться хлопотами о переводе обратно в университет, на филологический факультет. С трудом, но и это удалось сделать. Теперь я студент 3 курса филологического ф-та отделения журналистики Ленинградского государственного ордена Ленина университета имени А.А. Жданова. Неплохо звучит, не правда ли?

Помните наш разговор о поездке на Чукотку? Так я твёрдо решил ехать в конце июня 54 года на три месяца. Но для этого мне нужен заинтересованный журнал

или газета, которые бы субсидировали мою командировку. В качестве и количестве материала они пусть не беспокоятся, об этом побеспокоюсь я. Единственное условие – пусть будут пощедрее – их деньги даром не пропадут.

Дорогой Анатолий Кузьмич! Я бы очень хотел, чтобы Вы прозондировали почву или в «Новом мире», или в «Лит.газете» относительно возможности такого дела. Если кто-либо из этих согласен, приеду для окончательного разговора.

Дорогой Анатолий Кузьмич, простите ещё раз за долгое молчание.

Дружески жму руку.

Рытхэу

15/VIII–53 г.

Дорогой Анатолий Кузьмич!

Простите, что пишу карандашом и ещё плохим почерком. Только что ушла врач, я зажёг свет в палате, благо нас всего двое, и взялся за письмо, которое так долго собирался Вам написать.

Лежу в туберкулёзной больнице вот уже вторую неделю. Положили меня как раз перед сессией, так что я теперь «хвостатый». Как и почему я заболел, по-моему, очень просто объясняется. Дело в том, что последний год я работал преимущественно ночью. Курил обычно очень мало, но по ночам. Как говорится, в комнате (точно не помню) дым топором или коромыслом стоял. 4 мая Галя ушла в роддом и подарила мне дочку Олю, чёрную как негритянку. Если бы она (Оля) не была похода на меня лицом, как Серёжа своей окраской на мать, сомнение в некоторых моих способностях окончательно утвердились бы, и я не был бы так оптимистичен при моей довольно грустной болезни.

Пишу на коленях, так что простите за неразборчивый почерк.

Вот и все грустные новости. Выпишут меня, вероятно, не раньше чем через три недели. Диагноз у меня таков: инфильтративный туберкулёз в стадии распада. Кавзна 1,5 см х 1,5 см. Пневмасторок наложен, но нужно сделать пережигание спаек (или тканей). Всё это на левой стороне. После больницы заеду в Москву и, надеюсь, встречусь с Вами (палочек не выделяю, не бойтесь).

За зиму и начало лета написал два больших рассказа общим объёмом 4 листа. Первый для Вас не очень интересен. Второй вышлю Вам ещё до приезда, если удастся убедиться, что Вы в Москве или около. Очень много времени занимала та повесть, о которой я Вам рассказывал, и теперь я должен очень торопиться, как это ни обидно. Чёрт знает, что может случиться, а эту вещь я бы хотел дописать, иначе всё то, что мною написано, можно будет выбросить, оставив для сына и дочери по экземпляру изданных книг в доказательство, что их отец, несмотря на чукотское происхождение, знал грамоту.

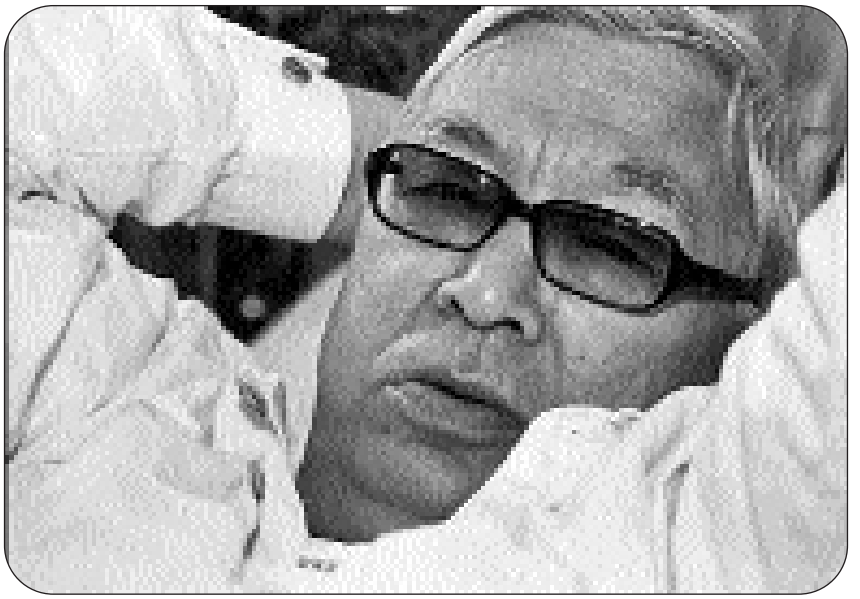
О многом хотелось бы с Вами поговорить, многое рассказать. Духом я не упал, но хотел бы сделать ещё то немногое, что не успел.

Большой привет Вашей милой жене и сыну.

Рытхэу

P.S. Если Вы забыли мой дом. адрес: Ленинград, 110, Щорса, д. 40, кв. 11.

Или ответите сразу: Ленинград, проспект Кирова, 37-а, тубдиспансер № 3, стационар, больному Рытхэу Ю.С.



РГАЛИ, ф. 2587, оп. 1, д. 636, лл. 1–14.

Публикация Вячеслава ОГРЫЗКО

Андрей ВЕТЕР-НЕФЁДОВ

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

К ВОПРОСУ О ПОРТРЕТЕ ТАШУНКЕ УИТКО

Ташунке Уитко (имя вождя северных Оглалов) переводится на русский язык как Неистовая Лошадь. О его жизни слагаются легенды, но о подлинных и неопровержимых фактах можно говорить только, если речь идёт о последних пяти-семи годах его жизни. Соплеменники называли его Странным Человеком.

«Он невысок, полученные раны сделали его лицо уродливым» («Denver Daily Tribune», 20 мая 1877 г.). Фрэнк Гроард, любимый следопыт генерала Крука, прожил среди Оглалов несколько лет и прекрасно знал Неистовую Лошадь: «Он выделялся внешностью. *У него были песочного цвета волосы* и очень лёгкое телосложение. Скулы у него высокие, как обычно у индейцев. И он был неразговорчив. Он выглядел молодо, значительно моложе своих лет. На одной стороне его лица хорошо виднелись пороховые следы». Красное Перо (Виака Лута): «Его нос был прямым и тонким. *Его волосы были очень длинные, прямые и мягкие*» (Интервью Элеоноре Хинмэн, 8 июля 1930 г.). Маленький Убийца (Чикала Кте): «Неистовая Лошадь был невысок. *Его волосы были не чёрные, а коричневые, как у белых людей*. У него был длинный прямой нос. Его глаза были чёрные, как у всех Лакотов» (Интервью Элеоноре Хинмэн, 12 июля 1930 г.). Джон Нейхардт в мае 1931 году взял интервью у Чёрного Лося (Хеха Сапа) и превратил этот большой разговор в книгу «Говорит Чёрный Лось»: «Неистовая Лошадь *никогда не танцевал, и никто не слышал, как он поёт*. Несмотря на это, все любили его, исполняли все его желания и шли туда, куда он указывал. В сравнении с другими людьми он был невысок и на вид щуплый. Лицо его было худощавым, а глаза словно пронизывали каждый предмет, на который он смотрел». Эли Рикер записал 21 августа 1907 года большое интервью с Робертом Пахом, одним из служащих агентства Красного Облака: «Мистер Пах сказал, что Неистовая Лошадь *вёл себя не так, как другие*. Например, *он никогда не раскрашивал себя*». Лютер Стоящий Медведь (в детстве его звали Ота Кте, то есть Много Выстрелов или Много Убивает) написал в своих воспоминаниях «Мой народ Сиу»: «Неистовая Лошадь был очень скромный человек и *никогда не носил нарядной одежды*. Когда он участвовал в битве, *он не носил живописный головной убор из орлиных перьев, только чучело сокола украшало его воло-*

сы с левой стороны головы».

Нет причины сомневаться в том, что в последние годы своей военной жизни Ташунке Уитко не надевал пышного головного убора из орлиных перьев, но не вижу причины, почему он, став в юные годы прославленным воином, не мог носить традиционного для всех Оглалов пышного убора из перьев. Кроме того, не надо забывать, что старейшины назначили Ташунке Уитко Носителем Рубахи – самое высокое положение воина в племени. Каждый статус имел свои регалии. Про Носителей Рубах известно только, что их облачали в специальные длинные рубахи, украшенные скальповыми прядями. Можно допустить, что им вручались также и головные уборы. Про внешний вид Носителей Рубах нет никакой информации.

Я не случайно высказываю предположение о том, что у Неистовой Лошади мог храниться головной убор с юных лет или со времён Носителя Рубахи. У Эли Рикера есть упоминание о том, что Ташунке Уитко отдал во время капитуляции свой головной убор лейтенанту Кларку. Эли Рикер, автор множества интервью со старожилами Дикого Запада, опубликованных в двухтомнике «Голоса Американского Запада» записал слова Вильяма Гарнета: «Лейтенант Кларк встретил их милях в двух от агентства. Вожди опустились на землю в ряд и сказали Кларку приблизиться и поздороваться с ними за руку... *Неистовая Лошадь вручил Кларку военный головной убор*, военную рубаху, трубку и расшитый бисером кисет с табаком и кинни-киником. Кларку объяснили, что он должен облачиться в индейскую одежду. Новые друзья помогли ему в этом. Он выглядел импозантно».

Если у Ташунке Уитко не было своего военного головного убора из перьев орла, то чей же убор он подарил лейтенанту Кларку? Скорее всего, в эту запись закралась ошибка. Газета «Chicago Tribune» от 8 мая 1877 писала, что лейтенант Кларк получил головной убор из рук Пса, а не от Неистовой Лошади: «*Пёс, выдающийся вождь, снял с себя пышный головной убор* и военную рубаху и надел их на лейтенанта Кларка, показывая тем самым, что они отныне не нужны ему». Газета «New York Herald» от 7 мая 1877 не уточняет, кто именно вручил Кларку убор из орлиных перьев: «Выкурив трубку мира, Неистовая Лошадь сел на землю и сказал: “Хочу, чтобы мы сидя пожали друг другу руки, ибо это означает, что наш мир продлится”. После этого он представил лейтенанту Кларку основных вождей и главных людей племени, чтобы они могли обменяться рукопожатиями. Военный головной убор, скальповая рубаха, пони и бизонья накидка были подарены лейтенанту Кларку как выражение наилучших пожеланий». Капитан Джон Бурк написал 6 мая 1877 в своём дневнике: «В знак добрых намерений Кларку индейцы подарили военный убор, военную рубаху, обрамлённую скальпами, бизонью шкуру и пони». Как мы видим, он тоже не уточнил, кто вручил лейтенанту Кларку свой головной убор. Пёс (Шунка Блока): «*Ташунке Уитко никогда не носил на голове военный убор из перьев*. Шаман по имени Бизонья Стружка наделил его особой силой, которая работала, если он носил на себе свисток из кости орла, одно орлиное перо и круглый камешек с отверстием посередине. Этот камень Неистовая Лошадь носил под левой рукой на длинном кожаном шнурке, надетом через плечо. Единственное его перо в волосах было взято из самой середины орлиного хвоста» (Интервью Элеоноре Хинмэн, 7 июля 1930 г.).

Шаман Оглалов Стружка-От-Рогов с детства дружил с Неистовой Лошадью. Он был старше вождя года на четыре, может, на пять. Он изготовил для Ташунке Уитко орлиный свисток и все прочие амулеты, охранявшие вождя в бою, и научил его совершать перед началом сражения необходимые магические ритуалы. Эли Рикер законспектировал разговор с Бизоньей Стружкой, состоявшийся 14 февраля 1907 года: *«У Неистовой Лошади не было военного убора из перьев. Он никогда не раскрашивал себя, как это делали многие воины*. Он рисовал только красную зигзагообразную линию, тянувшуюся со лба сбоку от носа к подбородку. Он рисовал её одним пальцем. Свою лошадь он натирал сырой землёй перед сражением... Изготовлением оберегов для Неистовой Лошади занимался Стружка. Он предсказал вождю, что тот будет убит ножом, пока его будут держать за руку. Так Стружка сказал во время интервью. Именно Стружка рекомендовал Неистовой Лошади не носить головного убора, не раскрашиваться,

рисовать только знак, означающий молнию... У Стружки хранится перо Неистовой Лошади и его магический мешочек, сделанный из кожи, в котором хранится высушенное сердце орла и какие-то клыки. Этот амулет Стружка дал Неистовой Лошади после того, как в него стрелял Нет-Воды».

Может ли то означать, что Неистовая Лошадь носил головной убор до того, как получил рекомендации от Бизоньей Стружки? Ведь Стружка не сразу стал его духовным наставником и не всегда был рядом с ним. Например, в битве в долине Маленького Большого Рога духовным наставником Неистовой Лошади был шаман по имени Ункче Ханска, хотя в эти годы Неистовая Лошадь уже пользовался амулетами, полученными от Стружки. Нет никакой информации, когда именно вождь получил обереги от своего шамана, но точно известно, что некоторые из амулетов Стружка сделал для Неистовой Лошади после того, как вождь увёз жену человека по имени Нет-Воды и тот выстрелил в Неистовую Лошадь в упор из револьвера, чтобы отомстить. Но у нас нет никакой информации, чем пользовался Неистовая Лошадь в качестве оберегов до этого случая. Бизонья Стружка рекомендовал ему не носить головного убора, но когда именно он дал эту рекомендацию? Все имеющиеся свидетельства относятся к периоду 1870-1877 гг., то есть к временам после покушения Нет-Воды. Нет ни одного рассказа о том, как одевался Ташунке Уитко, отправляясь в бой возле форта Фил-Кирни зимой 1866 года. Пёс уверяет, что «Неистовая Лошадь никогда не носил на голове убор из орлиных перьев». Остаётся поверить ему и признать, что Эли Рикер сделал ошибку, занося на бумагу слова Вильяма Гарнета о том, что Ташунке Уитко надел свой головной убор на лейтенанта Кларка во время капитуляции.

Хрестоматийным стало утверждение, что Неистовая Лошадь не носил никаких украшений и не принимал участия племенных праздниках. Головной убор из перьев

относится, конечно, к украшениям, хотя в большей степени перья указывают всё-таки на статус воина, на множество совершённых им подвигов. В последние годы Ташунке Уитко носил на голове одно орлиное перо. Наверняка у него были проколоты уши, потому что у Оглалов это принято делать в раннем детстве. В проколотых ушах он носил серьги. Мы не знаем, какие серьги: металлические кольца или костяные подвески.

Короткий Бизон: *«Он обычно носил ожерелье из раковин ирокезского производства*. Это было его единственное украшение» (Интервью Элеоноре Хинмэн 13 июля 1930 года). Об этом нашейном украшении из раковин не упоминает больше никто.

Сюзан Бордо в книге «Моими собственными глазами» рассказала: «Однажды мы со свекровью поехали в торговую лавку и повстречали там Неистовую Лошадь. Свекровь указала мне на него. Он был приятной наружности, симпатичный молодой человек лет тридцати шести или что-то около того. У него была не очень тёмная кожа, карие глаза, длинные светло-коричневые волосы. *С затылка свисали бусы до самого пояса, а косы были оплетены мехом*. Суконное одеяло прикрывало его частично, голубые ноговицы были тоже тряпичные, *а мокасины украшены бисером*. Он был среднего роста и стройный». Из этого фрагмента видно, что он вождь украшал себя бусами. Этот эпизод относится к короткому резервационному периоду, к последним дням жизни Неистовой Лошади. Что изменилось во взглядах знаменитого вождя? Откуда взялись бусы в волосах, если он никогда не носил никаких украшений? Расшитые бисером мокасины тоже указывают на желание выглядеть красиво. Осмелюсь предположить, что Ташунке Уитко добавил бисер и бусы к своим прежним нарядам просто потому, что появилась такая возможность. На северных равнинах он не мог зайти в торговую лавку. Кроме того, в условиях постоянных военных действий он считал себя обязанным отдавать всё лучшее соплеменникам. На это указывал Чёрный Лось в своих воспоминаниях: «Лично для себя он довольствовался малым, не владел табунами, как подобало вождю. Го-

ворят, когда дичи было мало и народ начинал бедствовать, он вообще ничего не ел. Странный он был человек». В резервации, где за жизнь не надо было драться и многое можно было купить в магазине, Неистовая Лошадь, судя по некоторым свидетельствам, начал вести себя не так, как прежде. Возможно, он изменил своё отношение и к одежде. Если раньше он носил только одежду из кожи, теперь стал надевать рубаху, жилетку, суконные ноговицы.

Изменилось ли его поведение, когда он сдался белым людям?

Бизонья Стружка: «Неистовая Лошадь был тихим человеком. Он ходил на советы вождей и только слушал. Его не назовёшь разговорчивым ни на совещаниях, ни в какое другое время» (Интервью Уолтеру Кэмпу, 11 июля 1910 г.). «Неистовая Лошадь молчалив, у него репутация человека, который вообще никогда не разговаривает. У него упрямое и решительное лицо, судя по нему, вождь не знает, что такое слёзы» («New York Herald», 7 мая 1877 г.) .

Как индейцы, так и белые люди запомнили его тихим. Он не кричал, не спорил, его недовольство выражалось в том, что он уходил от собеседника. Ташунке Уитко старался избегать ссор. Пёс в интервью Элеоноре Хинмэн подчеркнул: «Он был очень тихий человек, покуда дело не касалось схватки». После капитуляции он прилагал все силы, чтобы не конфликтовать ни с кем, но его провоцировали постоянно. Обстановка была создана такая, чтобы давить на Ташунке Уитко со всех сторон. Его хотели принудить к поездке в Вашингтон, где состоялось бы подписание соглашения о перемещении Оглалов и других Лакотов в новую резервацию. Неистовая Лошадь открыто выступал против перемещения племени. Военное командование наседало на него, обрабатывало его друзей и соратников. Многие из его вчерашних боевых товарищей пошли на уступки и, оправдывая себя, упрекали Ташунке Уитко в упрямстве.

Маленький Большой Человек, один из ближайших сподвижников, внезапно стал противником Неистовой Лошади. К середине августа лейтенант Кларк написал генералу Круку: «С Маленьким Большим Человеком нет проблем», хотя все офицеры ждали неприятностей именно от этого вождя. Капитан Джон Бурк сделал запись в дневнике в день капитуляции северных индейцев: «Маленький Большой Человек кажется мне хитрым дикарём. В его внешности много силы. Сдаётся мне, что это будет трудный подопечный». Маленький Большой Человек почему-то быстро пошёл на контакт с белыми людьми. «Маленький Большой Человек был известен среди офицеров как платный шпион», – написал лейтенант Генри Лемли в письме Брининстулу от 17 июня 1925 года. Ходили слухи, что белые люди обещали Маленькому Большому Человек назначить его главным вождём в резервации. Это утверждение невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Сержант Картер Джонсон из Третьей Кавалерии дал Эли Рикеру большое интервью. В том числе он сказал: «Маленький Большой Человек рассказывал индейцам, что его принуждали зарезать Неистовую Лошадь». В каком смысле принуждали? Когда принуждали? Я бы не доверял этим словам Джонсона, так как он сообщил Рикеру много неверной информации. Например, он сказал: «Один из охранников проткнул Неистовую Лошадь штыком насквозь. Тело немедленно перенесли в помещение гауптвахты. Он умер через три дня». Известно, что Ташунке Уитко скончался в тот же вечер, но Картер говорит, что «через три дня». Таких мест в его интервью предостаточно, чтобы усомниться в его словах про Маленького Большого Человека, но возможно, лейтенант Кларк и подговаривал его первым ударить Ташунке Уитко. Что бы там ни было, какие бы планы ни выстраивались, именно Маленький Большой Человек схватил Неистовую Лошадь за обе руки сзади, после чего солдат нанёс удар штыком.

Достоверно, что генерал Крук снискал себе славу тем, что воевал против индейцев, привлекая на свою сторону других индейцев. И если в начале своей карьеры на фронтире он натравливал друг на друга враждебные племена, то к 1877 году он научился сталкивать лбами соплеменников. Он и его подчинённые умело интриговали среди вождей Лакотов, суля им всевозможные блага. И вожди с готовностью брали в руки оружие, чтобы воевать против своих. Даже на территории резервации, где не было войны, противостояние внутри племени лишь усиливалось. Маленький Большой

Человек тому яркий пример.

Шаман Бизонья Стружка сказал, что зерном раздора послужила женщина, что Неистовая Лошадь якобы запретил Маленькому Большому Человеку переспать с какой-то женщиной и что их противостояние в тот день чуть ли не вылилось в драку. Никаких подробностей. Бизонья Стружка сказал только это. Что бы ни послужило причиной их ссоры, бывшие братья по оружию разошлись. Вильям Келли, рядовой Четырнадцатого пехотного полка, был свидетелем того, как Неистовая Лошадь и Маленький Большой Человек ругались прилюдно во время еженедельной распределения крупного рогатого скота. Маленький Большой Человек обратился к чиновнику через переводчика, чтобы ему отсчитали его часть бычков, а Неистовая Лошадь пусть возьмёт своих отдельно. «Ташунке Уитко, услышав это, пришёл в ярость, отказался брать свою часть стада и ускакал со своими людьми в стойбище».

Описанная ситуация слишком непонятна, чтобы как-то комментировать её. Возможно, Маленький Большой Человек хотел получить свою долю первым, а формально Неистовая Лошадь был старшим по званию (как это указывалось в официальных армейских документах), поэтому ждал, что ему предложат первым взять бычков. Но могло крыться и что-то иное за этим эпизодом. Лейтенант Кларк отправил генералу Круку отчёт: «Некоторые из наших подопечных ведут себя слишком нетерпеливо во время распределения продовольствия». Но он не упомянул ни одного имени. Впрочем, газета «Cheyenne Leader» написала, что «Неистовая Лошадь отказался взять предназначенные для его племени продукты и не брал ничего, пока распределением занимался лейтенант Джонсон».

Для меня важны здесь слова, что Ташунке Уитко «пришёл в ярость». На глазах у всех! Это означает, что он был уже не прежний Ташунке Уитко. Но, быть может, в этой сцене что-то преувеличено? Мог же вождь молча уехать с раздачи? Он мог быть раздражён и оскорблён, но это не означает, что он кричал и хватался за оружие. Никто не написал, как именно вождь «пришёл в ярость». Впрочем, вполне понятно, что к концу июня, когда имел место этот инцидент, Неистовая Лошадь начал терять самообладание. Жизнь в агентстве Красного Облака потихоньку сводила его с ума. Я могу легко допустить, что нервы Неистовой Лошади сдали именно из-за Маленького Большого Человека, про которого говорили, что его язык был ядовит. Известен случай, когда оскорблённая им девушка бросила ему в лицо две горсти песка во время многолюдного праздника. Маленький Большой Человек мог вывести из равновесия кого угодно. Мог потерять самообладание и Неистовая Лошадь. Но не стоит забывать, что обычно он держал себя в руках. Когда в резервации два соплеменника пытались спровоцировать его на драку и застрелили его коня, он не ответил им, ушёл, потому что обещал, что после капитуляции никогда не возьмёт в руки оружия. Нелегко было ему держать своё слово, но он держал его.

В книге «На границе с Круком» Джон Бурк, не раз наблюдавший за вождём в резервации, написал про него: *«Его лицо выражало достоинство, но одновременно было угрюмым, тусклым, меланхоличным. Он держался флегматично, как человек, понявший, что надо отдаться судьбе, но предпочитал сделать это, замкнувшись в себе. Индейцы отзывались о нём только с глубоким уважением»*.

К сожалению, не существует ни одной фотографии Ташунке Уитко. Он якобы боялся магической силы фотоаппарата. Его биографы пишут, что вождь верил в то, что фотография крадёт душу человека, но я не нашёл ни одного воспоминания, где были бы приведены эти слова Неистовой Лошади. Косвенным свидетельством того, что Неистовая Лошадь не позволял фотографировать себя, можно считать письмо (15 апреля 1926 г.) доктора Макджилликади, адресованное Вильяму Гарнету, где он пишет: «До меня дошли слухи, что кто-то клянётся, что имеет его фотоснимок. Я с трудом верю в это, потому что помню, что сам тщетно пытался снять его в 1877 году». Нам остаётся лишь фантазировать, включить своё воображение, чтобы мысленно нарисовать портрет Неистовой Лошади, исходя из описаний мемуаристов.

Люси Ли, жена лейтенанта Джесси Ли, оставила нам свои размышления о Неистовой Лошади. Она боялась его, считала опасным дикарём, но после его гибели сумела объективно взглянуть на

Странного Человека Оглалов: «Нет сомнений, он был очень плохим человеком и совершил много ужасного, но надо сказать кое-что в его защиту. Он чувствовал, что белые люди жестоко обращались с ним и его народом, отбирая их страну и ничего не давая взамен. Он стремился избавить свой народ от этого рабства. В конце концов, его, "дикого северного индейца", заманили предложениями и обещаниями мира и безопасности в агентство, чтобы жить там непонятной и чуждой для него жизнью. Много обещаний и гарантий было дано ему. После долгих лет диких скитаний ему показалось, что его лишили свободы. И вот, вместо того, чтобы оставить его в покое и позволить ему начать новую жизнь, *его утром, днём и ночью донимали бесконечными разговорами, пока его разум не пришёл в окончательное смятение, лишив его сна. Он сказал Крапчатому Хвосту, что вот уже двадцать семь ночей он не мог ни отдохнуть, ни уснуть.*

Все его требования и просьбы удовлетворялись, но он принял доброту, адресованную ему, за страх перед ним, и он чересчур возомнил о себе. Он разозлился, когда ему не позволили отправиться на бизонью охоту, которую, кстати, не отменили, а лишь отодвинули на более позднее время. Затем его заставляли ехать в Вашингтон, чтобы встретиться с Великим Отцом, но он заявил, что ему "дела нет до Великого Отца и что он должен остаться со своим народом и заботиться обо всех". Он подозревал каждого. Его настораживало любое слово, любой поступок. Все считали, что его поездка в Вашингтон принесёт пользу и ускорит его вливание в цивилизацию, поэтому все сильно настаивали, но это возымело обратный эффект: он решил, что кто-то задумал выманить его из племени, чтобы не позволить ему вернуться. Поэтому он отказался от поездки.

Убийство Неистовой Лошади (рисунок Быка-С-Плохим-Сердцем)

Затем началась война с Проткнутыми Носами. Власти обратились к индейцам с просьбой присоединиться к армии и отправиться на войну. Это взбудоражило всех в резервации. Неистовая Лошадь сказал: "Когда генерал Крук позвал нас в агентство, он обещал, что с нами будут хорошо обращаться и что мы будем жить в мире. Мы поверили ему и пришли сюда, открыв наши сердца для всех. Но теперь нас просят вновь покрыть наши лица кровью и отправиться на тропу войны. В то же самое время нас приглашают в Вашингтон с миссией мира".

Он не понимал, как такое возможно. *Он разозлился и совершил много необдуманных поступков.* И внезапно все, чьи планы он опрокинул, ополчились против него. Пока они думали, что он будет выполнять их указания, они считали его хорошим, но теперь они решили, что в нём не было ничего хорошего и что он был слишком опасен, оставаясь на свободе. В срочном порядке были приняты меры, чтобы окружить его общину и арестовать его...»

5 сентября 1877 года Неистовую Лошадь попытались арестовать, привезли в форт Робинсон и привели на гауптвахту. Поняв, куда он попал, он оказал сопротивление. Маленький Большой Человек обхватил его сзади, солдат ударил штыком. На следующий день бездыханное тело было отдано родителям вождя. Никто не знает, где они похоронили его. Никто не знает, сколько лет было Неистовой Лошади: не то тридцать пять, не то сорок. В музеях нет его вещей, нет его фотографии. В сегодняшнем форте-музее Робинсон установлена металлическая пластина: «Здесь был убит Неистовая Лошадь». Но вполне возможно, что она поставлена не на том месте, так как форт Робинсон перестраивался много раз, и сегодняшние бревенчатые строения, воспроизводящие для туристов «лицо» давнего времени, могли быть возведены не на прежних своих местах.

Неистовая Лошадь ушёл, не оставив следов. Только миф есть у людей. Быть может, так и надо?

ЗАГОВОР СВОЯКОВ

Казнь в Преображенском Ивана Цыклера и его сообщников разрушает «гипотезу» о заграничной «подмене» царя Петра

В истории России бывает так: мало кому известный своими доблестями штаб-офицерский чин вдруг оказывается в самом центре событий. Нечто подобное случилось и со стрелецким полуполковником и думным дворянином Иваном Елисеевичем Цыклером. Но организованный им заговор, имевший целью убийство царя-реформатора, так и остался недоисследованным в обширной литературе, посвящённой переломной петровской эпохе. Мимолётом говорится об этом в романе Алексея Толстого «Пётр Первый» и совсем незначительно – у Александра Пушкина, который, как известно, тоже занимался изучением темы.

Впрочем, для детального её рассмотрения у «солнца русской поэзии» имелось немало оснований. Публично обезглавленный стольник Фёдор Пушкин и его отец Матвей Степанович, отправленный в сибирскую ссылку в Енисейск, пустили свои побеги в генеалогическом древе русского национального гения, хотя Александр Сергеевич появился на свет уже почти через сто лет после смерти этого опального предка.

На фоне масштабного восстания стрельцов, волна которого чуть ли не стала девятым валом русской смуты, бунтовщики из ближайшего окружения царя кажутся мелкими интриганами: они лишь тайно провозгласили свои намерения, а реализовать их так и не смогли.

Но если стрельцы пошли за царевной Софьей, поскольку считали свои интересы ущемлёнными, то заговор Цыклера, участники которого намеревались «изрезать в пять ножей» молодого государя, – это не только борьба за власть. В нём кроется ещё и затаённая в глубине народного сознания реакция на всё возрастающую роль иноземцев в родном государстве.

По иронии судьбы заговор возглавил обрусевший немец, чтобы выступить против тех, кто всё увереннее чувствовал себя не только в отдельно взятом Кокуе (Немецкой слободе), но уже и во всей Московии.

И хотя чистоту помыслов бунтовщиков можно брать под сомнение, незыблемость в отстаивании вековых традиций, пожалуй, роднит их с теми, кто стал жертвой церковного раскола, выбрав судьбу изгоев и для себя, и для родных.

Два нестибаемых перста боярыни Морозовой

Знаменитая Фёдора Морозова (в некоторых источниках – Феодосья), столь мастерски запечатлённая в убегающих розвальнях Василием Суриковым, приходилась родной сестрой одному из ярых зачинщиков – Алексею Соковнину. Получалась удивительная семейственность: в свою очередь Фёдор Пушкин являлся зятем Соковнина и одновременно свояком Ивана Цыклера, женатого на двоюродной сестре Фёдора Матвеевича.

Естественно, что всей этой троице, приближённой к царскому двору, доводилось собираться вместе, в узком кругу. Тут и сомне-

Художник Юрий КУШЕВСКИЙ, «Спуск галеры «Принципум» на Воронежской верфи 3 апреля 1896 года»

ваться нечего: в центре их обсуждений были бурные начинания Петра Алексеевича, и всё сильнее говорила национальная обида. Она регулярно будет заявлять о себе во время правления царя, решившегося перешить привычное русское платье по чужой выкройке.

К примеру, окольничий Алексей Соковнин в числе нескольких десятков добрых молодцев был вынужден послать за границу на обучение наукам двух сыновей. Получается, русскому человеку надобно у немцев уму-разуму учиться, а свой на что?

Немецкая слобода, куда больше по утехам любовным, чем по делам государственным заглядывал Пётр Алексеевич, становилась ненавистным символом всего чужого, что бесцеремонно вторгалось в размеренный патриархальный уклад. А в связи с этим и несгибаемые два перста, бросаемые в толпу боярыней Морозовой, выступали как знак непокорённости, несломленности русского человека. Собственно, и вторая сестра Соковнина – княгиня Авдотья Урусова, также не захотела принять церковные реформы, предложенные патриархом Никоном. Две раскольницы в одной семье – это уже что-то...

Кажется, всё способствовало тому, чтобы Алексей Соковнин выступил с протестом, не исключавшим убийство самого царя. Из трёх фигур заговорщиков для реализации этой задачи более всего подходил Иван Цыклер, полуполковник стрелецкого Стремянного (конного) полка, однажды уже сыгравший роковую роль в неудачной для регентши Софьи попытке дворцового переворота.

«Деятельное орудие Софьи» отказало

В биографическом словаре Борокгауза и Ефрона заговорщик Иван Цыклер, сын полковника из «кормовых иноземцев», рисуется как некий авантюрист, готовый ради собственного успеха идти по головам. Этот расхожий образ подтверждается последующими действиями полуполковника. Уже с 1682 года Цыклер делается наперсником Фёдора Шакловитого, «собеседником» Ивана Милославского и «деятельным орудием Софьи», которая безгранично доверяла ему как «самому ревностному приверженцу». Но Иван Елисеевич ловко успел сориентироваться и вовремя переметнулся в противоположный лагерь – к Петру. Во многом именно его поведение стало решающим в разгроме восстания стрельцов.

Цыклер с повинной головой явился к царю, что дало возможность подняться на высокую сословную ступеньку думного дворянина. Правда, он рассчитывал и на более заметное продвижение по службе, но Пётр всегда с недоверием относился к перебежчикам. Через десять лет Цыклер – воевода на Урале (Верхотурье), а чуть позже «назначен к строению крепостей на Азовском море». В принципе, это можно было расценивать как почётную ссылку, и ясно, что стрелецкий военачальник этим не успокоился. Пользуясь связями в Стремянном полку, он их употребил в полном для себя объёме. Действовал при этом крайне осторожно, играя на недовольстве преобразованиями Петра.

Сам же царь в 1697 году собирался «за море», первое заграничное путешествие, и Цыклер умело обрабатывал стрельцов:

– В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море...

Удачно вставленные предположения, что Пётр ещё и казну берёт с собой, срабатывали неотразимо: стало быть, и жалованья служивым не видать...

Как человек, уже дважды игравший в заговор, Цыклер блефовал. Вот, к примеру, не зря же он ездил на Азов, не случайно был под Таганрогом: всё к тому, чтобы скло-

нить на свою сторону казаков. Когда поддержит Дон, возьмутся за оружие стрельцы, тогда и с иноземцами можно разом покончить...

Посвятив в заговор несколько человек из числа обер-офицерских чинов Стремянного полка, Цыклер, Соковнин и Пушкин решились на крайние меры. Пётр Алексеевич любил присутствовать на пожарах, он мгновенно приезжал смотреть на зрелище, которое, возможно, и впрямь снимало груз проблем. Если не вдаваться в психологические тонкости его натуры, это можно расценивать и как некую «огненную» рекреацию склонного к эпилепсии 25-летнего государя.

Заговорщики-свояки намеревались поджечь 24 февраля один из московских домов, только накануне вдруг случилось непредвиденное. На пиру у Франца Лефорта было, как всегда, весело, всё в полном соответствии с мемуарами князя Бориса Куракина, очевидца подобного празднества, или Всепьянейшего собора:

«Тут началось дебошество, пьянство такое великое, что невозможно описать, что по три дня, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умирать».

(Источник – энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, составу редакционного совета могут позавидовать нынешние либералы: исторических передержек в издании хватает, но не настолько, чтобы в гипертрофированном виде представить «гениальнейшего из русских царей»).

Итак, два офицера, Ларион Елизарьев и Григорий Силин, спьяну проговорились, выдали Цыклера и его сообщников и тем самым развязали руки царю, который, как уверяют ангажированные историки, «немедленно явился на собрание заговорщиков», что мало соответствует истине.

Как и в случае с царевной Софьей и Шакловитым, Иван Елисеевич сокровенную тайну долго не хранил: под пытками держался недолго, тут же выдав своих товарищей, прежде всего «Алёшку Соковнина и Федьку Пушкина».

Перед готовящимся Великим посольством, куда Пётр намеревался отправиться инкогнито, всего лишь как Пётр Михайлов, раскрытый заговор среди единомышленников и следствие по нему были настоящим ударом:

«Пётр во время суда заболел горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением для испрошения им помилования. Но Пётр был непреклонен». (Александр Пушкин, «История Петра»).

Приказ тайных дел трудился на славу, засучив рукава и выбивая дальнейшие показания из Цыклера. И тогда Иван Елисеевич оговорил уже не только царевну Софью, но даже и покойника Ивана Милославского. В принципе, несчастный выкладывал, как на духу, то, что от него хотели бы услышать, а на дыбе и не такое скажешь...

«Царь-то – не настоящий!»

Было от чего заболеть царю Петру. Оказывается, у него под носом вновь зрел крупный заговор, преступники собирались его убить, а ненавистную сестрицу – в очередной раз возвести на русский престол.

Казнь решено было обставить с такой помпой и «экстравагантностью», каких православная Русь ещё не знала.

Царь приказал вскрыть склеп князей Милославских, родовую усыпальницу, находящуюся в Донском монастыре. Если бы Пётр жил среди нас, на него бы прокуроры тут же завели дело – за оскорбление чувств верующих, и даже самые лучшие адвокаты вряд ли бы что смогли. Другое дело, что «карающий меч», беспощадный по отношению к самым злостным «государевым» преступни-

кам, сейчас в России не в чести: воруй – не хочу…

По указанию государя гроб с телом покойного, почившего, кстати, двенадцать лет назад до раскрытого заговора, извлекли и погрузили в сани, запряжённые двенадцатью откормленными свиньями. Хрюкая и повизгивая по пути следования в Преображенское, погоняемые людьми, хавроньи двинулись к месту публичного отсечения голов, рук и ног. Соковнину и Цыклеру предназначалось четвертование, а Пушкину – обезглавливание.

Этот символический санный поезд наводил ужас на всю Москву. Православные содрогнулись от такого кощунства и глумления над прахом умерших. Точно «бесы» вышли гулять по привольным просторам государства, оскверняя святыни, насмехаясь над верой…

Когда гроб приоткрыли и полуистлевшие останки поставили на эшафот, кровь казнённых полилась ручьями на прах Милославского. Говорят, на лице Петра была искривлённая гримаса. Смеялся ли он, плакал ли?

Россию действительно очень круто поднимали на дыбы, она стояла ошарашенная, пребывая в раздумьях: кто же находится на троне – помазанник Божий или Антихрист? Но у того же простолюдина, по-прежнему срывавшего с себя шапку и склонявшегося ниц при появлении государя, и в мыслях не было закричать во всю Ивановскую: «Царь-то – не настоящий!»

Даже тогда, когда Россия уже превратилась в огромную империю, никому из учёных мужей не приходило в голову усомниться в подлинности Петра Алексеевича Романова. Максимум, что смог магистр истории Георгий Вернадский в 1917 году, – это причислить царя вместе с Лефортом к иезуитскому ордену тамплиеров, правда, уже прекратившему своё существование к моменту приезда государя в Голландию.

Видимо, надо было так

«раскрепостить» сознание постсоветского человека, чтобы бредовые идеи очередного «мессии» (Николай Левашов) предстали в качестве «визуализации» в нескольких документальных фильмах о «подмене» Петра Михайлова во время его полуторагодичного путешествия за кордон (режиссёры Александр Атакин, Александр Галин).

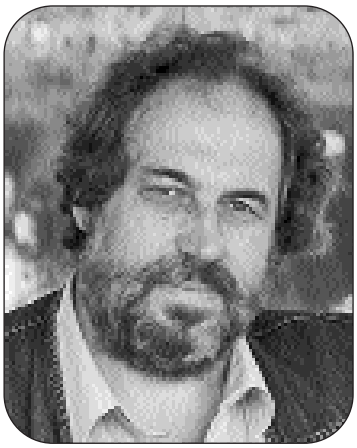
Зачем бы «англичанке», как исстари звали у нас «владычицу морей», злейшего своего врага, потребовалась столь сомнительная авантюра, чреватая быстрым разоблачением, если всё шло во время неофициального визита, как должно? Английский король Вильгельм Оранский никаких секретов от московского «коллеги» не держал и широко распахивал перед ним окно в просвещённую Европу: смотри, «герр Питер», учись. К чему скрывать? Всё, что русские пожелают на Западе перенять, пойдёт только во вред их варварской стране (Борис Холкин, «Августейший посол»).

Никакой подмены высокого гостя из Московии и быть не могло: из «загранки» вернулся всё тот же человек, готовый к дальнейшим решительным действиям по насильственному внедрению западного артикула как нормы жизни абсолютно для всех – от боярина до крепостного. Да, будущий император любил Россию, но, по справедливому замечанию историка Николая Данилевского, рассматривал её лишь как «орудие своей воли и своих планов».

А был ли вообще «правильный» царь до назначения им Великого посольства в 1697 году и заточения в монастырь законной супруги – царицы Евдокии Фёдоровны? Само поведение Петра при организации «экзотической» казни в Преображенском – прямое доказательство, что секретная операция по замене русского монарха ни в Англии, ни в Голландии, ни в Германии, ни в Речи Посполитой была просто не нужна.

Николай ЮРЛОВ

г. КРАСНОЯРСК



Николай ТОЛСТИКОВ

Алексей Рыжиков, военный пенсионер, приехал в родной городишко «домовничать». Старенький отец надолго залёг в больницу и попросил сына присмотреть за домом. Вот и обосновался Алексей в родовой избе-пятистенке в уцелевшей деревеньке из тройки домов за городской чертой.

Прежде, когда он изредка приезжал в Городок, и жаждав неторопливого общения, проходил по его улочкам, старые знакомцы от него от него отмахивались, пробегали мимо. Все были при деле. Даже алкаши записные, тюремщики – на теле живого места от наколок нет, и те по скорому «залудив» по стакану и не вступая в разглагольствования, мчались кто куда. Одни – в лес на делянку, другие – на пилораму брёвна закатывать. Время – деньги.

Уж если только с самыми последними «опойками» приходилось Алексею компанию составлять.

Но вот грянул вдруг мировой кризис, и стоило теперь Алексею лишь показаться в Городке, как тут же его встречала целая орава мужиков, желающих набиться в собутыльники. Бабёнки-то, цепляясь за бюджетные должности, получали какие-то копейки и старались худо-бедно содержать семью. А мужики, когда выпазганный ими на многих гектарах окрест лес и стрелеванный в бесчисленные штабеля, стал никому не нужен ни в столице, ни за бугром, растерялись и раскисли, пошли горе своё заливать. А «горловина» эта такая, что скоро портки последние с себя спустишь, а «нутро» всё ноет и требует.

Мужики к старушкам наведываться: дров напилить и наколоть, забор подправить или крышу дома починить. Мало ли дел в хозяйстве найдётся? Главное, чтобы старушонка рассчитаться могла, она же пенсионерка и у неё денежки есть. Но и бабули скоро ушлые сделались: запрутся на все запоры и нос наружу ни за что не высунут. Знают они горе-работничков: вроде что-то делают, а сами зыркают по сторонам чего бы спереть да и продать потом в соседнем же доме.

За Алексеем открылась настоящая охота: он – военный пенсионер, не то что какая-нибудь тебе старуха. Богач! Раньше ему просто покалякать было не с кем, а теперь дай бы Бог благополучно прошмыгнуть мимо этого желающих и жаждущих!

Но двое, Алька Лохов да Вовик Безруков, пристанут, как листья банные. Они тоже в Городке без дела болтаются. Алька, ровесник Алексею, в самом начале лесного «бума» влип с возом ворованного леса, схлопотал срок, правда, небольшой. Хотя его вполне хватило для того, чтобы Алька «завязал» воровать по-крупному. Для

собственного прокорма он промышлял теперь по мелочёвке, под покровом ночи шарился по подворьям и тянул, что плохо лежит и не приколочено. Ясным днём он всучивал свою «добычу» где-нибудь на другом краю Городка за бутылку «палёной» водки и краюху хлеба. После неудачных выходов на «промысел» Алька, как утверждали злые языки, не брезговал и перекусить собачатиной: то там, то тут бесследно пропадали добродушные упитанные псины.

Другой кто давно бы от такой житухи коньки отбросил, а Альке хоть бы что! К нему, приветливому и словоохотливому, ещё и бабёнки-алкашки липли. Когда-то у Альки была своя семья, дети, но от мужика-гулевана все сбежали, и обитал теперь Алька один, но временами – и с сожительницами, в полуразвалившемся родительском доме с дырявой крышей.

А над Вовиком Безруковым не зря подсмеивались: маленькая собачка и до старости – щенок! Дело – к «полтиннику», а он всё как пацанчик, шкет шкетом: ростиком – метр с кепкой, косточки щуплого тельца только что не просвечивают на солнышке. Вдобавок – у него наивные глаза навыкат, и дураковатая улыбочка всегда сияет на рожице. К учению или к какому серьёзному ремеслу Вовик оказался с малолетства не способен, от юности до «пустозрелости» перебивался кое-какими работками – бери меньше кидай ближе. Благо подкармливали его мамаша и отец-инвалид. Девки на Вовика – нуль внимания, остался он старым холостяжкой. Потом ещё и в тюрягу загремел. Выпивал как-то в компании с такими же, как сам, шаромыжниками, и стакан с «паленкой», видать, не поделили, повздорили. Вовкин оппонент, едва живой с перепоя, сам споткнулся и упал, а Вовик решил закрепить неожиданную свою победу: распластанному на земле верзиле влепил в бок пинок. У верзилы во внутренностях лопнула и пошла кровью застарелая болячка, через несколько часов бедняга отдал концы...

Вовик «отсидел» своё и, вернувшись домой, отпустил длинную , с проседью, бороду: вроде б как «закосил» под монашка. Но ни в церкви, ни около неё Вовика никто не видел, тёрся он больше на автовокзале. Облачённый в затрапезную одёжку явно с чужого плеча, нацепив на нос очочки с растресканными стёклами, Вовик восседал на лавке у входа и, раскрыв какую-то затрёпанную книгу, бубнил невнятно, размеренно-неторопливо крестясь. Кто-то из сердобольных путешественников ссужал его рублишком-другим, и довольный Вовик бежал в соседнюю домушку аптеки за склянкой «брынцаловки», именуемой так местным народом настойки боярышника. «Поднабравшись», он заползал в привокзальные кусты подремать. После блаженного сна он опять вылезал в людскую толчею, и, если не подавали чужие, то начинал приставать с просьбишками к местным прохожим, впрочем получая тут чаще вместо денежки по уху.

Позднее Вовик повысил «квалификацию»: переместился на микробазарчик в центре Городка убирать после торгашей остатки испортившегося товара. Перепадало ему и полакомится вкуснятинкой, а то и нажраться от пуза; днём было время и на «брынцаловку» копеек настрелять у тех же торговцев и покупателей.

Вот они, Алька с Вовчиком, и составили Алексею в этот раз компанию. Знали, чем его пронять, как и любого человека – залебезили перед ним оба, с заискивающими нотками в голосе назвали по имени-отчеству.

Он и «повёлся», поглядывая свысока, поделился со школьными однокашниками сигаретами, присел на лавочку с ними на минутку покурить, прихвастывая, поотвечал на участливые их вопросы о житье-бытье и не заметил, как разговор свернулся на «пол-литра» Слабо, что ли, неимущих угостить, самолюбие себе же потешить?

А там, дальше, понеслось всё кувырком! Ушлые друзья-приятели мигом «просекли», что в кошельке у Алексея имеется, пусть и скромная, но наличность, и теперь не собирались с ним расставаться.

Гулянка плавно переместилась из парка под дырявую крышу Алькиного дома.

Дом – наподобие постоялого двора, забегаловки: одни людишки приходят, пьют-гуляют, валяются и потом кое-как прочь уползают, а на смену им уж другие прутся. Хозяин Алька только рад тому, кто на огонёк с дармовой «палёнкой» наве-

дается. В доме – голо, шаром покати: на просторной кухне под тусклой лампочкой возле столе громоздятся грубо сколоченные лавки, в полумраке горницы угадываются очертания кроватей с голыми панцырными сетками с кучами тряпья, наваленного на них. Здесь и днём темно: видать, кто-то буйный высадил в окнах стёкла, и они были наспех залатаны листами фанеры.

Алексей с новыми приятелями «попал в круг»: для него день перемешался с ночью, в пьяном забытьи проплывали перед ним какие-то рожи. Выпивох оказалось в Городке не так уж и мало, Алик с Вовиком – только верхушка «айсберга». Кого-то Алексей помнил ещё с детских лет, росли вместе, в одну школу бегали, и им он радовался больше. Незнакомцы, выслушивая его болтовню о зигзагах военной карьеры, хмуро и недоверчиво хмыкали; одноклассники же рассказам внимали, раскрывши рты, хлопали Алексея по плечу, лезли пить на брудершафт: « Вот он наш герой!».

Язык у Алексея деревенел, славный воин засыпал, уткнувшись лицом в столешницу, чтобы вскоре опять быть растолканным очередным захожаем. Алексей договорился уж до того, что он – без пяти минут генерал авиации и геройскую «звезду» только из-за происков злопыхателей не получил...

Очередной раз очнулся он – его трясли, умоляли, требовали. Наступил «кризис» наличности в кошельке – на самую захудалую, воняющую ацетоном, бутылку «палёнки» было не наскрести. Алексей пошарился в карманах – тоже пусто.

Кто заикнулся об этом первым? Наверное, Алька.

– Лёха! – теперь к Алексею заискивающе по имени-отчеству никто не обращался. – У тебя в доме иконы от стариков остались, без толку висят. Давай «толкнём» пока хотя бы одну! Вон, Вовка её «чуркам» своим на базар сволокет и хорошо «загонит»!

Вовик головёнкой радостно закивал: всегда готов!

В сумерках, пьяно гомоня и поддерживая под локти друг дружку, они поплелись к Алехиному дому. Редкие встречные прохожие брезгливо и испуганно шарахались от разудалой компашки, перебегали на другую сторону улицы. Кончилась нечастая череда святящих себе под нос уличных фонарей; на окраине Городка – темень ткни глаз, возле родительского дома Алексея гуляки притихли. Проглянула ненадолго ущербная луна в разрыве облаков, и Алексей, наконец, попал ключом в замочную скважину. Руки тряслись, едва ключ не обронил. Алька с Вовиком притулились на брёвнышке под забором, вроде б как «на стрёме» остались стоять.

Алексей, не включая свет, прокрался в темноте из сеней в горницу. С улицы в окна проникал бледный лунный свет, и в углах пугающе шевелились какие-то тени. «Откуда они и взялись? – у Алексея взахлёб колотилось сердце. – Как вор я...».

Боясь оглянуться, он на цыпочках прокрался к божнице в «красном» углу и, нащупав за занавеской на киоте доску иконы, резко её сдёрнул и, прижав к груди, опрометью вылетел из избы.

– Мужики, а может не надо продавать? – нерешительно пролепетал он на улице.

– Давай, Лёха, не скупердяйничай! – Алька ловко выхватил из его рук икону и передал Вовику.

Тот, шкет, где ветром мотает, а тут рванул на желтеющие в Городке огоньки фонарей – только его и видели. Следом – Алька. Алексею оставалось покорно ковылять за ними по лужам.

«А что? – пытался оправдаться он. – Они и так бы в дом залезли и украли, стоило бы мне только уехать. Не они – так другие. А тут всё же даром не пропадёт...»

От последних словечек, провернувшихся в мыслях, Алексея покоробило, стало противно и тоскливо на душе...

Впрочем, свежая «лошадиная» доза пойла угрызения совести скоро заглушила.

Опять в Алькином вертепе пошёл-поехал шум, гам, тарарам!

Не только мужички заскакивали на «огонёк», забредали и бабёнки. Алексей уж на что пьян не бывал, но сторонился их, неряшливо одетых, с опухшими лицами, противными визгливыми голосами. Бабёнки всё равно нагло норовили залезть к нему на колени, тыкались ему в щёки слюнявыми губами и, грубо стряхнутые с коленей, пускали похабные шуточки и сами же, довольные, хихикали над ними.

Надьку, сестру Альки, свою ровесницу, Алексей бы и не узнал, если бы её брат не окликнул... Ввалились две доходяги-бабёнки с одинаково оплывшими, с землистой кожей рожами, одетые в одинакового фасона трунье: драные грязные джинсы, затасканные пиджаки явно с мужского плеча. Кое-как подстриженные волосы разлохмачены во все стороны, только что сенной трухи в них не хватает. У бабёнок – последняя стадия, сразу видно, дальше их ждёт гибель под забором или возле баков помойки.

Одна из доходяжек, пытаясь распялить в улыбке постарушечьи беззубый рот, подсела к Алексею и тут же сгребла со стола его стакан и выхлебала остатки «палёнки».

– Надька, хорош борзеть! – угрозливо прикрикнул на неё Алька.

Дама резко обернулась к нему, злобно заблестевшие глаза её сузились в щёлки. Ещё бы немного, и она вцепилась бы в хозяина вертепа разъярённой кошкой.

Но Алька вовремя переключил её внимание на гостя:

– Помнишь его? Это Леха Рыжиков!

– Лёшка?! Ты?! – Надька, восторженно взвизгнув, немедленно обслюнявила Алексею щёки и пристроилась, елозя тощим задом, на его колени.

Грубо стряхнуть её, как других, с коленок Алексей не посмел. Надьку ещё в детстве Алёшка побаивался. Завидев её, идущую по улочке навстречу, норовил поскорей свернуть в проулок, а то и сунуться напропалую в какой-нибудь двор. Потому как Надька с пацанок – язва хорошая, язычком подцепит – сходу в краску вгонит. Все Алёшкины изъяны наружу вывернет, в особенности при девчонках. Знает, что в ответ оплеуху Алёшка не даст и не нагрубит: нет, не слабак он, а просто девок боится. А Надька и рада-радёшенька...

Приехала к соседям юная гостья из большого города, поглянулась Алёшке; тот не знает, как и к ней подступиться. Решился-таки однажды, заговорил с девчонкой, а Надька тут как тут! Идёт мимо и, прищуривая глаз, кричит Алёшке:

– Эй, «чмо» болотное, пойдём любовью заниматься!

Где и слова такие услышала, ведь по «телику» в ту пору о том молчали?!

Приезжая девчонка покосилась на Лёшку, хмыкнула и домой юркнула. Что за кавалер, коли ответить не может, стоит и пышкается, рот распялив.

Надька вымахала в рослую крепкозадую бабёнку: в редкие приезды Алексея в родной городишко иногда встречалась ему, с ехидцей улыбаясь белозубо. И Алексей, как в подростках, старался прошмыгнуть поскорее мимо...

Алька, неистощимый пустобрёх и балагур, ещё вчера пригорюнивался над стаканом «палёной» водки, вспоминая, что сеструху, сгинувшую в одночасье из-за этой самой заразы, недавно схоронил. А сейчас Надька, вроде бы и живая, сидела на коленках у Алексея. Склонилась к уху и зашептала горячо:

– Уйдём отсюда! Ну и всех, пропадёшь с ними ни за грош!

И дряблые свои титешки в Алёхины ладони вжала.

В ночной тишине они брели, обнявшись, по улочке наугад.

– И не вздумай возвращаться к ним! – запальчиво бормотала Надька. – У меня, вон, мужик – красавец был, спился с концами! Теперь дочка – прости господи, сынок в тюряге сидит. И сама я – кто бы пригрел! А всё прежде над людьми смеялась-лыбилась!.. И тебя, бывало, задевала. Прости, нравился ты мне, пусть и «тёпленький» был...

У Алексея отяжелела голова, ноги подгибались в коленях. Надькин торопливый говорок становился всё глуше и глуше, а потом отдалился и вовсе...

Алексей очнулся, когда уже брезжил робкий серенький рассвет. Кто-то настойчиво тормошил его, лежащего на холодной земле, за плечо. Алексей приоткрыл глаза и обмер: над ним склонился священник. Кое-как поднявшись, Алексей испуганно-недоуменно заозирался по сторонам: церковный погост, низкие, заросшие травой, холмики в оградках, храм с открытыми вратами.

У священника были добрые, с участливо-тревожным выражением глаза, рыжеватая бородка пушилась с круглых щёк. Оглянувшись на Алексея ещё раз, он, перекрестясь, шагнул в проём церковных врат. Алексей, превозмогая в себе страх и озноб, переступил порог следом.

г. ВОЛОГДА

СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ПОЛОВОЙ АКТ

Лишность целомудрия ввела
сию ненужную вежливость,
а лицемерие подтвердило оное,
что заставляет говорить околично о том,
которое все знают и которое у всех есть.

Иван Барков

Я женщина больше, чем книга.

Вера Павлова

Что за дикий взгляд, что за ракурс такой? Как можно явление высокой духовности рассматривать со столь низкой точки зрения!? Вот на какие вопросы придётся мне, грешному, отвечать на суровом читательском суде.

Первое, что приходит в голову к оправданию своему, это напомнить понимание предмета классиками. Гумилёв одну из статей назвал «Анатомия стихотворения», а в другой утверждал, что *стихотворение должно являться слепком прекрасного человеческого тела, этой высшей ступени представляемого совершенства...* («Жизнь стиха»). Привлекаемый как мера всех вещей человек наводит на мысль, что и поэзия не должна быть бесполой. Между тем таковая в культурном обиходе имеет место, и немалое. На такие стихи сразу натыкаешься, например, в Интернете:

Мы с тобой научились молчать
Не скрывая печаль за словами
Научились любить и прощать...
Эту даль, что легла между нами.

Ты грустишь обо мне...
Ночью звёздной не спишь
Я грущу о тебе...
Почему ты молчишь...?

Далее следует ещё столько же строк того же содержания. Расстановка знаков препинания необъяснима, но это пустяк. А вот попробуйте различить пол автора – кто сказался, мужчина или женщина? Отмахнётесь: мол, да важно ли это? И в данном случае будете правы: на таком художественном уровне имя автора и знать неинтересно. С другой стороны вопрос: а, может быть, потому и уровень такой, что человека не видно? Не потому ли и не видно, что нет его первого признака – полового?

Почему-то именно на эту сторону человеческого жизнетворчества обращал особое внимание В. В. Розанов: *В поле – сила, пол есть сила.* Возвращаясь к теме, философ повторял:

Пол есть гора светов: гора высокая-высокая, откуда исходят светы, лучи его, и распространяются на всю землю, всю её облекая новым, благороднейшим смыслом.

Верьте этой горе.

На этом же Розанов настаивал и другими словами:

Без телесной приятности нет и духовной дружбы. Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела.

Так вот чего недостаёт нашим бесполым сочинениям – запаха тела!

И кто же всё-таки автор

вышеприведённых стихов – Он или Она? Думаю, что например, Юрий Кузнецов уверенно ответил бы: Она! Догадка моя основана на словах самого поэта, приводимых главным редактором «Литературной России» В.Огрызко:

Я вообще настроен довольно-таки категорично по отношению к женской поэзии. Считаю, что женщины не могут в искусстве создать ни одного великого произведения. По крайней мере, за всю историю человечества им это не удалось.

Спасибо взыскательному Кузнецову уже за то, что в области творчества им не упущен половой аспект. Хотя тут сказанное всерьёз исчерпывается давней шуткой Николая Глазкова:

Могу от женщин одуреть я
И позабросить все дела,
А женщина за все столетья
Ничего не изобрела.

Всему виной
один мужчина,
Всё делал он, а не она,
И даже швейная машина
Не ею изобретена.

Спорить ли с подобными утверждениями? Называть ли великие имена Сафо, Эмили Дикинсон, Марины Цветаевой? Увы, пустое дело, напрасно для тех, кто в созданном женщиной не ищет – женщину. А там, по слову Софии Парнок –

...Светят такие
лампады,
Которых и дьяволу даже
В червонцы
не перетопить.

Мудрые китайцы издревле во всём различали «Инь» (женское начало) и «Ян» (мужское). Полной гармонии мир не имел ни в том, ни в этом начале, а лишь – в их слиянии. Поэтому для объективного суждения об одной стороне не следует искать «Ян» в «Инь». Вся правда в их со-

вокуплении, когда взаимонепохожесть свободна от односторонней оценки. От так называемой «женской» поэзии пора бы уж отвести наш высокомерный взгляд. Потому что настоящее в ней – это всегда союз «Инь» и «Ян» – ну, может быть, с некоторым преобладанием того или другого.

Половая принадлежность автора, наверно, лучше всего проявляется в стихах эротического толка. Но тут бы надо сразу отмежеваться от сочинений Ивана Баркова: при всём его немалом поэтическом даре распутство ради распутства не для искусства (пардон за вскочившую рифму). Между тем никто не оспаривает Фрейда с его понятием сублимации как преобразования сексуальной энергии в творческую. Здесь прямым наследником Баркова можно уверенно назвать Пушкина. Не только по части современного русского языка (с той поры уже не сумароково-державинского), но по смелости обращения к любовной теме. Перечитаем-ко (целиком, несмотря на его широкую известность) стихотворение, в коем описан (с небарковским целомудрием)... половой акт:

Нет, я не дорожу
мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками
вакханки молодой,
Когда, виясь в моих о
бъятиях змиёй,
Порывом пылких ласк
и язвою лобзаний
Она торопит миг
последних содроганий!

О, как милее ты,
смиренница моя!
О, как мучительно
тобою счастлив я,
Когда, склоняяся
на долгие моленья,
Ты предаёшься мне
нежна без упоенья,
Стыдливо холодна,
восторгу моему
Едва ответствуешь,
не внемлешь ничему
И оживляешься потом
всё боле, боле –
И делишь наконец
мой пламень поневоле!

В стихотворении воссоз-

даны все нюансы «Инь» – от любовной игры-прелюдии до, скажем по-аристотелевски, катарсиса (дабы не огрубить «миг последних содроганий» просторечным «оргазмом»). Поэт не убоялся отобразить это «Инь» даже в двух вариантах – доверяя читателю всё их неизречённое многообразие между этими крайностями. Андрей Синявский, он же Абрам Терц, имел-таки основание заявить, что Пушкин «на тонких эротических ножках вбежал в большую поэзию и вызвал переполох». (Помнится, как эта фраза переполошила некоторых даже неглупых людей, а зря: критик не просвечивал аналитическим рентгеном панталоны поэта, но лишь выразился метафорически о его стихах, а насколько удачно, теперь уж не имеет значения.) И вообще тема «Инь» звучала у Пушкина не всегда с такой прямотой, как в «Нет, я не дорожу...».

Я вас любил
безмолвно, безнадёжно,
То робостью,
то ревностью томим;
Я вас любил
так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог
любимой быть другим.

В таких стихах следует видеть не тонкие ножки, а тонкость эротической подоплёки. Поэт мог выглядеть дерзким в свете западной морали, может быть, потому, что ловил и свет Востока (не вполне сознавая?). А что там на Востоке? Индолог Р. Шапинская пишет:

Между индийской теорией любви и практикой художественного творчества существует согласие в положительном отношении к эротике в искусстве, при том условии, что она дисциплинирована, утончена и упорядочена.

Та чувственная радуга, что разбудила Баркова, задела воображение Пушкина, прошла над головой Тютчева, но не изнемогла в вышине: другим концом она достигает и нашего поэтического небосклона.

Почему я,
твоё самое мягкое,
сделана из твоего самого твёрдого –
из ребра?
Потому что нет у тебя твёрдого,
которое не превратилось бы в мягкое
во мне...

Можно как угодно отнестись в этому стихотворению Веры Павловой, но одно бесспорно: мысль его утончена и чувство упорядочено. Союз «Инь» и «Ян» неразделим и безупречен. В. Павлова занимает особое место в современной поэзии, обладает своею степенью свободы и внутреннего достоинства. Да, иногда может сгрубить, кого-то шокировать «последней прямотой». А я нахожу и принимаю в её стихах то, чего сам не могу и не умею. Некий эликсир жизни, что ли?

От природы
поставленный голос.
От природы
поставленный фаллос.
Никогда ещё так
не боролась.
Никому ещё так
не давалась.

Надвое сказанный последний стих не звучит ли эхом (хоть и сильно приглушённым) пушкинского «О, как мучительно тобою счастлив я!»? У Веры Павловой, разумеется, есть замечательные стихи и другого плана. Но поразительно, с какой настойчивостью она ищет и находит всё новые и новые повороты «телесной» темы. Впрочем, это никого бы не удивило в индуизме, где человеческое тело – сама Вселенная, верный путь ко слиянию с Мировой Душой. Так что не спешу попрекать поэта отсутствием духовности. Она прикрыта рванью вызова нашей «лишности целомудрия» как выражался Барков. Вселенная тела ненасыщаема, жаждет жить и не ведает излишеств.

Как мало мне дано
для сочлененья
с тобою впадин,выступов, пазов.
Как мало –
только локти и колени –
дано креплений.
Ненасытен зов
вдавиться в поры кожи,
в кровоток
твой устремиться
водопадом горным,
извилинами мозга и кишок
совпасть, и позвоночники, как корни,
переплести, чтоб на двоих – топор...
Как мало мне дано
природой-дурой:
пристраивать
в единственный зазор
несложную мужскую
арматуру.

Серьёзный читатель не заметит за бедной «арматурой» иронической усмешки, а между тем ирония – существенный знак этого поэтического мира. Он весь – бунт против пресности, обволакивающей, убивающей праздник жизни. Но все ли средства хороши в этом бунте? Как там насчёт морали? А просто:

Мораль есть
нравственность б/у,
весьма поношенное платье.
Я видела её в гробу,
она меня –
в твоих объятьях.

Любовь превыше всего на свете – вот подлинная мораль, и не говорите мне после этого о какой-то якобы бездуховности. Тут вам не чернышевские сны Веры Павловны, а пряная реальность поэзии Веры Павловой. Её сожаление по недостатку в теле «впадин, выступов, пазов» не вторит ли общему в поведении той вакханки и той смиренницы? Не с Пушкиным ли наша героиня *делит наконец свой пламень поневоле?*

По моим наблюдениям эротика находит прибежище чаще в поэзии, нежели в прозе. Объяснение факту найдётся, возможно, опять же в индуизме. В центре многих фаллических культов там стоит божество Шива. Оно же является и богом ритма – танцует по всякому поводу. Но ритмом в первую очередь стих и выделяется из прозы. Ритмичность стихотворения сродни фрикционности полового акта – разве не так?

Вера Павлова доказует, что мир, увиденный даже через такой, казалось бы узкий магический кристалл, не теряет многогранности и многотемья. Если, например, Юрий Кузнецов, переиначив Баратынского, заявил: *Я в поколенье друга не нашёл,* то у автогероя Павловой на это свой взгляд и опыт:

Одиночество –
это болезнь,
передающаяся
половым путём.
Я не лезу, и ты не лезь,
лучше просто
побудем вдвоём,
поболтаем о том, о сём,
не о том, не о сём
помолчим
и обнимемся, и поймём:
одинокий неизлечим.

Трагическая нотка тем более неожиданна, что у художественных предшественников поэта она никогда не звучала. Тот же Барков – неисправимый оптимист, гедонист. Тот же Пушкин: в «Вакхической песне» жизнелюб, каких поискать, а признание И с отвращением читая жизнь мою делается отдельно. Вера Павлова без робости перед предтечами сладость и горечь этой жизни выписывает на одной странице:

Любви, как ребёнку,
всё время хочется большего,
как будто есть что-то
больше неё на свете,
как будто будущего всё ещё больше, чем прошлого,
как будто бывает покой без участия смерти,
как будто реальнее боли
её вымыслы,
как будто кто-то уже
спешит на подмогу,
как будто усталое сердце сможет вынести
ещё большую нежность,
печаль, тревогу.

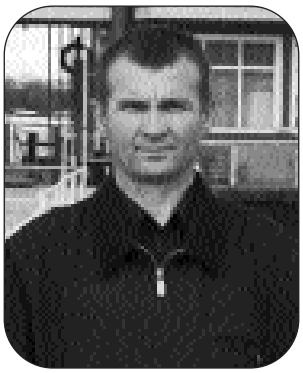
Многие стихи Павловой не решаюсь положить на бумагу. Тем не менее принимаю и эту непечатную лексику, чувствуя органичность её, интонационную необходимость. Да гляньте вы окрест себя – разве не заслужили мы сегодня по делам своим самых крутых матерных обращений к себе? По одному только этому считаю закономерным явление такого поэта в современной литературе. Но главное: поэт верен великому завету – передать стиху очертания прекрасного человеческого тела.

Роберт ВИНОНЕН

г. ХЕЛЬСИНКИ
Финляндия

Леонид БАБАНИН

СТЕРЛЯДКА



Люди, родившиеся, выросшие на берегах Оби, буквально пропитаны, пронизаны запахом, вкусом и даже... смыслом рыбы. Она не просто – питание, источник жизненных сил, она – в обиходе, в присловьях, в знаках и символах самого существования обитателей здешних мест. В сказаниях, загадках и даже сакральных ритуалах рыба неизменно «всплывает» в своём многозначном содержании.

Столетиями, даже – тысячелетиями природа-матушка, животворящая водная стихия, лепила, обтачивала каждый род, каждый вид рыбного семейства. И опытному добытчику не стоит никакого труда – по чешуе, по плавникам, округлому или вытянутому овалу тела, по уникальной геометрии губастой головы – определить уловное достоинство своей рыболовной снасти.

Не принято водяного бога гневить, гнушаясь не особо ценным содержимым сетей (благодарен будь любой добыче). Но всё-таки сердце любого рыбака, даже самого опытного, обязательно зачастит, глаза – заблестят, если он углядит в ячее навострённую пирамидальными шипами спинку речной принцессы – стерлядочки.

Пиететное, вежественное отношение к стерлядке в нашем народе бытует независимо от того, пробовали или нет люди мясо этой легендарной рыбы. Книжные, киношные наши ассоциации неизменно увязывают богатство пиршественного стола с наличием на нём запечённой стерляди (бывало – и до десяти килограмм весу), взирающей на застолье ярко красными клюквинами, вставленными в глазницы.

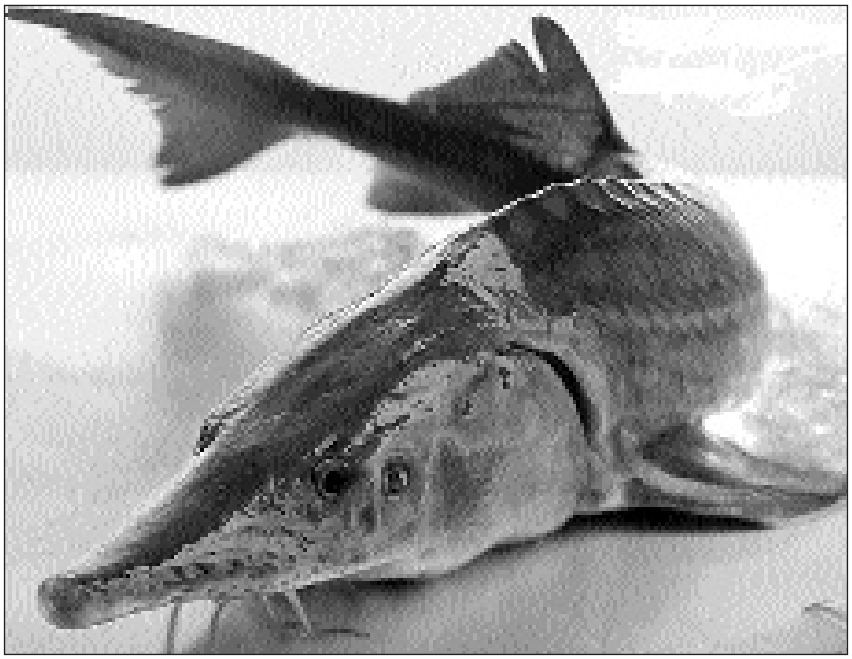
Она, стерлядочка – весомейший аргумент в споре с русофобскими утверждениями о том, что русской национальной кухни не существует. Ведь это изысканное угощение по настоящему могут приготовить только в России, в реках которой стерлядь, преимущественно и обитает. И больше всего её именно в сибирских реках. Поэтому и отношение к ней в Сибири особенное. И готовят её здесь всяко-разно, но неизменно вкусно.

...Мои детские воспоминания о стерлядке, словно жемчужина из навоза, пробиваются сквозь память о тяжелейшем отцовском промысле, на который он частенько брал и меня с собой. На видавшей виды «Тюменке» со стационарным мотором Л-6 ездил он на Ёлку Шапку (так называется грива, что на малой Оби) собирать плавленый лес, оставшийся от разбитых штормами плотов. Отец прихватывал бесхозные лесины, связывал их в плоты и буксировал в Берёзово. Там он распоряжался плавленым лесом по своему усмотрению. Кто-то брал брёвна на дрова, добротные же лесины – шли на строительство.

Мне, малому, и интересно и каторжно было в тех поездках. Длился промысел не меньше недели. Чаще всего – в жару, среди нескончаемых полчищ гнуса и комарья. Отец работал неутомимо, времени на отдых отводил совсем чуть-чуть. Собственно, когда нужно было подкрепиться, тогда и отдыхали. Разносолов, разумеется, никаких не было. Рыба да чай. А рыба, однако, не простая. Частенько отцовская сетка приносила нам на обед или ужин – стерлядочку. И как бы я не был измучен зноем, качкой, гнусом, её неповторимый, удивительно нежный вкус заставлял забыть все напасти, этим объеденьем оттесняя на второй и третий план все остальные ощущения. Жадно, до обжорной сытости «молотил» я наваристую ли, духмяную ушицу, на скорую руку при-

готовленный ли стерляжий малосол.

Папка добывал стерлядок ставными сетями. Попадало немного, но нам хватало. Стерлядь потрошили, промывали, круто пересыпали крупной солью и на пару часов упрятывали в толстое травяное одеяло. Потом тушки промывали от соли и вывешивали на самый солнцепёк. Янтарно-оранжевое мясо стерлядки под нещадными лучами солнца вспотевало густыми слезинками жира, которые без охотки и спешности сваливались с сочащейся брюшины в плотный ворс береговой травы.



Прошло время, теперь уж я сам, взрослый мужик, обской рыбак, собираюсь на Обь, подрядившись на путинную страду. Каторжный это труд, уж поверьте мне. На сетной промысел вывозили нас в начале июня. Высаживаемся на берегу великой сибирской реки, заранее зная, что ждут нас великие же страдания и испытания. Либо – гнетущей жарой, либо – дождевой сыростью, гнусом и тяжкой, изматывающей до последней жилки, надсадной физической работой.

За сутки в сети попадалось, в среднем, до двух центнеров рыбы. Пока сети закинешь, пока выберешь, пока вызволишь улов из сетевого плена, отвезёшь его на приёмный пункт, разложишь по ящикам, пересыпешь кусками льда, ящики уставишь штабелями... Уже и день прошёл. Из последних сил доберёшься до стана, безжизненным кулём ввалишься в палатку и уроешься в душный, беспамятный сон.

Чуть свет очнёшься, чертыхаясь и матерясь напяливаешь непросохшую за ночь одежду, влезаешь в источающие густые запахи сапоги, плюхаешься на жёсткую лавку моторки и вновь – выбирать сотни, сотни метров сетей. В середине июля заканчивался соровой лов. Рыба выходила на магистраль реки. Мы меняли дислокацию и начинали плавной лов. С лодки в реку вымётываем донные плавные сети, которые плывут по дну Оби. Через час-полтора надо быстро-быстро выбрать сети в лодку. Так промышляем муксуна, осетра, нельму. Нет-нет, да и попадалась в этой вполне аппетитной компании с детства любимая и чаянная стерлядочка.

Обычно рыбаки, сдавшие улов кормприёмщику, ещё какое-то время кучковались на плашкоуте (плавучий рыбоприёмный пункт с двумя трюмами, один – со льдом, второй – под рыбу). Тут же иногда и перекусывали на скорую руку, выказывая свои фирменные способы обработки рыбы.

Однажды всех по-хорошему удивил Васька Соловьёв. Случилось у него как-то несколько баночек ядрёной аджички. Долго-нет он думал, неизвестно, а только взял Вася ведро с водой, выпростал в него содержимое стеклянной банки, размешал как следует, соли сыпанул пару жменей и засыпал этот аджико-тузлучок кусками льда. Рыбаки, пришвартовавшись к плашкоуту, потрошили добытых стерлядок и кидали их в соловьёвский рассол. И уходили на очередной замёт. Когда возвращались с очередной партией рыбы, стерлядочка уже набирала кондицию. Ополоснёшь её от ярого рассола, вырежешь кусманчик посмачнее, кусочком хлеба оттенишь – неприедающийся, божественный вкус.

Кстати, на плашкоуте работал матросом ссыльный еврей, страстный любитель стерлядки. Украдкой сглатывая подобающую поводу слюну, он, смущаясь неистреблённой интеллигентно-

стью, просил уходящих на плав рыбаков:

– Ребята, «звёздочек», привезите мне, пожалуйста, а?!

Он сильно картавил и, уважая собеседников, старательно избегал в речи слов с мучительной буквой «р». Питая особую любовь к стерлядке, он, я думаю, не мог себе позволить искажать её имя своим произношением. Вот и придумал ей своё прозвание, слово, в котором не было строптивой согласной. Плашкоутчик тот утонул. Поскользнулся в штормовую октябрьскую погоду на мокрой палубе и выпал в чёрную обскую стынь. Река вскоре обернулась ледяным панцирем, интеллигентного матроса плашкоута так и не нашли. А «звёздочка» его прижилась в рыбацкой среде.

Идут годы. Многое меняется в нашей жизни. Про человеческую жизнь говорят, что она скоротечна. Подразумевая, что в природе нашей существенные изменения происходят по истечении многих десятков лет, а то и столетий. Однако на памяти практически одного-двух поколений рыбаков произошли необъяснимые, непредсказуемые и горестные перемены. Если сравнить уловы четвертьвековой даже давности и нынешние, можно сказать, что стерляди в полноводных сибирских реках практически не осталось.

Конечно, любители её (а есть ли такие? Как можно любить то, чего ты не пробовал?) могут себе позволить в гипермаркете выловить сачком из огромного аквариума востроносую шипастую рыбёшку с точно таким же названием. Но это вовсе не означает, что, даже пройдя через руки самого искусного повара, к вам на стол попадёт чудесного, неповторимого вкуса стерлядочка. Это продукт химической и биологической индустрии нашей страны. Особи, выведенные из икринок речной стерляди, но выращенные в аквариумах на биологическом сырье. По вкусу они не имеют ничего общего с «дикой» речной стерлядью.

Грустно, конечно, смотреть на эти аквариумы... Хотя, с другой стороны, наверное, мы должны быть благодарны тем, кто старается сохранить этот вид, чтобы не только в легендах и старых кулинарных книгах можно было встретить упоминание о царице/принцессе/жемчужине российских рек.

Впрочем... впрочем, некоторое время назад мой пессимизм был нокаутирующее посрамлён. Произошло это в Челябинске, на юбилее одного успешного и сильно не бедного человека. О том, что торжества намечаются нешуточные, известило меня... приглашение. Вернее – «Приглашение», пришедшее по почте.

На роскошной, дорогой бумаге, изысканного дизайна, даже не открытка, скорее – диплом, вручаемый за весьма высокое достижение. Видимо, удостоиться чести быть гостем на торжестве Юрия Владимировича – весомая награда. (Вспомнились дипломы, которые вручали мне вместе с литературными премиями в Союзе писателей РФ – выведенные с цветного принтера на простой бумаге.)

В намеченный день и час подъехал я к усадьбе Юрий Владимировича, расположенной в живописном местечке под Челябинском. Огляделся. Просторная усадьба с солидным, добротным домом, двумя бассейнами (в том, что побольше, как в огромном аквариуме, плавают рыбы), высокий кирпичный забор по периметру. Во дворе в два ряда выставлены столы, небольшая сцена сооружена для ансамбля. Словом, всё – честь по чести. Откровенно говоря, на таком застолье я оказался впервые. Среди гостей не было ни одного знакомого человека. Что ж, тем интересней будет, не отвлекаясь на праздные разговоры, наблюдать за происходящим. И я стал с любопытством разглядывать приглашённых на юбилей.

Кого-то сразу определял (ну, батюшку в рясе, скажем), кого-то позже разъяснил (прокурора, например). И по одежде, и по манере держаться я почти безошибочно различал состоятельных господ и людей скромного достатка.

Юрий Владимирович плюс ко всем своим достоинствам был заядлым рыбаком и охотником. На этой ниве, собственно, и свела нас судьба. Зная его пристрастия, я украдкой, но подробно разглядывал блюда, которыми был сервирован щедрый стол юбиляра. Мне было интересно – нашлось ли здесь место дарам природы, к которой так неравнодушен хозяин усадьбы. Однако, кроме перепёлок-гриль с первого обзора ничего не нашёл.

А празднество тем временем уже вовсю закрутилось. Ведущий шпарил, как из пу-

лемёта, представляя знатных гостей. Шутка ли – такую прорву именитых людей представить надо успеть, пока ещё народ не перевалил за экватор возлияний, после которого речи тамады больше досаждают, чем возбуждают. Один за другим поднимались с тостами-пожеланиями: «друг нашего Юрия, Генеральный...», «директор департамента природных...», «не было бы юбилея и не было бы именинника, если бы не главврач Областной...».

И подарки были под стать событию и калибру личности Юрия Владимировича. Снегоуборочная машина, снегоход, коньяк столетней выдержки. Это соревнование на самый дорогой и сногсшибательный подарок начинало приедаться. Но, слава богу, из дома вынесли то, что способно было обрадовать душу истинного охотника – огромное блюдо (около метра в диаметре), на котором величественным ароматным курганом насыпан плов из медвежьего мяса. Вершина же этого кургана была увенчана кистями отварных медвежьих лап. Неподдельным восторгом и восхищёнными криками встретили этот дар директора пивного завода. Тут уж торжество достигло того нужного градуса, когда и юбиляру захотелось возвысить голос:

– Где этот столетний французский коньяк? – командным голосом воскликнул Юрий, повелев тут же разлить всем, хоть по капельке, дорогущего напитка. Разлили, выпили. Я был несколько умиротворён, хотя и ждал, ждал: не может быть, чтобы такой охотник и рыбак не преподнёс в свой юбилей какого-то особого сюрприза.

Темнело. Зажгли фонари. Не умолкал ведущий. Играл и пел ансамбль. Сбивались в кучки мужички с сигаретками, обсуждали что-то своё, пьяненько ухахатывались. Внезапно музыка смолкла и ведущий призвал всех к столу:

– Вы все хорошо знаете, уважаемые гости, что наш дорогой Юрий Владимирович – покоритель севера! Пятнадцать лет провёл на буровых. Он прошёл путь от слесаря буровых установок до начальника НГДУ. И сегодня Юрий Владимирович не теряет связь с севером. Он регулярно туда ездит, помогает землякам. И эта его любовь не остаётся безответной. Сегодня Юрий Владимирович дарит нам истинно северное яство, которое просит вынести к гостям!

И вот, из чрева его огромного замка вышел официант с большим подносом, на котором красовалась... да-да-да! Она – чудо-рыба, царь-угощенье – сибирская стерлядь. Килограмм на двенадцать. В нежной зелёной пене листьев салата, с красными клюквинами в глазницах. Да, вот это была настоящая, мало кем виданная роскошь. А официанты уже шли спешной вереницей, уже уставляли столы тарелками со стерлядью меньшего калибра – «килограммовками» (так их называют на Севере).

– Отведайте, гости дорогие, кондинской стерлядочки, – просто и коротко отрекомендовал Юрий Владимирович то, что в рекомендациях не нуждается. Наверное, для многих это был красивый и эффектный жест. А для меня он имел совсем другое значение. Я ещё раз убедился в том, что люди, живущие в лад с родной природой, осознающие себя её органичной частицей, никогда не променяют это единение, это родство на мишуру роскоши и гегемонию вещизма.

Вот так сибирская стерлядочка, российская «звёздочка» затмила и столетний французский коньяк, и дорогую технику, и прочую атрибутику фешенебельной жизни. Боюсь только, что, если мы не научимся беречь и воспроизводить наши уникальные природные богатства, совсем скоро моя любимая стерлядка останется лишь в памяти да в этих непритязательных строчках.

пос. БЕРЁЗОВО,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Василий АВЧЕНКО

СОЛОВЕЦКАЯ РОССИЯ

Захар Прилепин много раз признавался в своей любви к большим романам и вот написал свой – объёмный, тяжёлый; большую во всех смыслах книгу. В ней – лагерь на Соловецких островах (из них потом вырос понятно какой архипелаг), руководит которым Фёдор Эйхманис (в реальности Эйхманс) – фигура титаническая и демоническая, вызывающая в памяти целую толпу исторических и литературных персонажей.

Вспоминается, например, Эдуард Берзин – тоже из латышских стрелков, впоследствии – первый начальник Дальстроя. Как и Соловки, Дальстрой был настоящим государством в государстве. С Берзиным сталкивался (ещё по первому сроку, на Урале – на строительстве Вишерского ЦБК, которое и возглавлял Берзин) Варлам Шаламов, причём отзывался о нём хорошо: вникал, доверял, помогал… Эйхман(и)с и Берзин были расстреляны в 1938-м с разницей в какой-то месяц. Пресловутый колымский ад, о котором мы знаем из того же Шаламова, начался в Дальстрое уже после Берзина, когда ушло время подобных ему и Эйхмансу людей, не чуждых – при всех остальных чертах – идеализма. Лагеря, оставшись средством наказания и механизмом развития экономики, перестали быть лабораторией по исправлению человека.

Соловецкая тема провоцирует сопоставления с «лагерной прозой» начиная с Достоевского и Чехова и заканчивая авторами здравствующими. Лимонов, сидевший в Саратовской области в начале XXI века, сравнивал в «Торжестве метафизики» аскезу лагеря с монашеским служением и утверждал, что ещё чуть-чуть – и он начнёт левитировать; а на Соловках лагерь и помещён прямо в монастырь. Доходит до совпадений: у Прилепина, как и у Лимонова, лагерники ухаживают за розами.

Артём Горяинов, живущий в «Обители», – не Иван Денисович и не герой «Колымских рассказов». Если искать ему братьев, то скорее найдём такового в персо-

наже «остросюжетной» «Чёрной свечи», написанной Высоцким в соавторстве с сибирским журналистом Леонидом Мончинским о судьбе легендарного старателя Вадима Туманова. Герой «Чёрной свечи» – тоже боксёр с характером и авантюринкой, тоже дерётся с блатными, тоже фартовый и даже ещё более везучий, чем Артём.

Хронология автором намеренно чуть размыта. Если судить по времени перевода Эйхманиса на другую работу, то действие романа относится к 1929 году. Но, например, Нафталий Френкель (знаменитый налётчик и контрабандист, ставший генералом НКВД) в книге ещё сидит, а освобождён он был уже в 1927-м. Это, понятно, никакая не претензия к художественному тексту. Просто всегда хочется понять, о каком именно времени идёт речь, особенно если имеем дело со столь спрессованной эпохой, где год идёт за три, если не за 10; вот и начинаешь высчитывать.

Не стоит забывать о том, что созданный на чёткой, где-то так и прямо документальной основе текст Прилепина – художественный. Вот и лишняя буква в фамилию реального Фёдора Эйхманса добавлена автором не случайно, хотя некоторым персонажам сохранены реальные фамилии. А другие, напротив, вроде бы выдуманы, но напоминают о реальных людях. Вот персонаж второго ряда Митя Щелкачов говорит, что хорошо бы написать работу о русском мате – и сразу вспоминается Дмитрий Лихачёв, который сидел на Соловках с 1928 по 1931 год и здесь же опубликовал свою первую научную работу – «Картёжные игры уголовников».

«Обителью» Прилепин продолжает отвечать на постоянный вопрос интервьюеров о том, почему из Евгения он превратился в Захара. Среди героев романа мелькает собственный прадед писателя, которого как раз и звали Захаром и к которому тянется генеалогия псевдонима. Любопытная рифма: герой прилепинского «Греха» Захар копал могилы, юный Захар в «Обители» тоже копает могилы – для расстрелянных соловецких мятежников.

Ещё рифма: известно, что Максим Горький был на Соловках в 1929 году и хорошо отзывался о тамошних порядках. В каком-то смысле ремейк той поездки совершил «Новый Горький», как называют Захара Прилепина. Он, разумеется, не оправдывает изображаемые им зверства, как, возможно, ожидали некоторые. Но, безусловно, подходит ко всему происходящему на Соловках и в целом в стране куда более широко и диалектично, чем сталинисты-ортодоксы и антисталинисты-ортодоксы, за что, возможно, будет подвергнут критике из обоих лагерей, к чему Прилепину не привыкать. Жизнь соловецкая, следует из «Обители», была куда интереснее, разнообразнее, многомернее, чем мы привыкли видеть, двигаясь в солженицынском кильватере. Детально проработанная фактическая основа, плотный документальный фон в романе не менее важны, чем образы героев, сюжет и вся прочая физика и метафизика.

Корректоров у книги аж четверо, а всё-таки к ним есть претензии – например, по части «подболоточной муки». Может, всё-таки подболточной? Иначе возникают ненужные ассоциации с Болотным делом. Возможно, даже корректоров книга настолько увлекла, что они, её читая, о своих прямых обязанностях иногда забывали. Так что – забудем, простим.

г. ВЛАДИВОСТОК

Алина ЧАДАЕВА

НАНАЙСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

МИСТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Тема «БЛИЗНЕЦЫ» интересовала меня ещё с дальневосточных 60–80-х годов. Жила ли я на Сахалине, в Приамурье, или посещала Чукотку, один из непременных вопросов к коренным жителям был: как ваш народ относится к близнецам? Только много позже поняла некоторые основания моего «этнографического беспокойства»: рождена я в мае, под астрологическим знаком Зодиака «Близнецы».

Открываю кладезь далеко не полностью востребованных сокровищ – свои полевые тетради.

1974-й год. Ульчский район, село Булава. Мой собеседник – Пётр Леонтьевич Дечули. В селении создал национальный ансамбль танца. Придумывает хореографию, вспоминает старинные мелодии. Слышал их в детстве, которое пришлось на 20-е годы 20-го века. Большой род – двадцать два человека – жил в фанзе: у деда было четыре жены, у отца – две. По нескольку ребятишек от каждой. Такая вот арифметика.

«Детство – значит, работа, – скажет мне Пётр Леонтьевич. – Дед брал с собой в лодку – огда. Давал кормовое весло. Мужчины ставили сети или остружили рыбу. Иногда посреди лодки сажали старика – сказочника. Сами гребли, а он сказки пел-рассказывал. Очень все слушать любили...»

То ли в 29-м, то ли в 30-м все дети от эпидемии умерли». Из мальчиков остался один Пётр. Детская память отматрицировала впечатления. Традиции, обряды, которые ещё соблюдались ульчами в начале 30-х годов, позже были не просто запрещены советской властью, – подсудны. Но можно ли выкорчевать душу народа!

В 70-х Пётр Дечули включает в репертуар ансамбля сюиту «Медвежий праздник». Когда-то он бытовал у народов Сибири и Дальнего Востока как священный ритуал поклонения предку – хозяину тайги. И – не стёрся в памяти, ибо нельзя обрубить корни, ушедшие глубоко в землю.

Займёмся МИСТИЧЕСКОЙ «АРХЕОЛОГИЕЙ», читатель, чтобы обнажить хотя бы связанные с древним ритуалом вопросы.

Слово «мапа» в нанайском языке обозначает два понятия: «старик» и «медведь». Логика понятна: считалось, что в медведя вселялась душа предка, «деда». Теперь они были неразлучны на вечные времена, и от их «взаимоотношений» зависела судьба рода. Нужно было растить пойманного или купленного медвежонка, ублажая его, точно ребёнка. Антон Тумали в селении Кондон говорил мне: «У нас женщины маленьких медвежат кормили грудью, а потом БУДУ – рисовый отвар давали из бутылки с соской». Пётр Дечули из Булавы дорисовал картину: «Три года кормят. Самые вкусные места в рыбине дают, водкой поят. Называют ласково – «дамА» – «дедушка». Когда на «медвежьем празднике» на арачу ведут, где медведя стрелять будут, сильно плачут».

День заклания выращенного людьми медведя был особенным, самым значительным в году. Единственным, когда могли встречаться юноши с девушками. Когда молодые парни фехтовали друг с другом на чисто строганных палках, состязались в силе. Для медведя изготовляли священные черёмуховые стружки-инау. Из нетолстого ствола сухой ёлки (а зимой – промёрзшей) делали «ударный инструмент» – музыкальное бревно удядюпу; на одном конце непременно вырезали голову медведя. «Самое музыкальное дерево – ёлка, – скажет мне Пётр Леонтьевич Дечули. – Если на нижнем краю деревни будут на нём стучать, – на другом краю слышно будет».

На цепи водили ручного великана по селению, и из каждого дома выносили ему угощение: студень из рыбьей кожи, вино... Так становились причастными к посланнику в Верхний мир, где он должен был рассказать сородичам о

земном гостеприимстве людей и почестях, которые ему воздавали. Ради благосклонности незримых, но реально мыслимых высших сил, соединивших природу зверя и человека.

И вот тогда, во время праздника, в действо вступало значительное лицо – «ТАЁЖНАЯ ЖЕНЩИНА» – МАТЬ БЛИЗНЕЦОВ. Под ритм, выбиваемый на священном бревне удядюпу, она пела haundari – таёжную песнь о том, как в виртуальном путешествии к прародителям медведь возрождается во плоти.

1

Для нашей съёмочной киногруппы в Булаве пела, войдя в транс, столетняя шаманка Алтаки из рода Ольчи. Пётр Дечули с трудом переводил древнее наречие. Восстановлю необратимую картину важного эпизода нанайской мистерии «Боёмбо-хупи» – «Медвежьего праздника».

Алтаки вышла на крыльцо дома, попыхивая неизменной папиросой, вставленной в длинный мундштук. Тонкие браслеты на пергаментных запястьях. Вялая волна седых волос. Тяжёлые веки, гасящие взгляд. Но вдруг смыло, смело равнодушие: ожили глаза, улыбнулись морщины. Это Пётр Леонтьевич показал старой шаманке два ритуальных посоха. Представьте: две тонких палки-ноги, вместо ступней – расплющенные туловища деревянных жаб-кутуэ. Локоны стружек привязаны к верхним концам палок, на которых небрежно вырезаны спирали змей и крохотные головки идолов-сэвэнов.

Алтаки взяла посохи в руки, легко прошлась, приплясывая, и приплясывали, вздрагивая в такт её ритмичному шагу, плоские жабы, струились змеиные кольца, сэвэны вращали сумрачные лики.

– Таёжная женщина ходила-пела, – сказала, отдышавшись, Алтаки. Зарокотал бубен-унгчухун под ударами колотушки, зазвякали металлические колокольцы на поясе шаманки. Всё ниже, словно под тяжестью, опускался бубен в руке... Собирались на нём незримые духи. «Я их вижу», – скажет потом Алтаки. – Без бубна никуда не полетишь». Считалось в народе, что первый бубен шамана был изготовлен из упавшей ветки Мирового Древа, растущего в центре мира. Это давало возможность шаману в его экстатических путешествиях перемещаться между планами бытия.

Они все считались родственниками: жаба с походкой медведя, женщина, родившая близнецов, и хозяин тайги – медведь. Оттого так бережно хранили и в развилках ветвей на ваё хоронили тщательно обглоданные на пиршестве череп и кости зверя, что бессмертная душа медведя должна уйти к верхнему божеству. И только «таёжная женщина» знала её дорогу. О ней-то и пела шаманка.

Вот первое озеро встретит – нырнёт: грязь с костей очищает.

Встретит второе – нырнёт: на костях появляется кожа.

В третье – альми – прыгнет: вынырнет шерстью обросший.

Снова здоровый и сильный, сородичам скажет, сколько почестей разных ему нани воздали.

Для убиения медведя выбирали самого меткого стрелка, посылающего стрелу в сердце, чтобы не мучить мапа болью.

Церемония разделывания туши, её приготовление для ритуального пиршества, отношение к черепу и костям позволяют предположить, что нанайцы (ульчи, нивхи, айны, эвенки...) ВИДЕЛИ В МЕДВЕДЕ БЛИЗНЕЦА ЧЕЛОВЕКА, ЕДИНОСУЩНЫЙ ФАНТОМ. Пунктиром означу детали церемониала.

Нельзя было снимать шкуру с медведя с помощью ножа. Её как бы «расстёгивали» на брюхе руками.

Голову вносили в дом, клали на почётное место. Хозяева дома, прежде чем её разделывать, жгли возле головы багульник-сэнкурэ, чей дым угоден духам. Совершали ритуальное окуривание – пунгичи.

Шли и шли в дом соседи. Несли чашки с кашей – лала из зёрен гаоляна, чумизы, риса... Каша непременно была сдобрена жиром, налитым в ямку посредине угощенья. Мазали кашей нос медведя, напутствовали:

«С хорошим мненьем отсюда пойдёшь.

Встретишь охотника – помогай ему, на нас не обижайся...»

Нос считался обиталищем души медведя.

Ритуал исключал вольность, тем более – небрежность. В каждом движении заключался мистический, магический символ. Сварив голову медве-

дя в особом котле, на очаге, зажжённом от родового огня, её делили на четыре части. Правую сторону отдавали самому почётному, старейшему гостю. Подавая, поворачивали затылком к сидящему, чтобы не оскорбить нос медведя. Поедая мясо, обгладывали кости так, чтобы были идеально чистыми. Кости черепа собирали воедино, связывали лычкой, затем череп вешали над печкой-голдён. Зажигали на углях багульник. Дым окуривал череп. Знали: теперь уж определённо медведь не оставит в душе никакой на людей обиды. Потом и другие кости коптили – дымом горящей бересты, так чтобы обрели они цвет чёрной шерсти. Для плотности цвета ещё чернили их углём из очага, на котором варили тушу.

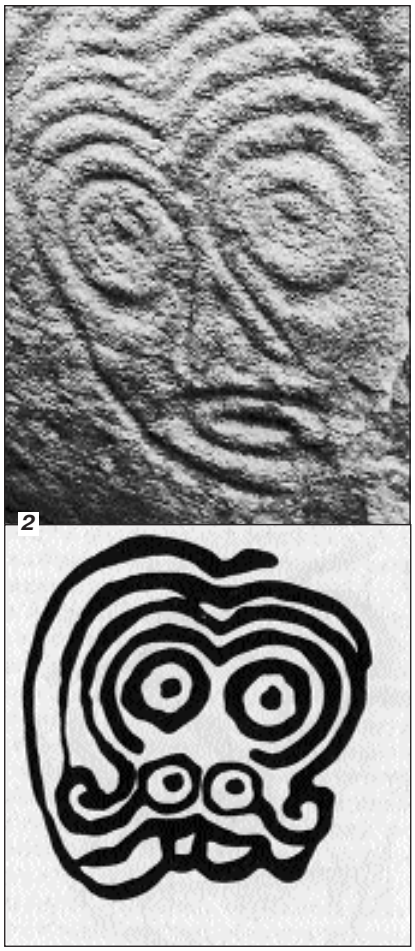
Земное действо предваряло (или повторяло?) этапы воскрешения жертвенного мапа.

Подробный рассказ о Медвежьем празднике, ныне утраченном в деталях, а значит, и во всей полноте, я записала в Кондоне зимой 1977 года от Никифора Дзяпи. А летом, недалеко от ульчского селения Кольчём, местные ребятишки привели меня в «таёжный музей». Там, на поляне, увидела я ВАЁ – священное место, куда по окончании праздника приносили и вешали на дерево медвежьи черепа. Вычерненные дымом и сажей неповреждённые кости заталкивали в дупло.

МЕДВЕЖЬИ ПОЧЕСТИ «ТАЁЖНОЙ ЖЕНЩИНЕ»

В этнографии принято относить описанное явление к религиозному ТОТЕМИЗМУ. Но почему всё же дальневосточные народы сопрягают с предком-медведем мать близнецов и ей воздают «МЕДВЕЖЬИ ПОЧЕСТИ»?

Как только в селении становилось известно, что у женщины родилась двойня, сразу же возле шалаша, где ещё находилась роженица, ставили ритуальное бревно удядюпу, и очищенная климаксом женщина громко выбивала на нём ритмические удары, тем самым оповещая хозяина тайги – медведя о счастливом для него со-



бытии: РОДСТВЕННИКИ РОДИЛИСЬ.

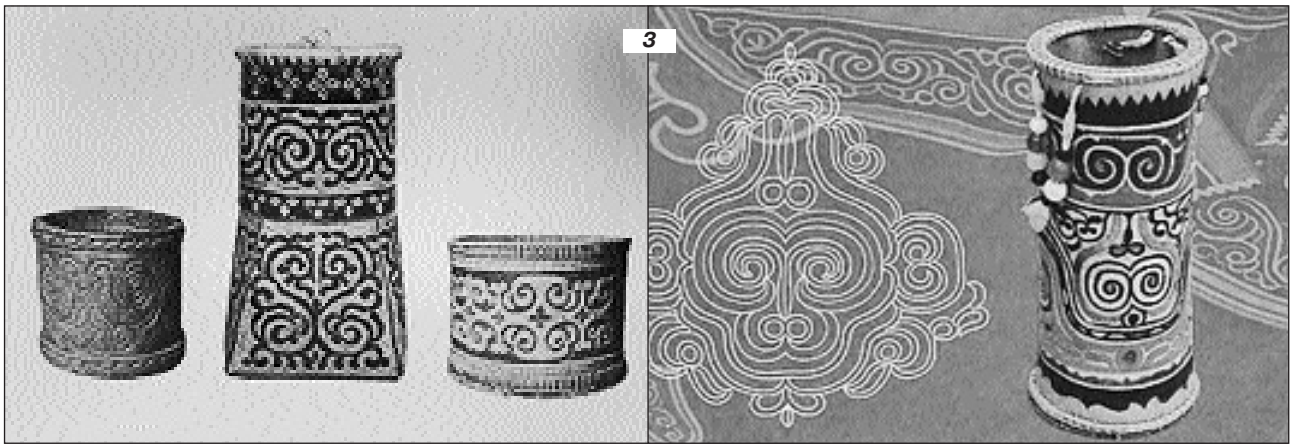
И хоронили мать близнецов (а в случае смерти, и её детей) особенным образом – в сидячем положении. Возле могилы появлялось уже знакомое нам, читатель, ритуальное бревно. И пока умершую опускали в могилу, на удядюпу выбивали дробную трель, и была она, наверное, с оттенком печали. Слуху «хозяина тайги» предназначался погребальный концерт. Но «хозяину» было известно, что мать близнецов или её дети после смерти превращались в медведей.

В селении Кольчём моя знакомая Вера Ды-Ю хвалилась по поводу своего мужа: «Он – близнец. Умрёт, его похоронят сидя».

Возможно, сидячее погребение таким образом имитировало пребывание медведя в берлоге.

На нанайском языке близнецы, двойня называются «адоо». В религиозном обиходе им соответствуют условно антропоморфные фигурки из дерева. В каком случае и для чего их вырезали? Надежда Самар из Кондона поведала мне свою личную историю. Родились у неё девочки-близнецы. Через полгода одна из них умерла. Вторая стала расти плохо, болела, хирела. Встревоженная мать поехала в селение Сикачи-Алян к «большому шаману». Он камлал. Потом велел сделать изображение двойника – адоо и почитать его. Деревянный адоо стал как бы связным с душой умершего ребёнка, и равновесие таким образом восстанавливалось. И ещё приказал взять в дом собаку чёрной масти. Такая собака в одной из своих мистических ипостасей призвана была оберегать душу умершей. Всю жизнь Надежда Самар почитала адоо умершей дочери. Если выжившей – Алле – шила платье, то и адоо шила, только маленького размера, и на неё надевала. И за чёрной собакой ухаживала, как за членом семьи.

Есть ещё один любопытный поворот в этой теме. Даже если рождается один ребёнок, но плохо растёт, нанайцы в этом случае делали из прутьев игрушечный сруб-кори и ставили в нём парные фигурки адоо. Раз не развивается малыш нор-


3

мально, значит, мешает ему подразумеваемый неродившийся двойник: «один пишем, два – в уме»...

ГАРМОНИЯ РАВНОВЕСИЯ

И другое слышала я от старых нанайцев: что у каждого человека в мире есть свой близнец. Могут они за тридевять земель друг от друга жить, могут и не встретиться никогда и не узнать о другом. Но дано им поддерживать взаимное равновесие душ, а значит, основу гармонии мира.

Если раскрутить логику этой пружины, возникает теория РАВНОВЕСИЯ СИЛ ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ. Гармония особенная, и выражают её адоо – близнецы, избранные Кем-то люди. Недаром, говорила Вера Ды-Ю, её муж видел «вещие сны».

Не эта ли идея заложена В ЧЁТКОЙ СИММЕТРИИ НАНАЙСКИХ ОРНАМЕНТОВ, нанесённых на традиционную одежду, изделия из бересты или дерева... А тысячелетиями ранее – в XII–IX веках до новой эры – выбитых на базальтах возле селения Сикачи-Алян на берегу Амура. Это было (и есть) сакральное место, где, по предположениям, исполнялись мистические ритуалы.

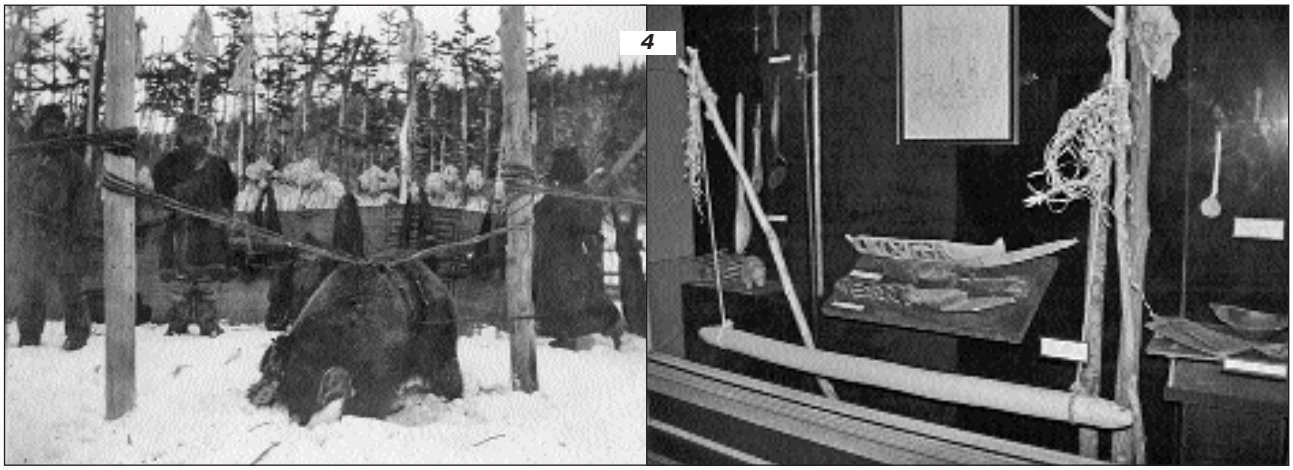
Однажды я была там с ныне покойным моим другом. Учёный-физик, автор уникальных книг, Владислав Зубец всматривался в изображения личин, сформированных симметричными концентрическими спиралями. Я в те поры была закупорена в гипотезы академика Окладникова о происхождении, семантике и назначении личин на камнях. Владислав – был в состоянии космических соприкосновений с Запредельным. Я рассматривала «глаз», он – «взгляд». Лики личин «смотрели» на нас огромными, во всё «лицо» очами-очками.

– Немало таких взглядов по Нижнему Амуру, – сказал мой спутник.

Я от базальтов с петроглифами ушла к машине. Он – счёл «непорядочным» уйти, не оглянувшись. Заметьте: непорядочным. Так говорят об этикете в общении с живым мыслящим существом. Об этом эпизоде в одной из своих книг В.Зубец писал:

«И вот – один, и что-то опять вползает в душу. Зачем и почему изображенья бросили на берегу, открытом – тысячелетиям, погодам и сезонам?

Один ответ простейший. Возможно, дерзкий вызов. «Вы все здесь соберётесь Временем, а мы храним космические тайны». Второй ответ: как будто бы в камнях хранится трансформатор... с высоким напряжением... К чему крайне опас-


4

но подключаться. И третий: Поэзия сакральности, послание кому-то. Если подниматься по лестнице, ведущей в начало начал, вопрос закономерен: Ведь им НАВЯЗАН взгляд? – Гипноз неолитический. Но – КЕМ? – навязан?» (А.Чадаева. «Здравствуй, Влад! Послания в Запредельное». М. 2007)

Симметричные спирали с древнейших базальтов стали основой орнаментов «прикладного искусства» нанайцев. Но не копиями, а как бы пиктографическими письменами, в которых зашифрован неразгаданный КОД ВСЕЛЕНСКОЙ ГАРМОНИИ. Приамурские народы примеряли его к себе – в одежде, бытовых и охотничьих предметах, стараясь, пусть неосознанно, держать РАВНОВЕСИЕ МЕЖДУ «БЛИЗНЕЦАМИ»: ЧЕЛОВЕКОМ И ПРИРОДОЙ. Космический код стал ГЕНОКОДОМ коренных жителей Дальнего Востока.

НЕ ПОЭТОМУ ЛИ СТОЛЬ ПОЧИТАЕМА НА АМУРЕ «ТАЁЖНАЯ ЖЕНЩИНА» (вдумайся в это словосочетание, проницательный читатель!) – МАТЬ БЛИЗНЕЦОВ И РОЖДЁННЫЕ ЕЮ ДЕТИ.

МУДРОСТЬ БЛИЗНЕЦОВ В НАНАЙСКИХ СКАЗКАХ

Детям-близнецам посвящён цикл сказок в нанайском фольклоре. Приведу зачин одной из них. В нём – собирательный образ «близнецов», выраженный через отношение к ним нанайского народа.

«Были в роду Бельды близнецы: Удога и Чубак. Известно, что когда близнецы родятся, это очень хорошо. Тому роду большое счастье близнецы приносят. Вот живут себе Удога и Чубак. Дети как дети, ростом невелики, а умом стариков обогнали. Пять зим только и прошло всего, а Удога и Чубак уже на охоту пошли. И всё им удавалось. И лесные, и водяные люди близнецов любили...» (Дм. Нагишкин. Сборник сказок «Храбрый Азмун». М. 1966).

В чём же – по сюжету сказки – мудрость близнецов? А в том, что дано им было читать Книгу Природы так глубоко, как и старикам не снилось. Вот – плохой вроде выдался год: «зверя мало стало, рыба плохо шла. Стали говорить старики, что место менять надо, что на этом месте чёрт-амбан зверя и рыбу распугал». А Удога в ответ «тетиву своего маленького лука натянул, в тайгу стрелу послал». Вернулась стрела, а за ней – утки, гуси, перепёлки – у ног Удоги легли. Переглянулись старики: «Если так каждый раз будет, не останется деревня без мяса». А тут и Чубак «бросил одной рукой сетки в воду. ...вдруг забурлила река, закипела... Сколько было узелков в сетках, столько рыбы вытащил Чубак».

5

Однако не «по щучьему велению» все эти чудеса произошли. А вот почему. «Спрашивает тут Чубак женщин: «В прошлом году на какой стороне реки кета больше икры отметала?». – «На левой», – отвечают. – «Так значит, в этом году рыба под левым берегом идёт. Примечать надо». «Тогда и Удога говорит: «Птица и зверь за рыбой ходят. Надо было на другом берегу их промышлять».

Но не только «природоведы» близнецы, а ещё и умные миротворцы. Из сказки в сказку отводят они беду от родного племени, когда грозит ему чужеземный захватчик. Но не с луком или мечом выходят встреч маньчжурскому нойону юные ратоборцы, а с дарами справедливости «в межэтнических отношениях».

– Прими, нойнон, – предлагают грозному воителю, – горсть нашей земли, если тебе своей мало.

Вместо пушной дани, дарят нойону глаз совы: «Тогда и ночью ты сможешь увидеть, что на Мангбо-Амуре живут храбрые люди». Высыпают перед ним из чумашки горсть золы: «Пусть золой покроются все твои злые мысли против людей Мангбо».

Удивляется недетским речам нойон, но от намерений своих не отступает. Посылает своих солдат воевать чужую землю, хоть и упреждали его близнецы, что не быть походу удачным. Так и случилось: развёз дороги небывалый ливень, отсырел у солдат порох. – Ни с чем воротились. На другой день – солнце ясно светит. Велел нойон поднять паруса на всех сампанах – плыть, чтобы покорить землю Бельды. Близнецы опять предупреждали: не быть сему. И опять правы оказались: поднялась буря, «волны до неба поднялись, тучи до земли спустились. Ветер все паруса порвал, все вёсла и мачты поломал...» А почему так случилось? – Не умел приметы читать нойон. «Солнце в тучу

6

садилось – к ливню. Звёзды сильно мерцали – к буре». Переждали близнецы, когда родная природа скажет своё слово, подошли к разгневанному нойону, говорят:

– Как же ты хочешь дань собирать с земли, которой ты не знаешь? – И поехал назад, на свою сторону, маньчжур-нойон.

Великая мудрость заключена в словах сказочных близнецов: история должна учиться у Природы. И сегодня любому правителю любой страны неплохо бы сделать эту мысль единственным родом «оружия».

***

На днях в интернете, в разделе «Нанайские орнаменты», нашла сенсационную информацию. Цитирую. «Огород пенсионерки Ирины Киле из нанайского села Дада в Хабаровском крае – теперь место паломничества журналистов и любителей загадочного. На её бахче, среди крохотных дынь и арбузов, созрели плоды со странными узорами.

– Говорили, что хозяева арбузов ночью сидят и рисуют на плодах узоры, – поясняет специалист поселковой администрации А.Бельды. – Думали и мы так, пока сами не увидели это и не сфотографировали. Рисунок, в самом деле, сам появляется. Откуда же он берётся? Ведь сейчас такие же арбузы с рисунками стали находить на своих участках и другие жители Дады.

Загадочные узоры на арбузах в селе Дада очень напоминают наскальные петроглифы на базальтах у селения Сикачи-Алян. Жители Дады полагают, что узоры на плодах могут оказаться посланием духов предков потомкам, забывающим свою культуру и язык.

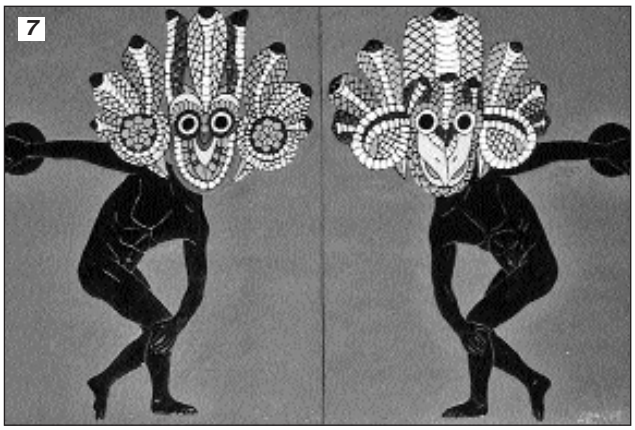
* * *

ГОЛОСА ПРЕДКОВ

Я голос дудочки расслышу
за – векАми,
и – за горами,
и – за рекою Инд,
где в позе лотоса
старик сидит
и ртом касается
свирели Бога,
и древними перстами шевелит,
чтоб звук божественный
потрогать...
А он неуловим,
как горний свет и смех,
как соло ангела
в одеждах белых...
Гремучая змея
за ним следит
мертвенным взглядом глаз окаменелых ...
Вот – кольца развила,
привстала на хвосте,
лозою гибкою
покачиваться стала...
Танцует, позабыв о зле.
Не выпуская жала...
Ту дудочку, старик,
от уст не отнимай.
Пускай она моей
душою станет.
Я рождена
в весенний месяц май,
когда земля поёт
и петь – не перестанет.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Шаманка Алтаки из рода Ольчи. Фото А. Герасимова.
2. Петроглифы на базальтах Сикачи-Аляна.
3. «Петроглифы» на берестяных куркэ (туесках)
4. «Медвежий праздник» Рисунки из прошлого: музыкальное бревно удядюпу; шествие медведя перед закланием.
5. «Близнецы» – рис. Г. Павлишина.
6. Арбуз с «посланием» в селении Дада.
7. Идея «близнецов» по мотивам античной скульптуры Мирона «Дискобол» и масок острова Шри-Ланка. Художник Андрей Авдеев. Техника горячей эмали.



7

Владимир КАРПОВ

ЗАСТОЛЬЕ
С ВИКТОРОМ ПЕТРОВИЧЕМ

То ли мне так везло, то ли он такой был, что каждая встреча с ним являла собой сюжет, готовый для народной присказки или анекдота.

Первая встреча была на Всесоюзном совещании молодых писателей, где я оказался в семинаре Виктора Астафьева: самом, полагаю, почётном. Нас было у него девять семинаристов, приблизившихся к высшей, на ту пору необыкновенно почитаемой литературной касте. Восемь молодых мужчин, в основном, прибывших в столицу из провинции, и одна женщина, смуглая кубинка Роза Бовет! Опустим течение семинаров с подробным обсуждением наших рукописей, вспомню только, что Астафьев говорил, мол, «мы» – их поколение – так не начинали! Но в убедительном сильном начале всегда кроется опасность, дальше можно не перепрыгнуть себя. В самоуничижительной язвительности, свойственной русскому вообще и сибиряку в особенности, называл своё поколение удобрением, которое лишь призвано сдобрить почву. А вот уже из моего поколения, на возделанном-то поле, может появиться и будущий гений. И в таком значительном самоощущении девять несомненных гениев после трёх дней

тяжёлой семинарской работы по приглашению самого Виктора Петровича, в нас так верующего, переместились в ресторан гостиницы «Юность», где мы все и проживали.

Застолье в жизни писателя явление особенное: он, месяцами в одиночестве создающий свои миры, призванные одолеть вселенскую несправедливость и восстановить гармонию, вдруг вырывается к людям, к тому самому народу, о котором и радеет его многострадальная душа! А «народом» чаще всего оказывается та же самая писательская братва, которая словно множество горных рек стекается в единое озеро застолья, в своеобразный Байкал, с единственной вытекающей рекой. Ах, какое же тут брожение, какое бурление умов и самоопределение личностей – в этом озере застолья!

– За великую русскую литературу! – поднимал бокал один семинарист, обречённый на скорую гениальность!

– За русскую охоту! – вторил другой, зная приверженность Астафьева к данному предмету.

Виктор Петрович молчал, как умудрённый человек и педагог. И всё бы оно хорошо, всё бы под стать, но рядом с ним сидел, клоня голову ниц, сибирский писатель Геннадий Машкин. И буквально после каждого высокого заздравия, он, будто осенённый, вопрошал:

– Виктор Петрович, а хорошо с женщиной на соломе?..

Виктор Петрович не менялся в лице и никак не реагировал на вполне искренние провокации товарища по перу. Кубинке Розе Бовет что-то нашёптывал на ушко переводчик, не знаю уж, как объясняя вкрапления озабоченного сибиряка.

– За Россию! – меж тем очередной «участник Всесоюзного совещания молодых писателей» пылко провозглашал тост.

– А хорошо с женщиной на соломе?! – во что бы то ни стало хотел быть услышанным Машкин.

Не меняясь в лице и не глянув на страдальца, Виктор Петрович ровно бросил через плечо:

– С женщиной везде хорошо. Даже на навозе.

Поступил я на Высшие литературные курсы. Жил в Москве, прослышал, что приехал Астафьев, остановился в гостинице Россия. Попал я к нему прямо в разгар застолья. У Виктора Петровича как раз вышла книга: впервые в полном объёме был издан «Последний поклон», который создавался десятилетия. К этому времени Виктор Астафьев сделал то, о чём давно мечтал и говорил: после войны его с семьёй занесло на Урал, потом жил в Вологде, и вот, наконец-то, свершилось возвращение на землю обетованную, в родной, так изумительно воспетый им Красноярский край!

На подоконнике стопкой лежали свеженькие пачки книг, верхняя была уже почата, с небрежно разорванным обёрточным картоном и веером обнажившихся корешков объёмистого тома «Последнего поклона».

Напротив Виктора Петровича сидел известный кинорежиссёр Элем Климов. Рослый, плечистый, мужественного вида, с грудным низким голосом. Тогда он нам и расшифровал своё диковинное имя: производное от – Энгельс, Ленин, Маркс – Элем. На ту пору его ещё более известная и необыкновенно талантливая жена Лариса Шепитько уже погибла: память о трагедии была свежа. Климов пьянел легко, рассказывал о военном детстве, как мальчишками они с моста стреляли из трофейного оружия в колонны военнопленных. Не знаю, была ли это рождённая алкоголем и сдерживаемыми переживаниями художественная фантазия, правда ли, но рассказ такой был. Астафьев на это сказал, что он помнит, как выстрелил на войне во время боя в бегущего навстречу немца, врага: всего одного, которого видел упавшим своими глазами. Да и то до сих пор не по себе, берёт чувство вины.

В номер постоянно заходили гости со словами признательности, одни сменялись другими.

Был Леонид Дьячков, актёр. В студенческие годы (а учился я в Ленинградском театральном институте) мы на «Дьячкова» в роли Веньки Малышева в спектакле по повести Павла Нилина «Жестокость» (театр «Ленсовета») ходили по нескольку раз. Ничего в Дьячкове не было от «актёрства». Бубнящий, чуть скованный, что называется, весь внутри. Восемнадцатилетний коммунист Венька-Дьячков на сцене изумлялся происходящему, чего-то не в силах постичь. В этом же спектакле играл бандита Воронцова тогда ещё никому не известный Алексей Петренко: запоминался сразу. Когда Венька разрешил свои вопросы выстрелом в висок из пистолета, помню, как я всеми силами пытался сдержать слёзы: мне почему-то было стыдно плакать. Скользнул взглядом по залу – слёзы на зрительских глазах сверкали под прожекторами. При этом – тишина, ни шороха, ни всхлипов. Ни до, ни после мне не доводилось встречать в театре такого общего зрительского потрясения.

В жизни Дьячков, чрезвычайно опрятный, при галстуке, с волнистым уложенным чубом, ясноглазый, благоговейно жал Астафьеву руку. И я ему, с тем ещё студенческим поклонением, пожал руку. Он тихо – весь внутри – улыбался. Глаза светлые, светлые: прозрачные. Скоро, с перестройкой и переменами, когда, как и во времена Веньки Малышева, менялись ценности, Леонид Дьячков завершит земные дела, как и его герой, выстрелом из пистолета.

Помню, заходил невысокий журналист еврейской наружности, которого Астафьев отметил где-то в интервью как мастера спортивной журналистики. Он не присел, стоял с почтением в сторонке. Позже, по запомнившейся странной текучей улыбке мне стало думаться, что это был Савик Шустер. Но также возможно, что кто-то иной. После его ухода Виктор Петрович поблагодарил честную компанию, что никто никоим образом не унизил ситуацию до шуто-

чек на известную национальную тематику.

Гости, не выдерживая Астафьевского размаха, хмельно подламывались, чередовались. А Виктор Петрович только набирал обороты, становился всё речистее, кажется, ширился, шёл чуть не плясом, рассказывая одну историю за другой: «Полежал, смиренно вытянувшись, Адам – не прогоняют. Тогда он придвинулся к Еве потеснее и услышал: «Ну, энти мужики! Ну звери и звери! Со стужи, с ветру... и холодными лапами сразу к живой теле!..» – изображал он бабье жеманство, и народ в номере гостиницы с пониманием дела затихал, дабы не мешать этим, в холодном вагончике под жарким одеялом. Астафьев меж тем решительно менял тональность: «Жили Адам с Евой весело и даже бурно. Гонялся, и не раз, Адам за Евой с ломом и путевым молотком, подняв струмент над головой...» Астафьев и сам взмахивал, как знаменем, воображаемым «струментом»! И всё застолье, как боевая ватажка, общим движением вздымалось следом.

Спустя год ли, полтора стал я читать только что выпущенный «Печальный детектив». «Ева любила народ...». Фразы, сказанные, казалось, в застольном угаре, были один в один с текстом его новый повести. То есть, если для большинства застолье было, может быть, и приятным, но времяпрепровождением, для Астафьева – продолжением работы. Он «обкатывал» на наших ушах, нашем восприятии свой литературный текст. Впрочем, с «времяпровождением» – я погорячился. Астафьев захватывал своей энергией, уводил в свою фантазию, в сотворчество: рядом с ним хотелось ввысь, к большим свершениям, к своему имени.

А застолье то, в номере гостиницы, закончили мы с Виктором Петровичем исключительно вдвоём, друг против дружки. В какой-то момент у меня хватило ума понять, что старший мой товарищ и учитель хоть и горяч, и широк, да ведь изранен и не молод. Провожал меня Виктор Петрович в коридоре, там же вручил книгу «Последнего поклона» с надписью: «Володе Карпову с любовью и на дружбу». И, верите, нет, попросил книгу не терять. «Да как можно?!» – взмолился я. «Э-э, Володя, – протянул Астафьев, – где я эти книги дарёные только не находил...»

Подступало, как бы набухая, время перемен. К власти в стране пришёл Андропов. Ощущение, что сейчас будут закручивать гайки, и закручивать, возможно, прямо на тебе – существовало и несколько придавливало. Но придавливало на удивление желанно: было же понятно, что так дальше нельзя, и надо их подзакрутить, гайки нашей социальной системы. Учиться на ВЛК я уезжал из Челябинска, после успел год пожить в Чебоксарах, снова перебрался с семьёй поближе к Москве. Занятие литературой всё ещё казалось самым высоким и общественно значимым человеческим предназначением, которое, соответственно, требовало жертв: мы уходили на «вольные хлеба», перебиваясь случайными заработками. Так, в заботах о хлебе насущном, шёл я по проспекту Горького, который пока ещё мужественно сопротивлялся тому, чтобы стать Тверским. И прямо навстречу, лоб в лоб – Виктор Петрович! Не сказать, чтобы встреча была совсем уж случайной: Астафьев направлялся в «Новый мир», а я шествовал оттуда. Года два там уже лежала, но никак не попадала в номер моя вроде как одобренная повесть (это, похоже, была традиция редакции: авторов из так называемой «обоймы молодых» брать измором). «Пойдём, я тебя с твоим тёзкой познакомлю?!» – взмахнул Виктор Петрович, предчувствуя сюжет. Главным редактором «Нового мира» был тогда – Владимир Карпов. Когда меня кто-то кому-то из так называемых официальных лиц представлял, обязательно следовало: «Но это не тот Карпов», – человек значительно кивал куда-то в сторону. На что у меня также был ответ: «Я как раз – тот». Гонорары мои пару раз уходили Владимиру Васильевичу, причём в чеках, из-за границы. И вот теперь могла быть от него и польза: сам Астафьев меня познакомит с главным редактором главного литературного издания страны!

Виктор Петрович по пути расспрашивал про мои дела. «Может, тебе про какого-нибудь директора завода написать? – смотрел он искоса. Искоса он смотрел всегда: немногие знают, что один глаз у него был искусственным – протез. «Окривел» он войне, после ранения. И ка-

кое же это ранение было, если не стало глаза – в голову?! «Да ведь не напишешь ещё, как надо...» – вздыхал Астафьев, – а напишешь, как не надо, так ещё и...». Понурый он был, в светлом, как-то обвислом на нём плаще. Совсем непохожий на того сдержанного и торжественного, монументального Астафьева, которым был он на Совещании молодых, и на того речистого и лихого, каким предстал в номере гостинице среди друзей и почитателей. Так, в унылости, в погруженности какой-то, может быть, и глобального характера противоречия, Виктор Петрович в моём чинном сопровождении поднялся по старой лестнице на второй этаж редакции почтенного издания. Открыл дверь кабинета с надписью «Главный редактор»... И в тот момент, в то мгновение, когда нога его переступала порог, Астафьев как-то присел, рука его пошла кругом, будто он собирался пуститься в пляс, и уже разудалый сибирячок или Вася Тёркин, произнёс: «Здорово, разведка!». И далее последовало: «Разтудыттвоютуды!» – семиэтажный отборный фронтовой мат.

За кабинетным дубовым столом сидел человек с квадратными плечами, округлым холёным лицом с мужественным подбородком и тонкой полоской филигранно выстриженных усов. Он был – как с Доски почёта, с портретов членов Политбюро! В новом костюме, с белоснежным воротом рубашки, с идеально повязанном галстуком. Этот человек – почти изваяние – стал подниматься, коротко с опаской глянув на меня, ещё решая как ему себя вести при посторонних глазах. Но обстоятельства Астафьевского напора сделали свой выбор. Главный редактор, Герой Советского Союза вдруг тоже чуть присел, резко взмахнув руками: «Здорово, пехота, тудыжраствоютуды!»». И они, два фронтовика, два тёртых и битых жизнью человека – Владимир-то Васильевич, при всём своём внешнем официозе, и в тюрьме сиживал, и «языков» брал! – они крепко обнялись, пожали друг другу руки. А представление продолжалось: «Знакомься! – указывал Петрович на меня, – Владимир Карпов». «Знакомься, Володь, – теперь он обращался ко мне, указывая на хозяина кабинета. – Владимир Карпов». Владимир Васильевич пережил небольшое замешательство, пока не разобрались: не совпадают у нас только отчества. Он – Васильевич. Я – Александрович. «Наливай», – скомандовал меж тем пехотный связист. «Нет, нет, – сказал Владимир Васильевич, – я, кроме кефира, давно уже ничего. Печень». И действительно, кожа лица его была гладкой, но желтоватой.

Остановились на чае. Прихлёбывая, под фронтовую густую перебранку, бывалые друзья занялись правкой рукописи, которая готовилась к публикации в журнале «Новый мир». «Нет, Виктор Петрович», – пытался взять соответствующий тон главный редактор, – это не пойдёт» «Да твоюжраздуды, ты ж там, твоюраствою!». «Ну, ладно, Виктор Петрович, оставим! – махал рукой и Владимир Васильевич, сжимая в решительности боксёрский кулак, – растудыжтвою!...». «Нет, нет и нет», – в следующий раз редактор становился непреклоннее, – я ж там тоже был, знаю, тут ты уж чересчур...».

Под ухарство и матерки – я наблюдал – добрых три четверти исправленных или убранных из авторского текста редактором мест рукописи были возвращены на прежнее место.

«Продавил» Астафьев и меня. «Тёзка» позвонил в отдел, спросил про рукопись, получил одобрительный ответ, что не помешало продержать её в отделе ещё с полгода, пока она не была опубликована в другом журнале, и вопрос отпал сам собой.

«Окопник» и «разведка» шумно распрощались, соответствуя былому. Мы с Виктором Петровичем пошли. И опять ровно в тот момент, когда он перешагнул порог кабинета, Астафьев, словно выпустив пары, как-то вновь весь приосунулся, устало сказал: «Да, Володя, вам будет труднее. Раньше хоть собак на уши можно было навесить. Дальше уже этого не получится».

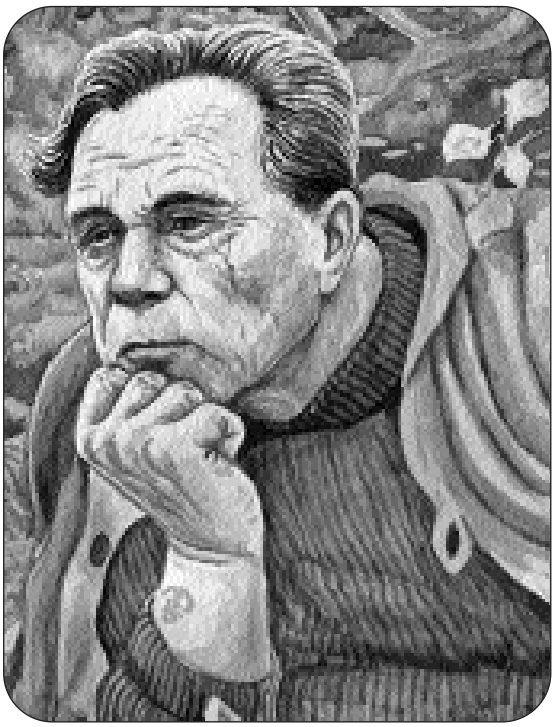
Он, выходит, «заглядывал за горизонт»: в наш новый прагматический мир.

И следующая наша встреча произошла, когда это новое стало настоящим. Москва – город, где, казалось бы, люди могут только теряться. Но, на удивление, здесь происходят самые неожиданные встречи: то с собственной женой, отправившейся за покупками из Подмосковья, то с полузабытым и живущим где-нибудь в Хабаровске другом, то... Помню, когда мэром Москвы был Га-

врила Попов и по Арбату бегали жирные крысы, спускаюсь в метро и чувствую – не взгляд, а два тлеющих уголька в мрачном подземелье, в катакомбах: тогда серость осевшей сажей легла на лица и на всё сущее в пространстве. Два уголька просто источали общее человеческое стенание. Я обернулся на тлеющие огоньки – Валентин Распутин стоял, как это он всегда любит, в сторонке, в глубине. Тогда ещё его дочь не погибла и приветливая красивая и очень скромная жена Светлана была жива. И творческая судьба, казалось бы, складывалась так, что на сегодняшний день кажется почти не реальным: в тридцать семь лет лауреат Государственной премии, абсолютное общенародное признание, член президентского совета, великолепная квартира в районе Арбата... Но глаза Распутина – нечеловечески страдали. Или – человечески, как на распятье...

И вот ещё одна, теперь уже абсолютно случайная встреча. Еду я в электричке метро от станции «Измайловский парк». Держусь за поручни. Чую, кто-то за полу пиджака дёргает. Смотрю – мужик какой-то сидит, по виду, конюх, не конюх – откуда ему в Москве? Истопник... Думаю, сейчас рубль или два попросит, тогда их много стало, попрошаек. Мужик улыбнулся, глазом закосил... Ба! Да это же Виктор Петрович! В том же плаще, лишь полинялом и выцветшем. И сам – ну, истопник!

В 90-е годы, когда после гуманитарного бума разбухшие литературные издания «тощали» на глазах, людям становилось не до книг – быть бы живу! – я рванул в эфирные СМИ. Это был и хлеб для семьи, и вполне искренняя вера в реальное воздействие на общественную среду, в возможность отстаивать национальную государственническую позицию, ко-



торая, как ни странно для существования государства, оказалась порицаемой. Здание старого прошлого должно было быть разрушенным, и абонированные СМИ, электронные, как наиболее массовые, особенно, на это работали. Сначала я пытался пробиться на ТВ, даже пробовался в качестве ведущего. Директор программы потом очень признательно пожал мне руку, сказав, мол, очень ты понравился, но, понимаешь, далее дословно: «если я тебя возьму, надо будет уволить весь телеканал». Эфир я всё-таки получил: стал вести программы на евразийской по концепции, близкой мне и объединительной по духу радиостанции. Астафьев – глыба национальной жизни – в эфире, это же событие!

Теперь он повёл меня знакомиться с актёром Алексеем Петренко. Тем самым, который когда-то поразил меня, как зрителя, вместе с актёром Дьячковым в спектакле «Жестокость». Теперь это был уже известнейший признанный артист! Шли мы с Виктором Петровичем по Бульварному кольцу, в район Малой Бронной. Я интриговал Астафьева, рассказывая, как, может быть, сыграл в актёрской судьбе Петренко определённую роль. Когда я учился в Ленинграде, нынешнем Санкт-Петербурге, к нам на курс приходил режиссёр Александр Митта. Среди прочего, был вопрос: кого из ленинградских актёров мы видим в роли Петра Первого. Занятия наши проходили в ТЮЗе (студия Корогодского), где среди ведущих актёров был несомненный «Пётр»: рослый, с необыкновенным внешним темпераментом Николай Иванов. Сокурсники мои в голос рекомендовали: «Иванов». Я тоже любил Колю Иванова, но был потрясён «Жестокостью» (до сих пор мурашки по телу). Назвал имя тогда ещё даже в Ленинграде малоизвестное: «Алексей Петренко». И посоветовал посмотреть спектакль «Ленсовета». Митта продолжительно остановил на мне взгляд, переспросил. Че-

рез некоторое время вышел его фильм «Арап Петра Великого». Играл в нём Петренко.

Виктор Петрович с горечью вспоминал писателей, замечательных, гениальных писателей (скажем, называл Прасолова), вовремя не услышанных, не поддержанных, так и ушедших, рано, сорвано. Тот же Рубцов, искавший смерть. «Талант не только дар, но и наказание», – запомнилась формула Астафьева.

Петренко дома не оказалось: сегодня трудно представить, как можно идти в гости, не позвонив? Но тогда – мобильных телефонов не было, телефоны-автоматы сплошь сломаны, или монетки не найдёшь. Легче дойти. Его жена, никак не похожая на жену кинозвезды, полная, в очках, умная, напоила нас чаем, и мы отправились дальше. Теперь к художнику Капустину, в доме которого Виктор Петрович и остановился: Капустин, как и я, был с Алтая родом, Астафьев очень удивлялся, что мы не знакомы.

Капустина тоже дома не было. Но его семейство устроило нам большое застолье: на столе было много всякого соленья, и Виктор Петрович почему-то мне то и дело подкладывал мочёный чеснок. И вот тут, когда он держал на весу крупную мокрую чесноковину, мне бросился в глаза его палец. Как не замечал этого пальца раньше?! На указательном пальце Виктора Астафьева был широкий рубец – нарост такой, какие бывают у каратистов на костяшках кулака от постоянных ударов по снарядам. Только у Астафьева этот «ударный» нарост был от авторучки! Стало ясно, как даются ему эти его, казалось, легко и невзначай вылетевшие строки.

В квартире Капустина мы записали беседу для радио. Астафьев теперь говорил, что его поколение, на долю которого чего только ни выпадало, оказалось лучше готовым к переменам. Я не мог не согласиться: время многих из моих пишущих ровесников просто заторопило на погост. Но также верно было и то, что именитые писатели почвеннического толка также не блистали новыми произведениями. Появлялись публикации из этой плеяды только у Астафьева, да все не «Пастух и пастушка» или «Сон о белых горах»... «Гений появился, – заключал Виктор Петрович, – но это человек нашего поколения: Александр Исаевич Солженицын». Он так и назвал: по имени, отчеству и фамилии.

Я же на ту пору вообще не верил в скорую востребованность русской литературы.

Думаю, что и Астафьева охватывало, закручивало и выкручивало всё шибче (тут именно по-астафьевски хочется сказать) это чувство – неверия и отчаяния, даже какого-то мстительного отчаяния. За детство ли своё израненное исковерканное? За мать, которая погибла на Енисее, когда плыла на плоту и зацепилась косой за бон (это ж какую косу надо было иметь!)? За отца, мыкавшего по тюрьмам, пока сын рос? За потерянных на войне одногодков? За всё то, что породило необыкновенно богатый жизнью и образами мир «Последнего поклона»? Зря, полагаю, он вернулся в своё родное село, Овсянку: надо было тогда и детство возвращать!

Мне довелось побывать у Виктора Петровича в Овсянке. Было это в 96-м году. Меня пригласили как писателя на литературные чтения. Но человек, очутившийся в электронных СМИ, становится частью своеобразной мясорубки, для которой бытие служит исходным сырьём. Помните, в «Сладкой жизни» Филини: известного журналиста избивают, а его друг вместо того, чтобы броситься на помощь, начинает снимать, с жадностью щёлкает фотоаппаратом. Всё в мясорубку, на фарш! Вот и я притащил с собой в деревенскую избу Виктора Петровича – оператора с телекамерой. Вокруг дома Астафьева, когда мы прибыли, уже парочка телегрупп дислоцировалась, издали, через забор выцеливали объективами камер.

Виктор Петрович как увидел меня с вооружённым сопровождением, так чуть ни матом, как это он славно умел, мол, сам заходи, а этот «глазок» даже не расчехляй, а то от ворот поворот.

Я ещё оглянулся на тех, кто с телекамерами – «глазками» – вёл свою охоту. Дал слово, что снимать не будем.

– Меня тут одни снимали, снимали, я им, как людям, рассказывал, рассказывал, а фильм вышел, гляжу, у меня вот сосед живёт, пять судимостей, он у них главный рассказчик! Ну, так и снимайте про него, чего здесь Астафьева-то прилепили...

Потом Виктор Петрович рвал лук, вытаскивал морковку с грядки – на угощенье, для гостей, – и всё не унимался:

– Вот я наклонился, а он не снимет, – указывал Петрович на оператора, – что я морковку, которую сам со своей Маней ращу, из земли пальцами выковыриваю. А, вот что Астафьев вверх поплавком встал, это пока-ажет!

И вновь было застолье! Виктор Петрович нёс всех и вся по кочкам:

– Мы в бараках жили, по двадцать семей кряду! Но в бараках было чисто! Занавески накрахмалены, половики простираны! На реке, с валиками! Уборная стояла: двенадцать дырок для женщин, восемь для мужчин. Но в уборной было чисто! А сейчас... – Астафьев махал рукой, передавая картину ужаса и смрада, творившегося «сейчас»! Но и этого ему было мало, он пускался в предсказания: – России больше не будет! Может, будет страна, которая называется «Россия», но это будет не Россия! И русского народа не будет! Может, и будет кто-то назваться «русскими», но это будут не русские люди!

Во мне всё закипало. Верил во что-то или нет, но я ещё был сравнительно молод, я только что вылез из-под поезда! В городе Твери бежал за уходящим составом, в котором уезжали мои вещи, документы, догнал последний вагон, а проводница закрыла передо мной дверь, дескать, не прыгай, скорость. И для меня, знать, в подсознании этот поезд был уже всей уходящей, уносящейся куда-то жизнью: страна менялась, рушилась, в семье всё шло наперекосяк, сын, ровно в шестнадцать ставший кандидатом в мастера спорта по боксу, попал под суд! Их, спортсменов, в нашем подмосковном городке со школой олимпийского резерва по единоборствам, был полон двор, а оставалось – три-четыре парнишки, остальные все полегли в необъявленной криминальной войне. И я, нагоняя жизнь, рванул, в конце платформы вцепился в поручни предпоследнего вагона, но одной рукой. Потом мне говорили, что нужно обязательно двумя, тогда удержаться можно, а одной – закидывает... Очнулся в реанимации: перебинтованный, с антенной, торчащей над глазом. И перевязанные ступни ног так в одну сторону скошены. Врач очень изумлялся, говорил, за тридцать лет практики – второй случай, когда человека с рельс привозят с таким малым ущербом. Первый – ухо отрезало. Правда, там был трамвай. И вот второй – отпластнуло большой палец на ноге. Через день-другой, когда меня перевели в палату, и я скорбно поведал мужикам том, что палец на ноге теперь мне сниться ночами, один весельчак тотчас подбодрил: а представляешь, если бы все пальцы на ногах у тебя остались целы, а того пальца нет?! Рёбра срослись, порывы зарубцевались, слез с костылей, и трижды сильнее хотел жить, выдирать детей своих из лап времени реформ, сворачивающих судьбы, и я хотел при этом оставаться русским!

Ещё сдержанно, соблюдая, что называется, субординацию, выговаривал Астафьеву: ни обида ли в нём говорит? Он вернулся в село, воспетое им, а здесь совсем не та жизнь? Так оно и село-то, уже не село, а дачное место, находящееся в тридцати километрах от крупного города, лучших людей город всосал, а сюда ушли «стоки». А другая категория – дачники, дачники и есть!

Христа продали! – обвинял Астафьев народ. Заповеди преступили. Крикнул юродивый, экспроприируй экспроприируемое, и пошли за ним! А ведь всё было сказано, всё просто: не убий, не укради, возлюби ближнего... Покаяться, надо, покаяться...

В словах Виктора Петровича было то, о чём многочисленные тогда «правозащитники» и модные интеллектуалы трубили по всем каналам мобильных СМИ с тем праведным видом, будто они жили в каких-то иных пределах, где-то у Христа за пазухой, и в грехах не повинны. Меня прорвало.

У меня громадная родня на Алтае! – пустился я в крик. В ор. Во зло: я, наконец, тоже из Сибири, и пятернями тоже потрясать умею! Моя родня всю жизнь в ломовой работе, крестьянствовали, кузнечили, шофёрили на Чуйском тракте, сколько калечились на этих сенокосилках, лесопилках, воевали, и никаких заповедей не забывали: и чужого не брали, а уж ближнего умели возлюбить куда как больше самого себя...

Телеоператор, молодой рыжеволосый парень, забыв про «глазок», смотрел, как мы собачимся, гость и хозяин, во все глаза.

– За что им каяться?!

– Так и меня также, и меня такая же родня... – вдруг нежно, тепло заулыбался Астафьев.

Хотелось ему, что ли, чтобы кто-то это сказал, хотелось? Подначивал он, что ли, и подначивал на ту пору всю страну?

И только тогда, словно расчистив место для доброй постройки, дав выплеснуться наболевшему в нас, временному, повёл важную для себя речь: по-астафьевски. Какой же это был рассказчик! И голос его то уходил ввысь, в придыхание, то скатывался на низа. Говорят, что Астафьев хорошо пел, не слышал, но убеждён, что так. Понятно, он вновь вёл застольный период работы над письменным текстом.

Я не знал Рубцова лично, но хорошо представлял, как стоит поэт в квартире Астафьева, держа рюмочку на весу и чуть накреняясь, отчего, как бы случайно, на дорогой ковёр падают капельки коньяка. С длинного мокрого, после дождя, плаща его также падают капельки (Астафьев дорисовывал картину ещё и мимически). Требует дополнить рюмку и снова роняет капли на ворсистый ковёр этого сытого, обласканного лауреата Государственных премий, который написал про какую-то госзаказовскую рыбу. Виктор Петрович не стыдился, не скрывал того, что он, казалось бы, народный и простецкий, в глазах «чистого поэта» Рубцова выглядел чуть ли ни придворном писателем, а со смехом, иронией и пониманием смаковал ситуацию. Следовал следующий сюжет, как он, Рубцов, и ещё один вологодский писатель Коротаев были на севере области. Собрались в старую намоленную деревенскую Церковь. Вечер, время идти, а Рубцов, набравшийся «плодово-выгодной», где-то у реки лёг за бревно, и всё. Потормошили, потрясли, ну, что делать? Не готов он, значит, для Высших целей. Вдвоём с чувством собственного морального соответствия оправились в Храм. Поставили свечки, помолились, причастились, и так хорошо на душе, славно, вышли из Церкви затемно. Чувство такое приподнятое, высокое, но деваться некуда, надо идти за Рубцовым, будь он неладен! Подходят, а Коля сидит на бревне, плечики поджал и, кажется, такой прозрачный. Смотрит перед собой – а по реке туман. И вдруг читает, стихи. Бог ты мой – сильнейшие чистые строки! Когда ты это написал? Да вот, только что. Прямо сейчас написал?! Да, не написал, писать-то нечем, так, с голоса. Господи!.. Мы там, ходили, Бога искали, а Бог-то сюда, к нему приходил. И стихи эти Рубцов так и не записал, и они записать не догадались, прозвучали гениальные стихи один раз в ночном тумане, и всё…

Телеоператор косил глаз на камеру, дескать, такое снимать надо, но я слово дал, и как в случае с Рубцовым, было и….

«Погибшие строки: страницы воспоминаний о поэте Николае Рубцове» – Астафьев положил на бумагу лишь три года спустя после того, как мне привелось услышать в устном изложении. В то время Виктор Астафьев со своими новыми публикациями активно поддерживался либеральной общественностью. Консервативная – а это его друзья по всей жизни! – считала «переметнувшимся», подладившимся под новую власть. Убеждён, что если Виктор Петрович даже очень этого захотел – «подладиться», – ничего бы из этого не получилось! Характер не тот – стихия, которая, когда надо, удивительно сочеталась с жесточайшей самодисциплиной. Да и мог ли он так мелко плавать, ровняя себя по поэту древности китайцу Ду Фу, которого страстно почитал, или по современнику сербу Павичу, которого, для меня неожиданно, весьма ценил. Просто Петрович был слишком «народной клеткой». А на рубеже веков это качество наше национальное – склонность к самобичеванию – оно и в самом народе достигло критических пре-

делов. Стоило заговорить с человеком, что называется, самого простого звания, как тут же – и ленивые-то мы самые, и нерадивые, рвань, пьянь – тьма кромешная! Я тогда, бывало, при разговорах таких карту земного шара открывал, две круглые половинки, и просил посмотреть – вспомнить – сколько русские освоили, распахали, обжили землицы-то! Никчемненькие-то, сирые, а?! Вот и «Погибшие строки» – они были как бы и о Рубцове, и беде нашей злостной, в которой ждёт погибель и «строки», и народ! Лечение, – хочется добавить в продолжение нашего застолья, дорогой Виктор Петрович, – оказалось скорым: примерли как-то влёт пьяненькие наши, часто при этом самые мастеровые, упокоились вместе с советской беспечностью!

Тогда же, в 96-м, суть рассказа была в ином. Мы, за горячими разговорами, опаздывали на концерт японских музыкантов, который должен был состояться в библиотеке села Овсянка. Виктор Петрович, в желании успеть дорисовать сюжет, вёл речь только о поэте и о том явленном воочию открытии, что ангел небесный спускается совсем не там, где люди наметили его прибытие, и не к тем, кто по человеческому разумению этого достоин. А воистину – ищет, где хочет. Божья душа – дар и наказание.

Если дом у Астафьева в Овсянке был обычным – изба, то библиотека его стараниями возведена на славу: двухэтажная, с залом для встреч и концертов.

Японское струнное трио исполняло в Овсянке музыку Чайковского. В окно второго этажа светило яркое солнце, Енисей зазывал светлыми водами: библиотека располагалась на берегу. Накрытый банкетный стол ждал в одной из нижних комнат. Участники и гости литературных встреч сидели с непроницаемыми лицами. А японцы всё водили и водили смычками.

Вдруг взгляд мой упал на Астафьева: скорее, не упал, а как в предчувствии чего-то, поманило глянуть. Чуть поодаль, по левую сторону от меня, сидел человек, лишь отдалённо напоминающий того Виктора Петровича, с которым я только что застольничал. Лицо его было гранённым, рельефным, и легко, едва уловимо, покачивалось в пространстве ровно в такт музыке. Рука прямо свисала плетью и пальцы на ней, кажется, безжизненной, нереально подрагивали. Перебирали ни то струны, ни то лады. Я знал, что Астафьев любит музыку, собирает пластинки с классикой, но вот чтобы так?! Вася Полячек заиграл где-то в моей голове на скрипке, и мальчик тот, из начальных глав «Последнего поклона», увиделся, прижимающимся к коре лиственницы, к дуплу её, как к к родильному лону, ещё пытаясь спрятаться от этого нового притягивающего и опасного мира, который восстаёт за звуками музыки… Мир Астафьева для меня сродни миру Толстого, только, наоборот: у классика герои приходят в жизнь и страницы его творений очень сложными, перегруженными ношей вселенскости человеческой, чтобы, в конце концов, понять величие простых истин. А у моего современника Астафьева – герои приходят простыми и мир, да ещё такой, мир XX столетия осложняет их, заполняя подчас непомерной духовной ношей. Иная, чужая музыка Васи Полячка – первая встреча с большим и пока неведомым миром для сибирского деревенского мальчика.

Одно из многих противоречий Льва Толстого видят в том, что он, не любя фотографироваться и позировать, оставил столько своих портретов и фотографий, сколько вряд ли найдётся у кого-то из его современников. Ну, во-первых, Толстой всего оставил столько, что вряд ли кто сравнится. А, во-вторых… Секрет, думаю, прост. В следующий день литературных встречь Астафьев сказал: «Ладно, расчехляй, Володя, свой «глазок». Тебе же семью кормить надо…». И мы сняли наш разговор. Без брани, но народу и «национальной ограниченности» всё равно доставалось крепко. Сюжет о стихах, или ангеле, явившимуся Рубцову где-то у бревна, Виктор Петрович опустил. Повторил, сказанное некогда: поэт искал смерть. Но как ни била Николая Михайловича судьба, как ни ломал себе жизнь он сам, в его поэзии нет и тени обиды, надрыва. Есть свет, есть благодать. Астафьев с подчёркнутым почтением называл того, кого многие звали панибратски «Колей», по имени отчеству. Прирождённый артист Виктор Петрович чувствовал разницу и обращался уже к массовой аудитории, делая это блистательно!

Был год президентских выборов. В важности текущих политических событий монтаж моих записей «для вечности» всё откладывался, тем более, что я не был штатным сотрудником телеканала. А когда пришло время, обнаружилось, что в судорогах репортажной спешки кто-то из журналистов схватил мои без дела лежавшие кассеты и записал на них, несомненно, судьбоносные политические выступления, где также талантливый природный

артист отплясывал перед так называемым электоратом с надорванным сердцем в матёрой груди.

Встреча ли с Астафьевым, так ли время подошло, но меня снова резко потянуло к письменному слову. Опубликовал скоро три маленьких рассказа в журнале «Москва». И понял громадную разницу: я вёл программы на радио с хорошим распространением сигнала, и приходили пачки писем. Они были адресованы мне, но обращались к позиции, которую я выражал, к концепции радиоканала или теме программы, мною предложенной в эфире. После публикации рассказов ко мне подошли человека три, но они обращались именно ко мне, к тому важному и сокровенному, с чем я и сам в суете бытия встречаюсь в себе нечасто.

Должен заметить, если уж мы заводили речь про «Рассею», как Виктор Петрович на есенинский лад любили говаривать, то пишу я эти заметки в Абхазии. Вокруг тропические растения пансионата «Айтар», древняя церквушка во дворе, жирная полоса моря. И детворы, на глаз, дивизия. Вчера ещё, казалось, страна лежит не на боку, а навзничь, не подняться. А сегодня полные железнодорожные составы купейных вагонов с детьми из малообеспеченных и многодетных семей прибыли и прибывают к черноморскому побережью. Страна оплачивает дорогу и пребывание: если ребёнку до семи, то едет сопровождающим, также с полным пансионом, родитель, как в моём случае. Второй родитель при желании – за свой счёт. Старшие наши – едут в пионерлагерь в Анапу. Без всякого блата, волокиты: просто заходишь на соответствующий сайт, предоставляешь сканированные копии документов, и вперёд!

Мы были недалеко от границы, когда Интернет запестрил сообщениями о политическом перевороте в Абхазии. Молодые и юные мамы, рождённые именно в кризисные годы, когда пророчества о конце России были нормой и модой, – матери сохраняли спокойствие, уверенные, что страна вопросы решит.

Расторопная горничная пансионата «Айтар» абхазка Кристина слышала о перевороте в своей стране впервые от меня: хихикнула и, как более серьёзным делом, занялась вдеванием подушки в наволочку. Зато старый горбоносый таксист (типичный горец), который подвозил меня с дочерью и женой на рынок (где клубника и черешня оказалась на порядок дороже московской), расчихвостил свою власть и все надежды «простых людей» возложил на Россию!

Так что, – мысленно я продолжаю застолье с Астафьевым, – дорогой Виктор Петрович, как сказал мне один гаишник, взымая двойную мзду по сравнению с прежней ценой: «Жизнь-то – не стоит на месте…»

НА НАШИ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ ПО КАТАЛОГУ "РОСПЕЧАТИ":
"МИР СЕВЕРА"
ИНДЕКС - 47303. ПЕРИОДИЧНОСТЬ - РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ"
ИНДЕКС - 50232